

Е. В. Кремнёв

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯПОНИИ

Серия «Трансдисциплинарная регионология»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Трансдисциплинарная регионология

Е. В. КРЕМНЁВ

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЯПОНИИ**

Монография

УДК 338:91(520)
ББК 65.04(5Я)
К79

Серия основана в 2020 году

Печатается по решению Ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Научный редактор

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф.

Рецензенты:

В. Г. Дацышен, д-р ист. наук, проф.
Т. П. Калихман, д-р геогр. наук, проф.

Научные консультанты:

В. В. Ананьев, координатор международных отношений префектуры Исикава (Япония); *И. В. Шалина*, канд. ист. наук, доц., руководитель отделения японоведения кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

Кремнёв Е. В.

К79 Региональные исследования в Японии : монография / Е. В. Кремнёв ; [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 181 с. – (Трансдисциплинарная регионология).

ISBN 978-5-9624-1892-6

Монография, выполненная в русле трансдисциплинарной регионологии, посвящена разработке проблемы источников, факторов, векторов и этапов эволюции региональных исследований в Японии и их современного состояния с опорой на принцип континуальности и концептуальные и методологические эпистемы современной парадигмы регионологического знания. Рассматривается влияние традиционной японской науки на формирование прорегионологических знаний, проникновение западного научного знания в период Реставрации Мэйдзи и после него, этапы становления собственно региональных исследований с середины XX в. по настоящее время, дана оценка культурно-цивилизационному вектору развития науки о регионах на каждом из этапов. Значительное внимание уделено современному состоянию региональных исследований в Японии, а также их перспективам в контексте глобализации.

Работа может представлять интерес как для регионологов, так и для широкого круга специалистов – экономистов, политологов, философов, культурологов, историков, лингвистов, преподавателей – для всех тех, кто интересуется вопросами места и роли региональных исследований в мировой науке и практике.

УДК 338:91(520)
ББК 65.04(5Я)

ISBN 978-5-9624-1892-6

© Кремнёв Е. В., 2020
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>В. Г. Дауышен</i>).....	5
От автора.....	8
Введение	10
Глава 1. Эволюция проторегионалогического знания в рамках японской традиционной науки	20
1.1. Предпосылки формирования знаний о регионах.....	20
1.2. Зарождение традиционного проторегионалогического знания с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.) и его упадок с XII по конец XVI в.....	23
1.3. Обновление традиционного проторегионалогического знания с начала XVII по середину XIX в.....	29
1.4. Китаеведение, голландоведение и школа национальных наук как три направления традиционного проторегионалогического знания	33
1.5. Основные характеристики проторегионалогического знания в рамках японской традиционной науки	37
Глава 2. Японское регионалогическое знание во второй половине XIX – первой половине XX в.	40
2.1. Векторы развития имперского регионалогического знания	40
2.2. Регионалогическое знание о других странах как стимул к развитию Японии	43
2.3. Переход от зарубежного регионалогического знания к японоориентированному в рамках системы образования	52
2.4. Противостояние научно-ориентированного и идеологизированного регионалогического знания в рамках историко-географических наук	57
2.5. Специфика развития регионалогического знания в период со второй половины XIX до середины XX в.	64
Глава 3. Институционализированные региональные исследования в Японии со второй половины XX в. по настоящее время	67
3.1. Эволюция институционализированных региональных исследований в Японии	67
3.2. Региональная наука У. Айзарда в Японии	73

3.3. Формирование направлений региональных исследований в Японии во второй половине XX – начале XXI в.	81
3.4. Период институционализации региональных исследований как поворот к мировому сообществу	88

Глава 4. Пространство региональных исследований в Японии сегодня	89
---	-----------

4.1. Структура современных региональных исследований в Японии и их место среди других наук	89
4.2. Подходы и методы региональных исследований: японская специфика	104
4.2. Научные организации в сфере региональных исследований	119
4.4. Региональные исследования в научно-образовательной сфере	127
4.5. Векторы трансформации представлений японцев о себе и окружающем мире в рамках современного регионологического знания	134

Глава 5. Роль японских региональных исследований в региональном и глобальном развитии	136
--	------------

5.1. Наука и региональное развитие в Японии в XX–XXI вв.	136
5.2. Роль региональных исследований в решении глобальных проблем в XXI в.	144
5.3. Место региональных исследований Японии в структуре трансдисциплинарной регионологии	148

Заключение	152
Библиографический список	156

Приложения

Приложение 1. Крупные объединения в сфере региональных исследований	172
Приложение 2. Упомянутые в работе самостоятельные научные учреждения в сфере региональных исследований	173
Приложение 3. Подразделения более крупных организаций, непосредственно не связанных с региональными исследованиями	174
Приложение 4. Упомянутые в работе научно-исследовательские организации при университетах Японии, работающие в сфере региональных исследований	174
Приложение 5. Примеры учебных подразделений и программ вузов Японии в сфере региональных исследований	176
Приложение 6. Японские регионологические базы данных	181

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема региональных исследований в последние годы приобрела большую актуальность. Особый интерес к регионологии в современной науке и образовании вызван, очевидно, тем, что сложившаяся в новое время мировая система наций-государств сегодня уже вошла в противоречие с современным уровнем развития производительных сил. Процесс глобализации требует более сложной системной картины мира.

Япония в новое время, без сомнения, явила миру классическое государство-нацию, и в этом качестве едва ли не единственное к началу XX в. во всей Азии. Сегодня, когда в новых исторических условиях Японии все труднее удерживать за собой лидерские позиции в мире, региональные исследования во всех направлениях и с разных позиций представляются крайне интересными и актуальными. Автор справедливо указывает: «В 2000-е региональные исследования были внесены Министерством образования, культуры, спорта, науки и техники в список приоритетных направлений развития социогуманитарных наук». Не случайно Евгений Владимирович Кремнёв, возглавивший созданную в 1990-х гг. Олегом Марковичем Готлибом одну из ведущих сибирских школ востоковедения и регионоведения, обратился к теме региональных исследований в Японии.

Автор представляет широкий подход к содержанию регионологических исследований в Японии: «Знание о себе, предполагающее исследование и описание собственных регионов, и знание о “Других”, включающее сбор и анализ сведений о землях за пределами собственной территории». История разделена на пять этапов развития проторегионологического знания, из которых три первых относятся к проторегионологии.

Автор показывает через призму регионологических знаний всю историю Японии, акцентируя внимание читателя не только на японские классические труды разных

жанров, но рассматривает и малоизвестные японские письменные памятники, и современные труды. В этой связи в работе показаны развитие географических знаний и краеведения в старой Японии, вклад японских ученых в развитие новых научных дисциплин и направлений. Важной составляющей исторической картины является развитие научных центров и университетов в Японской империи. При этом в работе содержится актуальная информация, представляющая состояние науки на сегодняшний день.

Развитие региональных исследований в Японии в монографии рассматривается в тесной связи с проблемами этой научной дисциплины в мировой науке, прежде всего, науки европейской. Е. В. Кремнёв на примере японских региональных исследований поднял и рассмотрел целый комплекс проблем регионологии как самостоятельной научной дисциплины. В работе демонстрируется вовлеченность японской науки в решение проблем социума и задач политического и социально-экономического развития Японии.

Очень важно, что именно в рамках регионологии читатель получает новые знания о Японии, которая всегда представлялась «относительно простым» мононациональным унитарным государственным образованием. Через призму японских региональных исследований показывается сложность социально-экономической и политической организации народов мира и актуальность этой проблемы для современной науки.

Для удобства восприятия материала в работе представлены рисунки и таблицы. Кроме того, в качестве приложений дан дополнительный справочный материал по организации региональных исследований в Японии.

Кроме всего прочего, работа Е. В. Кремнёва носит энциклопедический характер. Здесь представлены не только основные направления развития научной мысли, но и самый широкий круг имен исследователей, с их основными опубликованными работами. Автор дает около ста персоналий исследователей и связанных с региональными исследованиями общественных и политических деятелей Япо-

нии. Что очень важно, большая часть имен, названий работ, а также основных научных понятий даны не только на русском, но и на японском языке. Книга может быть использована и как учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих японский язык, историю и регионоведение Японии. Кроме того, работа может быть удобным справочником для исследователей, занимающихся проблемами истории и культуры Японии и мирового регионоведения.

Выполняя одновременно столько важных задач, монография «Региональные исследования в Японии» представляет собой ценное научное исследование, значимое не только для отечественной науки, но во многом уникальное и пионерское.

*Доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой всеобщей истории
Сибирского федерального университета
В. Г. Дацьшен*

*Посвящая
моим дорогим родителям,
любимой жене
и сыновьям –
вы всегда будете меня вдохновлять.*

ОТ АВТОРА

Эта книга состоялась, потому что в ее создании, как и в любом региональном исследовании, приняло участие множество людей.

Идею этого проекта несколько лет назад предложил *Олег Маркович Готлиб* (1951–2016), не без основания полагавший, что интерес к регионологическим исследованиям с годами будет только расти, а вместе с ним – и необходимость институционализации регионологии как науки.

Автор от всей души благодарит *Евгению Федоровну Серебренникову*, доктора филологических наук, профессора, за неоценимую помощь в работе над книгой и всестороннюю поддержку исследований иркутских востоковедов и регионоведов, а также уважаемых рецензентов: *Владимира Григорьевича Дацышена*, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, и *Татьяну Петровну Калихман*, доктора географических наук, профессора, ведущего научного сотрудника лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, за ценные комментарии и интерес к данной работе.

Настоящая работа – это часть большого проекта, участники которого оказали автору серьезную поддержку, в связи с чем выражаю благодарность *Ольге Владимировне Кузнецовой*, кандидату филологических наук, доценту, декану факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ, руководителю проекта «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии», и колле-

гам по гранту: *Екатерине Викторовне Лесниковской, Светлане Борисовне Макеевой и Надежде Сергеевне Карачевой.*

Книга «Региональные исследования в Японии» была невозможна без содействия ее научных консультантов: *Владимира Валерьевича Ананьева*, координатора международных отношений префектуры Исикава (Япония), и *Ирины Викторовны Шалиной*, кандидата исторических наук, доцента, руководителя отделения японоведения кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ.

Автор выражает глубокую признательность руководству Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ и лично его директору *Марине Борисовне Ташлыковой* за содействие нашим исследованиям на базе Института, коллегам и магистрантам кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ и *Школы востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба* – за помощь в сборе материала, а также *Российскому фонду фундаментальных исследований* – за финансовую поддержку нашего проекта.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность углубленного изучения региональных исследований Японии определяется несколькими факторами. Условия и сдвиги неравномерного развития современного мира в региональном измерении усиливают потребность в научном знании о регионах, в частности, об Азиатско-Тихоокеанском регионе, проявляющем особую динамику развития. При этом особую важность приобретают регионалогические исследования, имеющие достаточно длительную историю и отличающиеся явным своеобразием. Качественные изменения внутри современной науки о регионах, развивающейся в интегральной, трансдисциплинарной парадигме, открывают новые перспективы в исследовании регионов, но нуждаются в дальнейшем осмыслении, продвижении и применении к конкретным объектам и предметам исследования.

Изучение регионов – отрасль знания, которая обрела самостоятельный статус еще в середине XX в. Вместе с тем дискуссии о роли и месте этой науки в современном мире идут и по сей день. Регион как объект исследования привлекает к себе внимание ученых из различных отраслей, что нередко побуждает их и сегодня рассматривать науку о регионах в качестве подраздела какой-либо другой научной дисциплины. Даже единого термина, с которым согласились бы исследователи, по-прежнему нет: в англоязычных странах соседствуют *area studies*, *regional studies* и *regional science*, в России – региология, регионоведение, регионалистика, в Японии – 地域研究, 地域学, エリア・スタディーズ, и эти списки в каждой из стран далеко не исчерпываются приведенным перечнем.

Одним из шагов иркутской научной школы в попытке свести воедино ключевые достижения ученых разных стран стал проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной региологии», поддер-

жанный Российским фондом фундаментальных исследований. В процессе развития и многократного переосмысления выдвинутых ранее идей о роли и месте трансдисциплинарной регионологии [45, с. 10; 115] участники обозначенного проекта сформулировали определение, которое, как нам кажется, отражает суть и базовые функции этой научной дисциплины. *Трансдисциплинарная регионология – это наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования.* Указанное научное направление формируется в рамках двух взаимообусловленных тенденций: все большая трансдисциплинаризация регионологии как объективный процесс с одной стороны и сознательная работа по продвижению трансдисциплинарной парадигмы частью регионологических школ с другой¹. Таким образом, одна из функций трансдисциплинарной регионологии – обобщить и систематизировать подходы к изучению регионов в новых условиях. И важным шагом на этом пути должно стать исследование эволюции науки о регионах в разных странах. Автор данной монографии ставит своей целью именно это, выбрав в качестве региона изучения Японию.

Результаты анализа японских текстов, которые мы считаем проторегионологическими, можно найти в трудах М. В. Грачёва (работы по древнеяпонской истории, исследование текстов эпохи Хэйан) [9; 51], Н. И. Конрада (изучение работ о формировании японского этноса, нации и государства) [27], О. В. Новаковой (влияние западных ученых и

---

¹ Подробнее с теоретическими основами этого направления можно познакомиться в монографии: Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. (Трансдисциплинарная регионология).

миссионеров на развитие Восточной и Юго-Восточной Азии (ЮВА) и их вклад в эволюцию науки стран Дальнего Востока и ЮВА) [55], А. А. Новиковой (изучение работ Нисикава Дзёкэн) [57], К. А. Попова (перевод и толкование трактатов «Фудоки», знаменитых проторегионалогических сочинений) [17; 62; 72], Д. А. Суровня (изучение ранних исторических текстов) [69], И. В. Шалиной (изучение трудов о ранних контактах русских и японцев и получении ими сведений друг о друге) [74] и др. Существенным вкладом в исследование цивилизационных подходов японцев к пониманию, что такое территория и пространство, являются работы Е. В. Верисоцкой (изучение японской исторической мысли в русле теории цивилизаций) [3], М. В. Воробьева (выявление взаимосвязи этноса, общества, культуры и окружающего мира в Японии III–VII вв.) [5], М. П. Герасимовой (понимание характеристик японского традиционного мировоззрения) [75], А. Н. Мещерякова (анализ представлений японцев о статусе собственной территории, понимание ими концепции времени и пространства, их самоидентификации как этноса и нации в русле японской цивилизационной модели, а также множество переводов и толкований японских текстов: историко-географических, культурно-религиозных и пр.) [19; 47; 49; 53; 54; 64; 75], К. О. Саркисова (изучение и анализ японского типа культуры) [75], Е. К. Симоновой-Гудзенко (исследование осмысления японцами географического пространства своей территории в письменных источниках древности) [65–67] и др. [33, с. 282–283].

Среди западных исследователей, работавших с древними текстами мы хотели бы назвать Дж. Р. Бентли (вопросы историографии Японии) [81], Дж. С. Браунли (исследование японской политической мысли в исторических трактатах) [83], Э. А. Крэнстона (описание жанра поэзии *вака*, 和歌) [86], Дж. Л. Пирсона-мл. (перевод и толкование антологии японской поэзии «Манъёсю») [134], Р. Старрса (изучение трактата «Кодзики») [143], Д. Л. Филиппи (перевод и толкование «Кодзики» и других текстов исторического, религиозного и литературного значения) [133] и др. Не-

смотря на обилие работ по изучению письменных источников древней Японии, мы не обнаружили попыток системного анализа проторегионалогического содержания в этих текстах [33, с. 282–283].

Научноисследовательские исследования в сфере современной регионологии проводятся регулярно. Среди отечественных работ можно выделить анализ таких направлений, как проблемное страноведение, глобалистика, регионоведение [35], регионалистика [15], мировое комплексное регионоведение [8], социокультурное регионоведение [61] и др., выделяются концептуальные и парадигмальные основания науки о регионах [20]. Западные ученые также изучают эволюцию науки о регионах [29; 40; 43], ее роль и место в глобализирующемся мире анализировали Д. Лудден [121], У. Шафер [139], Дж. Д. Сайдуэй [141], Н. Смит [142], Д. Сзэнтон [144] и др. Что касается изучения Японии в этом отношении, то некоторые вехи эволюции региональной науки в этой стране рассматривались У. Айзардом, Х. Кимом и Ф. МакКэнном, Д. Плэйном, Р. Флораксом и др. Отечественные исследователи касались в своих работах проблем японского науковедения в общем (А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин и др.), есть также труды по изучению отдельных японских наук, сформировавших поле региональных исследований в Японии, например, работа К. М. Попова, написанная в 1964 г., «Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли». Вместе с тем комплексных работ, посвященных непосредственно японским региональным исследованиям, нами в отечественной науке обнаружено не было [34, с. 38].

Историю научных и образовательных организаций, работающих в сфере региональных исследований, нам удалось проследить на основе японоязычных и англоязычных трудов, посвященных некоторым ее этапам (Т. Мотоока, У. Айзард, Р. Флоракс, Д. Плэйн и др.). Современное положение анализируемой науки, структура организаций, основные плоды их деятельности и перспективы мы изучали по материалам самих организаций (издаваемые журналы,

статьи, сайты и т. п.). Значительную роль сыграли также работы японских исследователей (К. Янагихара, К. Суэтика и др.), а также доклады Научного совета Японии, посвященные различным сферам развития региональных исследований [34, с. 39].

Таким образом, вышесказанное позволяет утверждать, что в интегративном ракурсе изучения и раскрытия сущности, своеобразия и значимости региональных исследований Японии необходимо руководствоваться принципами системного анализа и континуальности в установлении источников, факторов и векторов формирования регионологического знания.

В соответствии с данным ключевым положением в работе впервые по отношению к региональным исследованиям в Японии устанавливаются и совмещаются в историческом и эпистемологическом континууме три типа источников знания: 1) проторегионологическое; 2) систематическое регионологическое; 3) институционализированное регионологическое.

Для изучения процессов формирования проторегионологического и регионологического знания выделяется две ключевых тенденции в его развитии, свойственные для любой страны: это знание о себе, предполагающее исследование и описание собственных регионов, и знание о «Других», включающее сбор и анализ сведений о землях за пределами собственной территории. При этом важно, что второе направление имело в Японии «определенные ограничения как в силу географического положения, так и из-за продолжительных периодов самоизоляции. Первое же, напротив, развивалось довольно активно, меняя свое содержание в зависимости от подходов к осмыслению японцами среды обитания» [33, с. 285–286].

В данном направлении убедительной представляется концепция А. Н. Мещерякова, предложившего собственный анализ самоидентификации Японии и японцев. Способ идентификации, который сложился в Стране восходящего солнца, А. Н. Мещеряков охарактеризовал как «воображаемую географию» (*invented geography*). В результате в раз-

личные периоды конструкт «земля Японии» представлялся японцам определенным образом в зависимости от исторической ситуации:

1) «большая и обильная страна», с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.);

2) «окраинная страна размером с просыное зернышко», XII – конец XVI в.; приведенная дефиниция отсылает к упадку централизованного государства (мятежи, потеря влияния) и укреплению в картине мира японцев буддийских догм и подходов к осмыслению окружающего мира;

3) «солнечная страна-крепость», с начала XVII (возникновение сёгуната Токугава) по середину XIX в.; указанный этап характеризовался самоизоляцией и распространением взглядов о самодостаточности Японии;

4) «от островной страны к материковой империи», с середины XIX до середины XX в.; на этом этапе у японского общества формируется комплекс неполноценности, связанный с осознанием своей отсталости от других стран, в особенности европейских. Это приводит к усилению националистских и милитаристских настроений, которые со временем выльются в претензии Японии на превращение в «материковую империю» за счет захвата земель других стран;

5) «от островной страны к “стране-саду”», с середины XX в. по настоящее время; этот период возвращает страну обратно в пределы собственных островов по итогам Второй мировой войны. Япония начинает отстраивать самоидентификацию от концепции уникальности, сформировавшейся в результате эволюции страны в рамках географически замкнутой территории, становится популярным «Нихондзинрон» (日本人論, японизм), его можно считать неагрессивным типом культурного национализма. Преобладающей идеей становится улучшение японской ойкумены и превращение ее в экономически и политически благополучный, социально-ориентированный регион [75].

С опорой на работы А. Н. Мещерякова в исследовании впервые предлагается и обосновывается концепция этапов эволюции регионологического знания в Японии. В основу

данной концепции эволюционных этапов положены выделенные А. Н. Мещеряковым способы самоидентификации, которые в полной мере коррелируют с процессами формирования внутреннего регионологического знания, а они, в свою очередь, отражают то, как это знание было поставлено на службу собственной стране, только подходы к этому процессу в разные периоды были неодинаковыми. Ориентация на самих себя детерминирована в том числе и так называемым островным мышлением японцев.

В исследовании, таким образом, выделяется пять периодов развития регионологического знания:

1) период зарождения традиционного проторегионологического знания с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.);

2) период упадка традиционного проторегионологического знания с XII по конец XVI в.;

3) период обновления традиционного проторегионологического знания с начала XVII по середину XIX в.;

4) период формирования имперского регионологического знания с середины XIX до середины XX в.;

5) период институционализированных региональных исследований с середины XX в. по настоящее время.

Как видно из предложенной нами концепции, три первых периода представляют проторегионологическое знание, существовавшее в рамках комплексной традиционной науки. Понятие «традиционная наука» трактуется нами как синкретичная совокупность традиционных учений как научного, так и псевдонаучного характера, сформировавшаяся в Японии до прихода и внедрения западного научного знания, коренным образом отличающегося от нее как методологически, так и сущностно. Это понятие мы используем, в частности, вслед за Т. П. Григорьевой, которая указывает, что «традиционная наука, полторы тысячи лет удовлетворявшая нужды японцев, к XIX в. ...пришла в упадок» и приводит рассуждения японского мыслителя того времени Ю. Фукудзава, который сравнивает прогрессивную западную науку и традиционную восточную [10, с. 13–14].

Т. П. Григорьева, в свою очередь, ссылается на мнение М. В. Воробьева и В. Г. Соколовой, которые утверждают, что «исследование, например, таких вопросов, почему в Китае не получила развитие наука “европейского” типа, тогда как эффективность практического использования отдельных научных достижений до XVI в. была значительно выше, чем в Европе, или изучение “японского” пути развития науки и ряда других вопросов, совершенно необходимо для познания истории этих стран» [6, цит. по: 9, с. 6]. Понятие «традиционной науки» используется не только японоведами, но и другими специалистами, изучающими страны Дальнего Востока, где было в наличии собственное традиционное знание, сформировавшееся в мировоззренческой парадигме, отличной от западной².

Лишь с четвертого периода, характеризовавшегося формированием разделенных научных дисциплин по западному образцу, появляется собственно регионологическое знание (или систематическое регионологическое знание), пока еще существующее в смеси традиционной, неразделенной науки и уже проникающих в Японию истории и географии. И наконец, пятый период – это время, когда региональные исследования оформляются в научное направление. Исходя из этого, три начальных этапа мы описываем в первой главе, посвященной традиционной науке, четвертому и пятому отводим по отдельной главе, а оставшиеся главы монографии посвящены современному состоянию региональных исследований, их роли в региональном и глобальном развитии.

---

² В частности, понятие применяется А. И. Кобзевым, который относит к традиционной китайской науке сяньшучжи-сюэ (象數之學, учение о символах и числах), а также традиционные научные и квазинаучные дисциплины: математику, астрономию, хронометрию, топографию, медицину, макробиотику, алхимию, геомантию, физиогномию, астрологию, мантику и др., а кроме того, философские доктрины [24; 25]. В. В. Малявин указывает, что «традиционная китайская наука неразрывно связана с практическими нуждами и навыками людей, и все ее понятия включают в себя субъективное измерение» [46] и подробно характеризует традиционную науку в книге «Китайская цивилизация».

Внесем уточнения по базовой терминологии. Для обозначения японской науки о регионах мы приняли термин «региональные исследования». Это прямой перевод японского названия науки – 地域研究, оно употребляется в значительном количестве литературы, в том числе как перевод для англоязычных терминов regional studies и area studies, является официальным термином Научного совета Японии, а также используется на сайте Японского отделения Международной ассоциации региональной науки, где таким образом обозначается именно японский кластер, тогда как сама региональная наука (regional science) именуется 地域学. Термин «регионоведение» мы условно оставляем за японским エリア・スタディーズ, поскольку тот, в свою очередь, является фонетической транскрипцией термина area studies, имеющего достаточно узкое значение в контексте японских региональных исследований: сбор и анализ сведений о конкретных странах и регионах мира³. Под «регионом» автор, следуя наиболее актуальным на сегодня тенденциям, понимает не только территорию, обладающую собственными характеристиками, которые позволяют выделить ее среди других территорий: геополитическими (Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Азия и т. д.), суверенно-государственными (Россия, Япония, США, Китай и т. д.), административными (провинции, префектуры, города и т. д.), географическими (острова Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и т. д.), культурно-историческими (регионы Тохоку,

---

³ Что касается разграничения наиболее употребительных терминов русскоязычного дискурса (регинология, регионалистика, регионоведение), то в рамках нашей терминологической концепции мы употребляем термин «регинология» в качестве гиперонима для гипонимов «регионалистика» и «регионоведение». Два последних термина мы используем для обозначения российских научных школ, которые именуют свои направления именно таким образом, кроме того, регионоведением вслед за образовательными стандартами именуется российское вузовское направление подготовки и соответствующая вузовская дисциплина. В узком смысле под регионоведением можно подразумевать сбор и анализ сведений о регионах мира. В таких случаях регионоведение имеет соответствующую атрибуцию: зарубежное регионоведение, регионоведение России и т. п.

Канто, Тюбу и т. д.), но и любую условную область, границы которой исследователь определяет самостоятельно на основе отобранных им самим характеристик. Подробнее японоязычные термины и понятия, связанные с обозначением науки о регионах, будут рассмотрены в параграфе 4.1 «Структура современных региональных исследований в Японии и их место среди других наук».

В работе автор приводит известных ученых, научные центры и учебные заведения, занимающиеся региональными исследованиями, но этими примерами далеко не исчерпывается все многообразие трансдисциплинарного поля этой науки.

Разработка и обоснование путей решения проблемы в координатах представленной концепции позволяет уточнить историко-культурные и цивилизационные векторы развития регионологического знания Японии; отграничить собственно японские достижения в сфере региональных исследований от импортированных с Запада; установить уровни и структуру японской науки о регионах; вывести специфику взаимного влияния регионологического знания и японского этнокультурного сознания на разных этапах развития японской цивилизации.

Практическая значимость монографического исследования видится в том, что результаты анализа роли и места региональных исследований в решении глобальных и региональных проблем могут быть использованы при планировании стратегий регионального развития и межрегионального взаимодействия.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РАМКАХ ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ НАУКИ

1.1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ О РЕГИОНАХ

Первичные знания о регионах и их культуре формировались одновременно с процессами зарождения этноса, общества и государства. В Японии все это тесно связано с культурой Яёй и её носителями, но самобытность регионов и их противопоставление определяются несколько ранее, в период Дзёмон (14 тыс. л. до н. э. – 300 л. до н. э.) [33, с. 284]. Различия между частями Японского архипелага выражаются как в образе жизни их населения, который, в свою очередь, детерминируется преобладающим типом хозяйствования, так и на внеутилитарном уровне. Историки выделяют в границах архипелага два региона с доминирующей культурной ориентацией: юго-западный и северо-восточный (во внутрияпонской географической традиции они именуются «западной Японией» и «восточной Японией») [51, с. 54].

Период Яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) отличается многообразным взаимным влиянием разных этнических групп и культур. Именно эти процессы, по мнению многих исследователей, в дальнейшем сформировали японский этнос. Описывая культуру Яёй, М. В. Воробьев пишет, что «кроме местного и аустронезийского компонентов она включала достижения культуры донсон эпохи бронзы (Южный Китай и Северный Вьетнам), племен юэ (Южный Китай) и Восточно-Китайского побережья, культурные и этнические индонезийские элементы. Одновременно с этими южными

компонентами или даже несколько раньше через Маньчжурию и Корейский полуостров на архипелаг проникли северные и северо-западные народности» [5]. Вместе с тем не ушло в прошлое и значительное количество уже укоренившихся способов хозяйствования.

Нередко одной из характерных черт и достижений культуры Яёй называют заливное рисосеяние, превратившее рис в базовую сельскохозяйственную культуру и в значительной степени обусловившее структуру и принципы социальных отношений [179]. Рисоводство существенно повлияло на дальнейший ход истории: «с одной стороны, улучшило жизненные условия, с другой – привело к социальному расслоению и появлению сильных родов, борьба которых завершилась образованием централизованного государства» [33, с. 285].

Однако влияние периода Яёй на дальнейшее развитие Японии заключается не только в этом. А. Н. Мещеряков и М. В. Грачев называют пять факторов, по которым его можно отследить [51, с. 85]:

- 1) наличие комплексного типа хозяйствования, соединяющего три уклада, первым из которых было заливное рисосеяние, охватывавшее земли на равнинах, вторым – добыча морских животных на приморских территориях, третьим – охота, собирательство, обработка богарных полей, лесной промысел в горных регионах;

- 2) формирование трех ареалов хозяйственной культуры: первый из которых охватил территорию о. Хоккайдо, второй – земли о. Хонсю, Сикоку и северную часть Кюсю, третий – Окинаву и юг Кюсю. Культура Яёй занимала второй из них и темпы ее развития были быстрее, чем у остальных. И если на Окинаву в XII в. проникает земледелие, то «айны, обитавшие на севере Хонсю и вытесненные затем на Хоккайдо продолжают традиции каменного века практически до начала XX столетия» [51, с. 62];

- 3) выделение четырех основных зон культуры, которую можно считать протояпонской: северные земли Кюсю, цен-

тральные территории Хонсю (Кинки), а также равнинные районы Канто и Идзумо;

4) закрепление общих норм культовых обрядов;

5) отношение к материковым странам – Китаю и Корее – как к поставщику социально и культурно важных знаний. Взаимодействие с ними так или иначе выстраивалось на всех этапах развития Японии, при этом наибольшее значение имел обмен знаниями, попадающими в Страну восходящего солнца преимущественно в письменном виде [51, с. 22].

Одно из первых упоминаний о носителях культуры Яёй в письменных источниках можно найти в проторегионалогическом труде, созданном в древнем Китае – «Каталоге гор и морей» (山海经, «Шань хай цзин», цзюань XII, XIV, около III в. до н. э.) [200]. Китайцы того времени называли представителей данной культуры «вожэнь» (倭人, яп. вадзин, досл. «люди-карлики»). Наконец, к IV–VI вв. и в Японии возникает государство, сравнимое с теми, что уже существовали в Китае и Корее [51, с. 87].

Что касается появления текстов, которые можно считать проторегионалогическими сочинениями, то им предшествовали исторические хроники [33, с. 285]. Д. А. Суровень полагает, что дошедшие до настоящего момента трактаты, в частности, «Кудзики» (古事記, «Записки о делах древности») и «Нихон-сёки» (日本書紀, «Анналы Японии»), основываются на гораздо более древних, но не дошедших до наших дней источниках. Среди них – датируемые V–VI вв. «Кудзи» (旧辞, «Древние сказания»), «Тэйки» (帝紀, «Записи об императорах»), «Тэннōки» (天皇記, «Записи о государях»), «Кокүки» (国記, «Записи о стране»), «Хонки» (本記, «Основные записи») и др. [69].

С этого момента можно говорить о зарождении в Японии проторегионалогического знания, пока неотделимого от традиционной культуры.

1.2. ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ С VII–VIII вв. ПО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ПЕРИОДА ХЭЙАН (794–1185 гг.) И ЕГО УПАДОК С XII ПО КОНЕЦ XVI в.

Исходя из анализа текстов-первоисточников и имеющихся данных научных исследований следует утверждать, что собственно изучение регионов Японии началось как минимум со времени образования централизованного государства (VII–VIII вв.).

Первые итоги «изучения регионов в период образования централизованного государства (VII–VIII вв.) на этапе самоидентификации Японии как «большой и обильной страны» (с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.)) зафиксированы в древнейших письменных памятниках: «Нихон сёки» (日本書紀, «Анналы Японии», 720 г.), «Фудоки» (風土記, «Записи обычаев и земель», 733 г.), «Сёку нихонги» (続日本紀, «Продолжение анналов Японии», 797 г.). Причинами такого изучения явился комплекс факторов: разнородность состава населения, анимистическая религия синто как основа мировосприятия, принятие китайских моделей пространства и организации государства» [33, с. 287].

Централизованное государство (Ямато) начало формироваться на юго-западе Японского архипелага и сначала включало в свою территорию о. Кюсю и наиболее близко к нему расположенные земли о. Хонсю. Позднее началось расширение за счет завоевания племен, проживавших по соседству, при этом только часть из них становилась подчиненной Ямато, а остальные по-прежнему воспринимались как «внешние». Так, Е. К. Симонова-Гудзенко пишет, что разные группы имен божеств, которые относятся к императорскому мифу, а также само содержание этого мифа о «браке-споре двух главных божеств» символизируют слияние двух культурных комплексов – Идзумо и Исэ [66, с. 28]. Первый из них расположен на западном побережье Хонсю,

там, где сейчас находится префектура Симанэ, а второй – на восточном, в настоящее время – префектура Миэ.

Религиозный фактор имел важное значение для формирования проторегионологического знания: «традиционная религия *синто* являлась мировоззренческой основой практически для всех видов деятельности человека. Синтоизм предполагает существование божеств – *ками* – разных рангов, от создателей Японии – Идзанаги и Идзанами – до духов отдельных предметов» [33, с. 287]. Таким образом, «каждая географически обособленная местность имела своих собственных божеств... природных явлений и объектов хозяйственной деятельности, «отвечающих» за земледелие, рыболовство, общее «природное спокойствие», столь необходимое в условиях тайфунов, землетрясений и иных частых природных катаклизмов» [66, с. 27]. Для успешного магического взаимодействия с *ками* нужно было обладать сведениями о том, в каких регионах обитают конкретные *ками*, знать их имена и предназначение. Кроме религиозного, большое значение имел и утилитарный фактор: государство должно было иметь как можно больше сведений об управляемой территории, ее рельефе и природных условиях, чтобы эффективно координировать процессы рисосеяния и морского промысла – они составляли экономическую базу японского общества того времени. Именно эта информация была описана в трактате «Фудоки».

Централизованное государство в Японии формировалось под существенным влиянием Китая, при этом китайские модели при заимствовании их японцами претерпевали значительные изменения [49, с. 269]. В частности, японцы взяли у китайцев модель пространства, в которой Поднебесная представляет собой сочетание цивилизованного центра и варварской периферии. Несмотря на то что региональное господство Китая не позволило Японии именовать себя «Срединным государством» (более того, она воспринимала себя как Восток, вкладывая в это положительный смысл, в отличие от Китая), однако по отношению к собственной периферии Япония вела себя именно таким обра-

зом. К варварской окраине относились племена хаято, проживавшие на юге о. Кюсю, эмиси (или эдзо, жители северной части о. Хонсю), а также, с некоторыми оговорками – обитатели корейских государств Силла и Бохай [49, с. 270].

С точки зрения проторегионологического знания «построение и соблюдение подобной пространственной модели опять-таки требовали изучения территории, в первую очередь своей (благоприятной и окультуренной), и в меньшей степени – сопредельной (как скверной и малопригодной для обитания)» [33, с. 288]. Именно поэтому в трактате «Фудоки», который представляет собой историко-географическое описание древней Японии [72, с. 12], и в хрониках «Нихон сёки» (в части, описывающей правления исторических императоров) и «Сёку нихонги» дают информацию о провинциях и уездах Японии, приводятся сведения о найденных полезных ископаемых, об условиях, которые способствуют или, напротив, не способствуют обеспечению благополучной жизни. И хотя содержащиеся там факты и сведения смешивают магическую и материальную сферы, тем не менее эти труды содержат большое количество проторегионологических сведений.

В частности, этому способствовала сама постановка цели создания трактата «Фудоки» в указе государыни Гэммэй от 713 г.: «6-й год Вадо, 5-я луна, 2-й день. Приказано записать, выбрав хорошие знаки, все уезды и села во всех провинциях в Кинай и семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющихся в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения о качестве земель, происхождении названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и чудесные истории. Эти сведения подать наверх» [166, цит. по: 66, с. 31]. В тексте «Идзумо-фудоки» (出雲風土記, «Историческое и географическое описание провинции Идзумо») «в описание каждого уезда занесены сведения об административном делении, о происхождении названий уезда, сел и их географическом положении,

о синтоистских храмах, о горах, реках, прудах, об островах, их флоре и фауне» [17, с. 13]. Следует обратить внимание и на сам термин «фудоки», трактуемый как «географо-этнографическое обследование отдельных районов» [62, с. 184] или, если раскрывать его детальнее, как «местные хроники, в которых наряду с географией описывается культура, обычаи, местные достопримечательности, характерные продукты производства» [62, с. 184]. В сущности, «Фудоки» представляют собой краеведческие тексты, довольно неожиданным образом перекликаясь с содержанием работ в русле современной гуманитарно-экономической географии, которая, по мнению современных японских ученых, должна включаться в поле региональных исследований, со скидкой на время создания и культурно-исторические особенности той эпохи.

Номинально и реально подчиненное государству пространство постепенно расширялось, а потому продолжалось и описание новых земель. Эта информация нашла отражение в таких текстах, как «Куни-но мяцуюко хонги» (国造本紀, «Описание управителей областей», IX в.) и «Энгисики» (延喜式, «Установления годов Энги», 967 г.). «Куни-но мяцуюко хонги» Е. К. Симонова-Гудзенко характеризует как вербальную географическую карту. Это произведение представляет собой «список имен и кратких родословных управителей областей, являвшихся их фактическими владельцами и жрецами местных ками», демонстрирующий «последовательность освоения пространства» архипелага государством [66]. Е. К. Симонова-Гудзенко указывает, что хотя понимание того, где именно проходят границы государства, имело значение, «но, вероятно, отступало на второй план и в связи со спецификой географического положения Японии, и в связи с “закрытием от внешнего мира”, характерным для периода составления «Куни-но мяцуюко хонги» [67, с. 31]. Другой текст, «Энгисики» содержит нормы и предписания для чиновников всех ведомств провинций и уездов, списки тех, кто в них трудился, собираемых податей, записи церемоний при дворе, ежегодных празднеств, а также ин-

формацию о божествах и святилищах во всех шестидесяти восьми провинциях и пятистах девяноста уездах [67, с. 32].

Еще два важных сочинения окологеографического толка, которые выделяет Е. К. Симонова-Гудзенко – это песенная антология «Манъёсю» (万葉集), которая, как считают, была собрана Отомо Якамоти (大伴家持, 716–785?), и буддийские предания «Нихон рёики» (日本靈異記, «Японские легенды о чудесах»), составленные и дополненные в конце VIII – начале IX вв. Песенная антология содержит «упоминания элементов рельефа (горы, реки, бухты, пещеры) и “творений рук человеческих” (плотины, усадьбы, дороги, мосты)... уточнения провинций, уездов в дзёси – преамбулекомментарии к песне» [66], что, в свою очередь, дает современным ученым возможность говорить о географических особенностях древней Японии [153]. В буддийских преданиях, в каждой из историй произведения «место действия определяется в начале повествования. “Адрес” состоит из названий провинции – уезда – села или столицы с указанием конкретного района или дворца, расположенного в определенном месте» [66]. Сходная информация есть и в прочих сводах преданий, и в дневниковой литературе [163].

Любопытный жанр изучаемого периода, непосредственно связанный с получением знаний о регионах, назывался *икэн* (意見). Икэн – секретные доклады императору (персональные или групповые), в которых авторы высказывали свой взгляд на то, что нужно сделать, чтобы выполнить требования, которые император выдвигает перед чиновниками, управляющими страной и ее регионами [9, с. 109]. Выдающимся образцом жанра являются написанные в 914 г. «Икэн дзю:ни кадзё:» (意見十二箇条, «Рекомендации в двенадцати пунктах»), составленные Миёси-но Киёюки (三善清行, 847–918). Изучив то, как живут регионы страны, автор излагает императору свое представление о мерах по улучшению жизни. Данью тому времени являются некоторые главы, отсылающие к магическому мировоззрению той эпохи (в частности, раздел «Как избежать наводне-

ний и засухи и добиться обильных урожаев»), однако большая их часть основана на политических и социально-экономических реалиях регионов: разделы «Нижайше прошу запретить роскошь», «Нижайше прошу издать государев указ по всем провинциям, чтобы наделяли подушными земельными участками согласно реальному количеству жителей», «Нижайше прошу для всех провинций установить фиксированное количество кандзякунин⁴», «Нижайше прошу повсеместно прекратить назначение на должности лучших и стражей порядка за плату» и др.

В период Хэйан (794–1185 гг.) «происходит осознание японской культуры как самодостаточной, в результате чего интерес к соседним странам ослабевает до степени “замораживания” официальных связей. Постепенная утрата центральным правительством контроля над провинциями, снижение интереса аристократии к государственным делам и осуществлению такого контроля сказывается на объеме исследований географического характера, хотя составление хроник продолжается» [33, с. 290].

После наступает новая эпоха – время упадка проторегионологического знания. Период, в который японцы осмыслили свою территорию как «окраинную страну размером с просяное зернышко», отражает буддийские представления о Японии и связан с ослаблением централизованного государства и общего пессимизма по поводу роли и места региона в мире. Это сказалось на количестве проторегионологических текстов и их качестве. Япония все больше попадала в зависимость от ввозимых знаний, в особенности из Поднебесной.

Заемствованные из Китая представления о Японии отражались даже в китайских географических картах, которые использовали японцы: «в китайской картографии, вероятно, до 1530 г. господствовало изображение японского

---

⁴ «Кандзякунин – общее название лиц, получающих освобождение от налогов в процессе пересмотра подворных реестров (первоначально проводился один раз в шесть лет, но позднее стал осуществляться раз в двенадцать лет)» [9, с. 167].

архипелага в виде небольшого овального острова, что символизировало принадлежность страны к варварской периферии и её незначительность» [67].

Единственным светлым пятном периода стало введение в активное употребление карт Гёги⁵ (行基図, гё:гидзу). Среди наиболее ранних карт такого образца японские хроники называют карты IX в., но наиболее знаменитые из тех, что дошли до наших дней, относятся к XIV в. Карты Гёги содержали гораздо более точное изображение японского архипелага. Их точность способствовала обмену географическими сведениями между регионами, более того, по их образцу начали составлять китайские и корейские карты.

Следующий период стал временем обновления японского проторегионологического знания.

1.3. ОБНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ С НАЧАЛА XVII ПО СЕРЕДИНУ XIX В.

Новый этап восприятия японцами собственной среды обитания как «Солнечной страны-крепости» (в терминологии А. Н. Мещерякова) можно описать как сдержанно-интересующийся миром взгляд вокруг себя: «прибытие европейцев, сначала португальцев, а затем голландцев, обратило внимание японцев на окружающий мир, хотя ситуация содалась парадоксальная: с одной стороны, вскоре после установления власти сёгуната Токугава (1603–1868 гг.) въезд в страну и выезд из нее были запрещены как для иностранцев, так и для японцев, ограниченная торговля велась с Голландией и Китаем через порт Нагасаки; с другой – японцы узнали о существовании стран внешнего мира помимо Китая и Индии и начали получать сведения о них» [33, с. 291].

---

⁵ Карты Гёги получили свое название в честь буддийского монаха Гёги босацу (668–741), ему приписывается модель и образец, по которому эти карты создавались [65].

Как указывает В. Г. Дацышен, несмотря на самоизоляцию Японии, одним из источников знаний о других странах стали так называемые *хёрюки* (漂流記, «История дрейфов»): «особенно частыми были случаи уноса японских рыбаков и торговцев далеко от Японии во время штормов. С 1600 по 1870 г. было зафиксировано около 500 случаев... Их история отражена более чем в 100 рукописях о японцах, унесенных в другие страны» [14, с. 62–63]. Через вернувшихся японцев правительство получало сведения о других странах. Среди наиболее известных случаев возвращения из России и получения знаний о нашей стране и через нее о Европе можно назвать моряка Дайкокуя Кодаю (大黒屋 光太夫), который был доставлен в Петербург в 1791 г. и встретился с Екатериной II, а затем вернулся в Японию с двумя другими соотечественниками, а также возвращение экипажа «Вакамия-мару» во время первой российской кругосветной экспедиции [14, с. 63]. На основании рассказов Кодаю и еще одного члена экипажа корабля «Синсё-мару», Исокити, были составлены «Краткие вести о скитаниях в северных водах» (北槎聞略, 1794 г.) авторства Кацурагава Хосю (桂川甫周) [22], а рассказы экипажа «Вакамия-мару» легли в основу «Удивительных сведений об окружающих [Землю] морях» (環海異聞, 1807 г.) [59].

Е. К. Симонова-Гудзенко обращает внимание на развитие географического знания в этот период, характеризовавшийся централизацией власти, что, в свою очередь, снизило количество региональных конфликтов, поспособствовало улучшению дорожной инфраструктуры и сферы обслуживания путешественников. Так, появляются списки *мэйсё* (名所) памятных мест для посещения гостей провинций и справочники для паломников. Ученый называет их некоторым «развитием жанра фудоки и основой развивающегося по сей день краеведения» [66].

В XVI–XVII вв. миссионеры способствуют усилению взаимодействия с Европой в части обмена географическими и картографическими сведениями. Наибольший вклад, по мнению исследователей, в развитие японской картографии

внесли Игнасиу Морейра, Гаспар Вилела (1525–1572), Джеронимо де Анджелис (1567–1623) и др. [55].

Одним из первых западное знание стал применять Нисикава Дзёкэн (西川如見, 1648–1724). Он проживал в Нагасаки, переводил с голландского языка и написал несколько географических и астрономических произведений. В них он первым среди японцев изложил такие взгляды на окружающий мир, которые содержали не только сведения, собранные на востоке, но и западную точку зрения [57]. Нисикава опирался на работы Маттео Риччи, Джулио Аллени и других иезуитов, трудившихся в Китае, а также информацию, которую ему устно излагали голландцы [57, с. 33]. Кроме того, полагают, что географические взгляды Нисикава могли иметь влияние работы Кумадзава Бандзан (熊沢蕃山, 1619–1691) [175]. В трудах Нисикава изложены не только факты и данные в народах и странах. Он объединял описываемые земли по климатическим зонам, полагая, что климат является ключевым фактором, формирующим характер населения.

Среди наиболее важных работ Нисикава называют такие, как «Нихон суйдо ко» (日本水土考, «Рассуждения о водах и землях Японии»), «Суйдо кайбэн» (水土解弁, «Разъяснение по поводу свойств вод и земель»), «Каи цу:сё: ко» (華夷通商考, «Рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Дзо:хо каи цу:сё: ко» (増補華夷通商考, «Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами»), «Кайи бэндан» (怪異辨断, «Повествование об удивительных явлениях»), «Сидзю:никоку дзимбуцу дзусэцу», (四十二国人物図説, «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран»). Среди них «Нихон суйдо ко» стала одной из самых значимых работ [57]. В частности, данный трактат был внесен в хронологическую таблицу важнейших научных трудов, приведенную в 1944 г. С. Ямамото в его «Истории науки в Японии», ставшей классикой научного жанра [197]. Это произведение характеризовалось привычным для японских проторегионалогических работ уклоном – применением знаний о внешнем мире для внутренних целей: при описании других стран отстаивалось превосходство Японии [33, с. 292]. В трактате на основе европейских работ, с понятной

скидкой на условность и неточность сведений трудов того времени, дается характеристика мироустройству, изложены данные о шарообразной форме Земли, полюсах, континентах, приведены понятия «градуса» (度, до) и «географической широты» (經度, кэйдо), приводится идея широтных зон и их влияния на климатические условия. В работе в наличии две карты – одна изображает восточное полушарие и Японский архипелаг, особо выделяется расположение Японии как уникальное и благоприятное. Таким образом, взгляды Нисикава на подачу географических сведений отсылают «одновременно к дальневосточной и европейской географической науке, а также в меньшей степени к буддийским представлениям» [57].

Нисикава Дзёкэн ставил перед собой задачу доказать, что представления об Японии как о маленькой и никудышной стране (именно они господствовали в XII–XVI вв.) не соответствуют действительности [49, с. 278]. Такая идеологическая задача, как освобождение от «комплекса неполноценности», решалась при помощи географических и этнографических методов: Нисикава рассказывал о других странах (в том числе о тех европейских, про которые никто ранее не слышал), утверждая при этом особое положение Японии. Работы Нисикава были достаточно известными и повлияли на многих интеллектуалов, оставшись в умах людей надолго: до конца периода Мэйдзи (1868–1912 гг.) они цитировались и интерпретировались в контексте нового исторического этапа [57, с. 31].

Проблема взаимодействия японского и неазиатского знания стала движущей силой конфликта внутри традиционной науки. Результатом стало выделение трех ее направлений: китаеведения, голландоведения (или школы европейских наук) и школы национальных наук (попытка усиления влияния японских путей описания окружающего мира).

1.4. КИТАЕВЕДЕНИЕ, ГОЛЛАНДОВЕДЕНИЕ И ШКОЛА НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУК КАК ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Рассмотрение означенного в заголовке расслоения требует небольшой ретроспекции. Хотя китайская культура и технологии впервые пришли в Японию еще как минимум в эпоху Яёй [51], все это стало объектом отдельного изучения уже в эпоху централизованного государства, т. е. гораздо позднее. Буддийские тексты содержали, кроме самих религиозных догм, комментарии к ним. Жанр комментария укоренился и в Японии еще и по той причине, что перед буддистами стояла проблема написания толкований лингвистического характера: нужно было объяснять значение знаков, которыми обозначались ключевые понятия исходных текстов [70]. Китайская литература долгое время была главным источником знаний о загранице, поэтому изучение чужих земель и всего, что с ними связывалось, называли «китаеведением», «китайской наукой» (漢学, кангаку). После проникновения в Японию европейских сведений об окружающем мире в стране появляется голландоведение (яп. 蘭学 рангаку, в другом обозначении – 洋学 ё:гаку «европоведение» [184], при этом второй термин не был нами замечен в русскоязычной литературе). В связи с этим местная, но пока еще очень прокитайская наука начинает претерпевать изменения. Сперва она получает название «императорско-китайской» (皇漢学, ко:кангаку), т. е. продолжая традиции распространения китайских знаний, она тем не менее связывается этим термином с императором Японии и таким образом позиционирует себя как частично японскую [186, с. 40–41]. Позднее из нее опять выделится «китайская» наука, но уже в узком смысле, а также «национальная наука» (国学, кокугаку), последователи которой будут подвергать китайское воздействие на Японию жесткой критике.

Кангаку (китаеведение) в его начальном периоде (V–VIII вв.) состояло в изучении сначала литературных произведений, а позднее – буддийских трактатов, трудов по военному делу. Кроме того, японцами перенимались китайские своды законов, которые брались за образец. Для представителя интеллектуальной среды вплоть до окончания эпохи Эдо было непременным знание китайских, в частности, конфуцианских канонов. И именно в период Эдо начинают появляться узкоспециализированные «китаеведы», что было связано с вышеописанным разделением традиционной науки. Главной задачей их деятельности стало изучение и толкование конфуцианских книг, особенно учения Чжу Си (朱熹, 1130–1200 гг.), китайского философа, чьи взгляды сформировали государственную идеологию Японии той эпохи [196]. Под влиянием Цинской школы разысканий и доказательств (考証学, каочжэнсюэ) такие исследователи, как Ито Дзинсай (伊藤仁斎), изучали классические тексты, посредством чего устанавливали основные характеристики социального устройства древнего Китая, его культуры и исторических предпосылок появления конфуцианских догм. Одновременно с этим в Нагасаки, единственном портовом городе, где торговали с Китаем, проходило обучение современному китайскому языку (байхуа), поскольку торговля нуждалась в переводчиках, но это не воспринималось всерьез представителями кангаку: они читали произведения на вэньяне – письменном языке [189]. Позднее, после Реставрации Мэйдзи, «китайская наука» будет изучаться в Токийском университете, на отделении японской и китайской литературы, а затем китаеведения (漢学科, кангакука). Кроме того, «в 1897 г. во втором университете страны – Киотском – были учреждены кафедры истории Востока, китайской философии и китайской литературы, позже такая же структура была принята и Токийским университетом, таким образом, в изучении Китая произошел переход к западной системе» [33, с. 294].

Кокугаку (национальная наука), как уже указывалось ранее, сформировалась как реакция на усиление влияния в эпоху Эдо (1603–1868 гг.) учения Чжу Си, а также на попытки выработать единый китайско-японский философско-религиозный комплекс на основе слияния синто и конфуцианства. Школа национальных наук критиковала эти попытки, а также китайскую философию в целом. Ее сторонники, изучая японские традиции, «поднимали вопросы национального характера японцев, изучали систему взаимоотношений власти и общества, рассматривали социально-экономические аспекты развития государства, роль моральных принципов в историческом процессе, а также философские проблемы добра и зла, бога или богов и человека, жизни и смерти и многое другое» [3, с. 82]. Основоположником кокугаку считают Када Адзумамамаро (荷田春満, 1669–1736), а наиболее значимыми представителями школы – Камо Мабути (賀茂真淵, 1697–1769), Мотоори Норинага (本居宣長, 1730–1801), Хирата Ацутанэ (平田篤胤, 1776–1843). Так, Мотоори Норинага больше тридцати лет составлял комментарии к «Кодзики» – трактату, датой создания которого называют 712 г., и который рассказывал о жизни богов и простого люда древней Японии. В итоге столь долго и кропотливого труда было создано новое фундаментальное произведение – «Кодзикидэн» (古事記伝, «Комментарии к Кодзики») [神野志隆光, 2010]. Результаты деятельности школы национальных наук с идеологической точки зрения оказались весьма неоднозначными: ее взгляды «в 40–50-е гг. XIX в. получили широкое распространение в народе... а после революции 1867–1868 гг. легли в основу так называемого государственного синто, провозглашенного государственной религией Японии. Вместе с тем учение этой школы использовалось реакционными кругами страны для пропаганды теории “японизма” и агрессивных войн» [3, с. 85].

Рангаку (голландоведение), возникшее в результате контакта с европейцами, преимущественно голландцами, стало возможным благодаря некоторым послаблениям на ввоз европейской литературы, как правило, по естествен-

ным наукам в период правления восьмого сегуна из дома Токугава (1716–1751 гг.). В стране появились работы западных ученых, они излагали сведения из сфер медицины, зоологии, ботаники, астрономии, географии [3, с. 85]. Ученые считают, что голландоведение началось с анатомического пособия «Новый учебник анатомии» (解体新書, кайтай синсё, в оригинале – атлас немецкого врача И.-А. Кульма Anatomische Tabellen на голландском языке), вышедшего в Японии в 1774 г. Значение рангаку в истории японской медицины «наиболее очевидно в связи с тем, что информацию об анатомии и способах лечения болезней было проще использовать в условиях закрытости страны для всего иностранного, однако рангаку была дисциплиной комплексной и являлась главным источником информации (для правящих кругов) относительно стран, не входящих в дальневосточный регион» [33, с. 295]. Наиболее яркими последователями этой школы были Ямагата Банто (山片蟠桃, 1748–1821) из Осака и Сиба Кокан (司馬江漢, 1747–1818) из Эдо. Так, Банто полагал, что необходимо создать единый комплекс из конфуцианских нравственных ценностей, политических учений Востока и достижений западной науки в области естествознания. По его мнению, такого рода объединение, поставленное на службу Японии, будет способствовать ее развитию. К концу XVIII в. рангаку превратилось в неотъемлемую составляющую общественно-политической жизни страны. Изучая европейский опыт, представители школы голландской науки приходят к выводу, что эффективный путь к процветанию – это экспансионизм и колонизация. Таким образом, дух превосходства Японии культивировался не только школой национальных наук, но и голландоведением, с некоторой разницей в подходах [3, с. 85–86].

Противостояние трех направлений, стимулировавших развитие друг друга, в дальнейшем выльется в усиление националистических и милитаристских идей, которыми будет характеризоваться следующий этап развития страны и регионологического знания.

1.5. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РАМКАХ ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ НАУКИ

Анализ этапов эволюции проторегионологического знания в рамках традиционной науки в Японии позволяет выделить несколько ключевых его особенностей.

Во-первых, сбор и изучение сведений о регионах проводились в Японии с момента образования государства, и хотя интенсивность этих процессов была неодинаковой и зависела от исторической обстановки, тем не менее они повлияли на формирование регионологического знания в последующие эпохи. Кроме того, следует отметить, что «основным мотивирующим фактором было противопоставление *“Мы – Другие”*, проявлявшееся на разных уровнях. В период формирования и расширения государства противопоставлялись центр (средоточие цивилизации, потомки верховных божеств) и периферия – внутренняя (окраинные, слабо окультуренные провинции, последователи местных культов) и внешняя (варвары, не принадлежащие упорядоченному миру). В период, когда границы подконтрольной территории стабилизировались, но страна оказалась раздробленной на фактически независимые княжества, к *“Другим”* относились все и всё за пределами своей провинции. После встречи с представителями западных стран последние стали наиболее *“Другими”* [33, с. 297]. Самоидентификация, построенная на основе «воображаемой географии», детерминирует противоположный конец этой оси, т. е. формирует представление о *«Мь»*. Это *«Мь»* определялось с использованием «историографических и географических методов, а именно составления хроник и описаний областей страны» [33, с. 297]. Здесь необходимо указать, что это разделение на отрасли наук довольно относительно, так как может полноценно существовать только в западной научной парадигме, японцам же был свойственен синтетический способ осмысления окружающего мира – именно подобная комплексность отличает региональные исследования на современном этапе.

Во-вторых, дихотомия «Мы – Другие» определяет и то, что японское проторегионологическое знание отличается ярко выраженным *японоцентризмом*, причем последнему служило как знание о себе, так и о чужих территориях. Это привело к тому, что в описываемый период изучение зарубежных стран не только не получило существенного развития, но сама цель его была не столько в познании внешнего мира, сколько в утверждении идеи превосходства Японии с точки зрения его географического положения и, как следствие, национального характера и культурных особенностей, а также в наращивании сил страны за счет заимствования научных достижений европейских государств.

В-третьих, хотя традиционная японская наука не обладала привычным для современных исследований выделением отраслей наук, напротив, представляла собой комплексное, синтезированное знание, тем не менее проторегионологическая традиция сформировалась на основе *противопоставления внутреннего и зарубежного знания*. Это выражалось в противоборстве и сосуществовании трех направлений: *кокугаку* (школа национальных наук), *рангаку/ёгаку* (голландоведение/европоведение) и *кангаку* (китаеведение). Несмотря на их противостояние, именно эта триада способствовала развитию регионального знания «как важного направления японской науки. Указанный выше японоцентризм способствовал усилению школы национальных наук в противовес китаеведению, а также интенсификации заимствований западного знания и развития голландоведения/европоведения» [33, с. 298].

Середина XIX в. характеризовалась серьезным культурным переломом, в том числе и научным. Прогрессивные европейские науки приходят на замену традиционным, а вслед за ними и регионологическое знание меняет свое лицо. Тем не менее факторы, определившие традиционную проторегионологию, «сохраняли свое влияние еще довольно долгое время, а их отголоски можно увидеть и в современных региональных исследованиях». В частности, перед японскими регионологами «по-прежнему ставятся задачи, с

одной стороны, преодоления культурной замкнутости Японии через изучение других регионов и их культур, с другой – преодоления концепции “западный = универсальный”» [33, с. 298].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что традиционное проторегионалогическое знание в определенном смысле детерминировало и некоторые сегодняшние процессы в науке: японцы по-прежнему ищут подходы, которые позволили бы им сбалансировать западное и собственно японское, а также помочь увидеть миру свое представление о себе как об уникальной стране, имеющей свой путь развития.

ГЛАВА 2

ЯПОНСКОЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

2.1. ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

XIX в. стал для Японии поворотной вехой в развитии: со второй его половины наступает следующий период осмысления среды обитания японцев – «от островной страны к материковой империи» [75]. Япония пережила множество перемен, изменивших ее облик. В 1854–1858 гг. под давлением западных стран сёгунским правительством были заключены договоры о мире и дружбе с США, Англией, Россией, Голландией, Францией. В 1868 г. под лозунгом «Почитание императора, изгнание варваров» (尊皇攘夷 сонно: дзё:и) был упразднен режим сёгуната, и вся гражданская и военная власть перешла к императору, впоследствии этот период получил название *Мэйдзи исин* (明治維新, в русскоязычном дискурсе – Обновление Мэйдзи, Реставрация Мэйдзи, Революция Мэйдзи, Обновление годов Мэйдзи⁶).

---

⁶ Термины «мэйдзи» и «исин» («обновление») были заимствованы из китайских исторических сочинений [14, с. 102]. «Мэйдзи» – девиз правления (императорское имя) вступившего на престол в 1867 г. императора Муцухито. Его обычно переводят как «просвещенное правление» [28, с. 369; 56, с. 72]. Вместе с тем, как указывает В. В. Ананьев, «в пояснении к девизу отрывок из “Книги Перемен” (кит. трад. 易經, упр. 易经 и цзин), послуживший источником (聖人南面而聽天下、嚮明而治), толкуется следующим образом: “Когда совершенно-мудрый понимает, что достаточно обратить свой лик на юг, подобно Полярной звезде, Поднебесная обращается к свету и приходит в состояние спокойствия (самоустраивается)” [191]. Таким образом, “свет” не является атрибутом “правления”, и то и другое выступает в качестве атрибутов страны, и девиз

В 1871 г. правительство объявило политический курс *бум-мэй кайка* (文明開化, «просвещенная цивилизация»). После этого прошел ряд реформ, модернизировавший различные сферы жизни: административно-территориальное деление страны, сельское хозяйство, сословное деление, образование, наука и др. В 1889 г. была принята первая конституция. Все вышеуказанные процессы сопровождались двумя разновекторными тенденциями: усиленная вестернизация и сопротивление ей, выразившееся в идеях особого статуса японской культуры и японской нации. Особенно это сопротивление усиливается к 1880–1890-м гг., когда среди японцев начинают расти настроения против бездумного заимствования европейского образа жизни и начинает усиливаться японский национализм, активно культивируемый как государством, так и многими категорически настроенными интеллектуалами.

К 90-м гг. XIX в. Япония добилась значительных успехов в экономике и образовании, а после присоединила новые земли за счет японско-китайской войны 1894–1895 гг. Это время ознаменовано не только историческими переменами, но и новым осмыслением Японии как региона и территории. В частности, получает новое, позитивное понимание термин «островная страна», ранее ассоциировавшийся с самоизоляцией. В 1894 г. в журнале «Друг народа» (国民之友, «Кокумин-но томо») была опубликована резонансная статья «Характер островитян» известного историка Кумэ Кунитакэ (久米邦武, 1839–1931). Он считал, что есть два типа островных «характеров», свойственных территориально

следует понимать и переводить как «свет и устройство». Очевидно, семантизация лексемы происходит под влиянием прагматического фактора: формулировка девиза связывается с реформами, ознаменовавшими период его действия. Однако такая интерпретация предстает сомнительной в свете как приведенного выше пояснения, так и описания процесса выбора девиза в исторических источниках, согласно которым император Муцухито вытянул вариант 明治 мэйдзи из нескольких [152]. Причем эта же формулировка девиза предлагалась ранее десять раз и была избрана (случайным образом) только в одиннадцатый [Там же]. [1, с. 66].

изолированным регионам: первый склонен к самоизоляции и ксенофобии, что и приводит страны с таким характером к отсталости, второй тип, свойственный Японии, – это открытые и готовые к взаимодействию с миром страны, а самоизоляция в период сёгуната Токугава – это аномалия, связанная с конкретным периодом и людьми, но не японским национальным характером в целом [75]. С присоединением Кореи в 1910 г. «произошла полная смена пространственной парадигмы: место сетований по поводу замкнутого и крошечного островного пространства, отгороженного от мира водной преградой, занимает расширяющаяся территория империи» [75], что отразилось на массе проторегиологических работ того времени, старавшихся «легитимизировать» этот новый статус региона.

Постепенный переход к милитаристской идеологии будет подпитываться не только внутрорегиональными событиями, но и внешними: как теми конфликтами, в которых Япония не принимала непосредственного участия, например, советско-китайским конфликтом на КВЖД 1929 г. [11], так и постепенным проникновением вглубь материка, в частности, с образованием марионеточного государства Маньчжоу-го [12]. Все это приведет к участию Японии во Второй мировой войне с серьезными территориальными претензиями, что существенно повлияет на облик и задачи региональных исследований.

Остановившись на изучаемом периоде и исходя из совокупности исторических реалий, которыми он характеризуется, целесообразно выделить несколько направлений региологического знания. Как уже указывалось, с этого момента мы именуем его региологическим, без приставки «прото»: это продиктовано тем, что, хотя до региональных исследований как научного направления еще далеко, тем не менее в Японии уже начинают формироваться отрасли наук по европейскому образцу, а само региологическое знание более конкретизировано и структурировано. Специфическими векторами развития региологического знания этой эпохи стали следующие:

1) распространение регионологического знания о других странах как стимул к развитию Японии;

2) внедрение регионологического знания в образование: переход от изучения других стран к японоориентированному обучению;

3) противостояние научно-ориентированного и идеологизированного регионологического знания в рамках историко-географических наук.

Остановимся подробнее на каждом из них.

2.2. РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ДРУГИХ СТРАНАХ КАК СТИМУЛ К РАЗВИТИЮ ЯПОНИИ

Изучение других стран, поставленное на службу стране, воплотилось в этот период в нескольких направлениях:

1) деятельность просветительских обществ, самыми значимыми из которых были «Бансё сирабэсё» (позднее – «Ёсё сирабэсё», «Кайсэйдзё») и «Мэйрокуся»;

2) перевод и распространение зарубежной литературы;

3) официальные миссии и учебные поездки за границу;

4) колониальные исследования и исследования, организовывавшиеся военными.

То, чего добились представители *школы голландских наук* в завершающиеся годы правления сёгуната, подготовило почву для популяризации в Японии как практикоориентированных западных работ, так и достижений социогуманитарных наук и даже предметов искусства. Несмотря на то что сёгунат относился к голландоведам весьма неоднозначно, время от времени препятствуя слишком рьяному изучению Запада и даже наказывая наиболее активных «западников», тем не менее он понимал пользу от этой работы. Поэтому в 1856 г. сёгунское правительство разрешило учредить в Эдо общество «Бансё сирабэсё» (蕃書調所, «Центр изучения варварских книг»): оно должно было изучать гол-

ландский язык и заниматься сбором регионологических знаний о некоторых европейских странах – Англии, Франции и России – а также изучать их образовательные системы и политические институты.

В «Бансё сирабэсё» состояли государственные служащие, изучавшие европейские языки и западный опыт для того, чтобы влиять на политический курс: они представляли просвещенные круги и полагали, что только прогресс сможет стимулировать развитие Японии. Из их уст нередко звучала критика в адрес сёгуната, который не решался на полноценную модернизацию страны по западным образцам, и в адрес конфуцианской схоластики и феодального мировоззрения. Общество «Бансё сирабэсё» сыграло решающую роль при свержении сёгунского правительства и реставрации императорской власти⁷.

В 1862 г. общество получило новое название «Ёсё сирабэсё» (洋書調所, «Центр изучения европейских книг»), а в 1863 г. оно было преобразовано в школу «Кайсайдзё» (開成所, «Очаг просвещения»). В ней изучали несколько европейских языков (голландский, английский, французский, немецкий и русский), а также некоторые другие дисциплины, например, математику. Его персонал быстро увеличился – с около 200 человек в 1860 г. до 1500 в 1866 г. [73, с. 42, 259]. В 1868 г. эта школа была поглощена Медицинским университетом, а в 1877 г. вошла в Императорский университет [180, с. 344].

Еще одним важным вкладом голландоведения стало внедрение металлического шрифта для книгопечатания. Пионером использования металлического шрифта считают голландоведа Мотоки Сёдзо (本木昌造, 1823–1875). После Реставрации Мэйдзи он перебрался из Нагасаки в Токио и в 1872 г. открыл собственную типографию.

---

⁷ Здесь и далее, описывая деятельность «Бансё сирабэсё», «Мэйрокуся», «Сэйкёся» и других обществ, мы основываемся на материалах книги: Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М.: Восточная литература, 1998. 240 с.

Литература испокон веку была источником знаний об окружающем мире. В XIX в. пришел конец исключительно китайского и голландского влияния, и литература на других языках тоже стала проникать в Японию. И все же многие вещи продолжали приходить в страну через Китай. В частности, в 1865 г. в Японии появилась весьма знаковая книга – китайский перевод «Элементов международного права» (Elements of International Law) американского правоведа и дипломата Генри Уитона (Henry Wheaton, 1785–1848) [48]. Издание открыло японцам глаза на «варварские» западные страны: оказывается, у них тоже были законы, тогда как подобные вещи могли быть только у цивилизованных государств, подобных Китаю и Японии. Кроме того, книга содержала множество сведений о правовом взаимодействии цивилизованного Запада с «полуцивилизованными» странами Азии, к которым автор относил и Японию [170, с. 218].

Постепенно появлялись и переводы на японский. Знаковой стала вышедшая в 1871 г. книга Самуэля Смайлса Self-Help («Самопомощь»), содержавшая биографии исторических личностей, которые сами построили свою судьбу. Произведение было столь популярным, что разошлось тиражом в миллион экземпляров [48].

Вскоре иностранная литература наводнит японский рынок и станет источником повсеместного распространения регионологических знаний.

Невозможно переоценить роль *просветительского общества «Мэйрокуся»* в распространении знаний о странах Запада. «Мэйрокуся» (明六社, «Общество шестого года Мэйдзи») было образовано в 1873 г. В его состав вошли десять ведущих общественно-политических деятелей Японии, семь из которых получили образование в Европе. В их числе были Мори Аринори (森有礼, 1847–1889), Нисимура Сигэки (西村茂樹, 1828–1902), Фукудзава Юкити (福澤諭吉, 1835–1901), Ниси Аманэ (西周, 1826–1894), Като Хироюки (加藤弘之, 1836–1916).

Фукудзава осуществлял просветительскую регионологическую деятельность и до образования самого общества: за период постепенной подготовки и публикации знаменитого труда “Сэйё дзидзё” (西洋事情, “Положение дел на Западе”, 1866–1869 гг.) он успел напечатать и другие регионологические работы: “Сэйё таби аннай” (西洋旅案内, “Справочник для путешествующего по Западу”), “Дзёяку дзюити кокки” (条約十一国記, “Одиннадцать стран, связанных с нами договорами”), “Сэйё исёкудзю” (西洋衣食住, “Каковы одежда, пища, жилище на Западе”), “Сэкай кунидзукуси” (世界国尽, “Все о странах Запада”)⁸. Общий тираж его работ с 1860 по 1893 г. составил семь с половиной миллионов экземпляров [14, с. 121].

Общество просветителей издавало журнал «Мэйроку дзасси» (明六雜誌, 1874–1875 гг.), пропагандировавший западные идеи в области политики, образования и науки.

Большую роль в формировании новой Японии сыграли *выезды за границу как источник регионологического знания*. Закрытость Японии до XIX в. привела к тому, что практически единственным источником знаний о других странах были книги и время от времени прибывающие из-за границы иностранцы. Собственного опыта постоянного посещения других земель у японцев почти не было. XIX в. изменил и это.

Первыми за границу отправились *официальные миссии*. В 1860 г. сёгунское правительство впервые отправило за рубеж официальную миссию – в США. Их доклады и воспоминания по прибытии домой стали ценным регионологическим материалом, поставленным на службу Японии и ее развития. В делегацию входило около 80 человек, среди которых был Фукудзава Юкити (福澤諭吉), который в будущем станет одним из ведущих распространителей регионологического знания в Японии [48]. По воспоминаниям

---

⁸ Переводы названий приводятся по статье: Совастеев В. В. Либерализм в Японии // Россия и АТР. 2004. № 1 (43). С. 28–45.

Мурагаки Норимаса (村垣範正, 1813–1880), заместителя посла, американцы им не понравились, «они не знают уважения по отношению к порядку, церемонности, долгу» [123, Р. 71, 73], но их восхитило техническое превосходство США над Японией, поэтому они с рвением закупали книги технического и научного характера [48].

В 1862 г. была отправлена еще одна миссия, на этот раз в Европу, и Фукудзава Юкити вновь был в ее составе. Кроме того, в него входил Фукути Гэнъитиро (福地源一郎, 1841–1906), общественный и политический деятель, изучавший западные и голландские науки в Нагасаки и Эдо, через некоторое время он станет «отцом японской журналистики». Кроме политической цели – добиться от Франции, Англии, Франции, Голландии, Пруссии, России и Португалии отсрочки открытия портов Ниигата, Хёго, Осака и Эдо на пять лет (правительство не могло гарантировать иностранцам безопасность из-за разгула антизападных настроений) – перед миссией стояла и научно-практическая задача: «“подсмотреть” у европейцев, как они делают свои замечательные вещи, научиться их технологиям» [48].

Первая часть книги Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё» («Жизнь в странах Запада»), написанной по результатам этих двух поездок, выйдет лишь в 1866 г., до этого членам миссии было запрещено разглашать детали визита. Книга разошлась тиражом более двухсот тысяч экземпляров, в ней приводились подробные описания особенностей жизни на Западе, в том числе содержался перевод Американской декларации независимости [48].

Кроме официальных миссий начались и *учебные поездки*, причем первоначально вопреки запретам центрального правительства. Еще в 1863 г. княжество Тёсю, ощутившее на себе мощь западных стран после конфликта в порту Симоносэки, решило, что пора обучаться у противника, и впервые отправило в Англию студентов. В состав этой группы входили будущие выдающиеся политики Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) и Иноуэ Каору (井上馨, 1835–1915). Результатом поездки стало осознание превосходящей силы

иностранных держав и отказ от идеологии изгнания иностранцев – у них следовало еще многому научиться [48].

В 1866 г. в Петербург прибыли еще шесть студентов – сыновья знатных самурайских родов с о. Эдзо (в настоящее время – о. Хоккайдо). Их навестили еще два «нарушителя» сёгунского запрета – два японских студента, направленных в Англию княжеством Сацума. Среди них был Мори Аринори (森有礼), который в будущем станет министром просвещения [48].

В 1871–1873 гг. состоялась первая официальная поездка за границу после Реставрации Мэйдзи. Министр иностранных дел Ивакура Томоми (岩倉具視, 1825–1883) возглавил миссию из 100 человек в 15 стран. Одной из важнейших ее целей было знакомство с культурой и общественно-политической жизнью стран Америки и Европы [177, с. 30–31]. Придворный историограф Кумэ Кунитакэ (久米邦武, 1839–1931) подробно записывал всё, увиденное в поездке. Его записи были опубликованы в 1878 г. под заголовком «Отчет о том, что увидела специальная полномочная миссия, путешествуя по Америке и Европе», они занимали 100 страниц, из которых 20 отводилось Америке и Англии, 10 – Германии, 9 – Франции, 5 – России. Эта регионалогическая по своей сути книга стала в некотором роде путеводителем по западным странам, а главный вывод автора состоял в том, что Америка и Европа обрели свою мощь сравнительно недавно, а потому Япония способна догнать другие страны в своем развитии [48].

В 1873 г. за границей обучалось уже 373 японца, 100 из них – в Лондоне. В 1865–1885 гг. в США получили образование около 300 человек [14, с. 122].

Со сменой политики в сторону усиления японизма и позиционирования себя как полноценной империи цели поездок изменились: теперь японцы не только сами собирали знания о других, но и хотели показать свой регион иностранцам с наиболее выгодной точки зрения. Так, в 1904 г. на Всемирной выставке в Сент-Луисе, где западные страны

часто показывали богатство своих колоний, Япония поступила также: она продемонстрировала этнографическую экспозицию – айнскую деревню, призванную дать понять, что у страны тоже есть «колонии», свои опекаемые японской цивилизацией варварские окраины [48].

Колониальные исследования (植民政策学) и *исследования, организовывавшиеся военными*, были непосредственными предшественниками – или другой ипостасью [154] – региональных исследований в Японии. Те и другие, впрочем, не всегда можно четко разграничить, поскольку направлены они были практически на одни и те же объекты, в первую очередь отличались организаторы и исполнители исследований.

Инициатива организации колониальных исследований исходила как из центра, т. е. правительства, занимавшегося вопросами стратегического планирования, так и с «периферии», в частности, из японской администрации на Тайване.

Одни авторы принадлежали к административным кругам, как Того Минору (東郷実, 1881–1959), сотрудник японской администрации на Тайване («Японская теория колонизации» (日本植民論 нихон сёкумин-рон, 1906 г.), «Меры по колонизации и этническая психология» (植民政策と民族心理, 1925 г.)) или Мотидзи Рокусабуро (持地六三郎, 1867–1923), который работал в государственных органах в самой Японии, затем в администрации Тайваня, позже – в Корее («Меры по колонизации Тайваня» (台湾殖民政策 тайван сёкумин сэйсаку, 1912 г.), «Теория экономики колоний Японии» (日本植民地経済論 нихон сёкуминти кэйдзай-рон, 1926 г.)). Другие были общественными деятелями, как Такэкоси Ёсабуро (竹越與三郎, 1865–1950) – журналист, приближенный Ито Хиробуми и Сайондзи Киммоти («Теория Китая» (支那論 сина-рон, 1894 г.), «Колониальные системы в сравнении» (比較植民制度 хикаку сёкумин сэйдо, 1906), «Записки о южных странах» (南国記 нангокуки, 1910 г.)) [195]. Еще одну группу составляли «чистые» уче-

ные, такие как Такаока Кумао (高岡熊雄, 1871–1961), автор «Сельского хозяйства Хоккайдо» (北海道農論 хоккайдо: но:рон, 1899 г.), «Проблем сельскогохозяйственной колонизации Сахалина» (樺太農業植民問題 карафуто но:гё: сёкумин мондай, 1935), Уэхара Тэцусабуру (上原轍三, 1883–1972), издавший «Исследования островов южных морей, рассматриваемых в качестве колоний» (植民地として觀たる南洋群島の研究 сёкуминти-то ситэ митару нанъё: сёто:-но кэнкю:, 1940 г.) или Кавата Сиро (河田嗣郎, 1883–1942), чьему перу принадлежит «Бразилия как колония» (植民地としてのブラジル сёкуминти тоситэ-но бурадзиру, 1914 г.) [178].

Большую известность получила деятельность исследовательских отделов Южноманьчжурской железной дороги (滿鉄北支經濟調査所 мантэцу хокуси кэйдзай тё:сасё «Отдел экономических исследований северного отделения Маньчжурской железной дороги» и 南滿州鐵道株式会社社長室調査課 минами мансю: тэцудо: кабусики гайся сятё:сицу тё:сака «Исследовательский отдел управления делами директора акционерного общества «Южноманьчжурская железная дорога»), сферой интересов которых являлся практически весь север Китая.

Исследования, организаторами которых выступали генеральные штабы армии и флота, а также штабы оккупационных сил, включали как собственно военные, проводившиеся кадровыми офицерами, так и более общего характера, когда военные выступали инициаторами или «заказчиками». Еще в начале периода Мэйдзи сложился жанр военно-географических описаний (兵要地誌 хэйё: тиси), которые представляли собой отчеты офицеров, побывавших с разведывательными миссиями в интересующих командование районах. Широко известны такие из них, как «Описание Сибири» (西伯利地誌 сибэриа тиси, 1892 г.), изданное генеральным штабом императорской армии, «Описание Маньчжурии» (滿州地誌 мансю: тиси, 1906 г.) под редакцией майора сухопутных войск Морита Тосито (守田利遠, 1863–

1936), «Описание Монголии» (蒙古地誌 мо:ко тиси, 1919 г.), написанное Касивабара Такахиса (柏原孝久) и Хамада Дзюнъити (浜田純一). Описание включало сведения о местоположении, рельефе, климате, производимых товарах, обычаях, политическом устройстве, религии, годовом товарообороте, образовании, воинских частях, производстве, торговле, административном устройстве, транспорте, связи, валютном обращении, административных центрах, истории региона [176, р. 24]. Позже, во время войны, к составлению подобных описаний привлекали ученых, в частности, антропологов, призванных на воинскую службу [176, р. 23].

Исследования, в качестве инициаторов которых выступали военные органы, делятся на две большие группы: исследования регионов, уже достаточно долго находящихся под управлением Японии, и регионов, которые были захвачены недавно или только входили в планы на будущее [176, р. 27]. Различие между ними было в том, что в последнем случае большее внимание уделялось культурным аспектам, что было необходимо для организации взаимодействия с местными общественными и политическими группами, осуществления пропаганды и т. д. В случае же стабильного функционирования японской администрации фокус переносился на административно-хозяйственные проблемы. Так, на Тайване в период с 1900 по 1910 г. активно проводились исследования обычаев тайваньских китайцев и аборигенов, однако после 1928 г. они прекращаются в связи с тем, что был принят курс на ассимиляцию жителей Тайваня с японцами и сформирована система образования, призванная перенастроить общество по японскому образцу. Аналогичные процессы происходили в Корее и Маньчжурии [176]. В период с 1943 по 1945 г. при участии военных был создан Институт этнографии (民族研究所 миндзоку кэнкю:дзё), который проводил много исследований в интересах армии [176, р. 19]. В нем работали такие ведущие ученые, как антрополог Ока Масао (岡正雄, 1898–1992) и исследователь социологии религии Фуруно Киёто (古野清人, 1899–1979).

2.3. ПЕРЕХОД ОТ ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ К ЯПОНООРИЕНТИРОВАННОМУ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Распространение знаний как о загранице, так и о своей стране было бы невозможным без реформы образования, как и сама реформа образования не состоялась бы без активного участия иностранцев и западной науки.

Комиссия по подготовке реформы была учреждена в 1868 г. Её главой стал Фукудзава Юкити, выступавший за внедрение европейской континентальной (французской) системы образования, сторонником американской системы был Мори Аринори [14, с. 121].

Программа правительства Мэйдзи предполагала реформу образования, внедрение всеохватного общего образования и единовременное создание 8 университетов, 256 средних и 53 760 начальных школ. Но даже через семь лет, в 1879 г., в стране начальных школ было всего 5270. Пройдет 30 лет – и к 1902 г. в Японии по-прежнему было 2 государственных университета, 222 средние и 27 076 начальных школ. Создавались и частные школы, но обучение шло по программе, утвержденной государством⁹.

Школьное образование оказало большое влияние на распространение регионологического знания. В особенности частные школы, в которых уже в младших классах давались специальные знания по иностранным языкам и другим европейским наукам, а в средней школе наряду с другими предметами преподавали китайскую классическую литературу, иностранные языки (английский, немецкий или французский), историю, географию, математику, естествознание, физику, химию, право, экономику. В 1874 г. в

---

⁹ Здесь и далее, описывая ситуацию в системе начального, среднего и высшего образования рассматриваемого периода, мы основываемся на материалах книги: Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М. : Восточная литература, 1998. 240 с.

Японии было уже открыто более 90 школ иностранных языков, языки изучало более 13 000 студентов. Школа иностранных языков в Токио (東京外国語学校, в настоящее время Токийский университет иностранных языков, 東京外国語大学) открыла и русское отделение, где ученики старших классов занимались по русским программам и учебникам. Один из ее первых выпускников, Куруно Ёсибуми (黒野義文, 1859–1918) занимался распространением знаний о русской культуре и преподавал русский язык [14, с. 122; 161].

Развивалось и высшее образование, пусть и не теми темпами, о которых мечтало правительство Мэйдзи. В 1877 г. был учрежден Токийский университет (東京大学), одним из основателей которого стал американский профессор Д. Мюррей. В университете создали четыре факультета: юридический, медицинский, филологический и факультет естественных наук. В 1878 г. в Саппоро при участии американца И. С. Кларка открылась сельскохозяйственная школа (札幌農学校), которая положит начало Хоккайдоскому университету (北海道大学) [14, с. 121]. В 1871 г. была открыта Техническая школа (工学寮), в 1873 г. преобразованная в Императорский технический колледж (工部大学校). В 1886 г. он вошел в состав Токийского университета, преобразовавшись в Технический университет в его составе (帝国大学工科大学) [190], а Токийский университет тогда же переименовали в Императорский (帝国大学). В 1897 г. он получил наименование Токийский Императорский (東京帝国大学) в связи с открытием Киотского Императорского университета (京都帝国大学). Всего было создано девять императорских университетов, семь из которых находились на территории Японского архипелага¹⁰, один – в Сеуле (京城帝国大学

---

¹⁰ Императорский университет Тохоку (東北帝国大学, 1907 г.), ныне Университет Тохоку (東北大学), Императорский университет Кюсю (九州帝国大学, 1911 г.), ныне Университет Кюсю (九州大学), Хоккайдоский Императорский университет (北海道帝国大学, 1918 г.), ныне Хоккайдоский университет (北海道大学), Осацкий Императорский университет (大阪帝国大学, 1931 г.), ныне Осацкий университет (大阪大学), Нагойский Императорский университет (名古屋帝国大学, 1939 г.), ныне Нагойский университет (名古屋大学).

кэйдзё: тэйкоку дайгаку, 1924 г.) и один – в Тайбэе (台北帝國大學, 1928 г.)¹¹ [155]. В то же время открывались частные школы и училища, часть которых позже получила статус института (學院) или университета (大學). Так, в 1920 г. университетами стали восемь частных училищ, в том числе школа Кэйо Гидзюку (慶應義塾), основанная в 1858 г., т.е. еще при сёгунате, Фукудзава Юкити в качестве голландоведческой школы княжества Накацу в Эдо. Тогда же аналогичный статус получил юридический колледж Васэда (東京專門學校, основан в 1882 г., с 1902 г. – 早稻田大學), инициатор основания которого, политик Окума Сигэнобу (大隈重信, 1838–1922), уделял большое внимание британской политэкономии.

В начале реформ большое количество преподавателей приглашали из стран Запада, а занятия во многих заведениях велись на английском, французском или немецком языках. В 1874 г. в средних школах Японии трудились 211 иностранных преподавателей, в 1877 г. в Токийском университете 27 из 39 профессоров приехали из-за границы [14, с. 121].

Однако с ростом антизападных настроений их количество стало сокращаться. И все же в Японии по-прежнему появлялись яркие представители западных наук. Так, в 1893 г. туда прибыл уроженец Нижнего Новгорода Р. А. Кебер (1848–1923). Известный писатель Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916), посещавший его лекции по эстетике, писал о нем как о яркой и выдающейся личности¹². Его роль в распространении регионологического знания была очень значительна. По мнению А. Н. Мещерякова, «из всех российских подданных на японской службе именно он, пожалуй, внес

---

¹¹ У Сеульского Императорского университета формально нет преемников, однако его имущество было передано основанному после войны Сеульскому университету (서울대학교). Преемником Тайбэйского Императорского университета является Национальный университет Тайваня (國立臺灣大學).

¹² Об этом, в частности, пишет Иванова Г. Д. в работе: Русские в Японии XIX – начала XX в. Несколько портретов / Ответственный редактор и автор предисловия В. Н. Горегляд. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 172 с.

наибольший вклад в знакомство японцев с Западом» [48]: Р. А. Кебер вплоть до 1914 г. читал в Токийском императорском университете лекции по греческой и западноевропейской философии и эстетике.

Постепенно сокращалось количество упоминаний западных исторических личностей в учебниках. Если в 1900 г. школьники изучали жизнеописания тринадцати западных деятелей (среди которых были А. Линкольн, Б. Франклин, Дж. Вашингтон, Г. Нельсон, И. Ньютон, Э. Дженнер, Ф. Найтингэйл, Сократ, Х. Колумб), то уже в 1910 г. в учебниках рассказывалось о пяти иностранцах, в 1933 – о шести, в 1941 – об одном (Э. Дженнере) [48].

Новый курс в образовании в отношении изучения собственного региона и знаний о других странах ознаменовал выход в 1892 г. школьного учебника по истории в двух томах «Краткая история империи» (帝国小史 «Тэйкоку сёси»). Он начинался словами «В мире есть много стран, но Япония – самая лучшая. Климат здесь не слишком жаркий и не слишком холодный, почвы – плодородные и рожают много чая, риса и тутового дерева. С древних времен наш народ высоко ценил почтительность, отличался глубоким верноподданничеством и никогда не был унижен другими странами. С самого начала истории и до дня нынешнего наша императорская династия не прерывалась и постоянно процветала. Нигде больше нет такой прекрасной страны, как наша. Нам повезло, что мы родились в этой стране. Будучи очастливлен тем, что родился здесь, ты должен хорошенько выучить события, произошедшие в этой стране» [цит. по: 48]. Как указывает А. Н. Мещеряков, «за исключением утверждения, что в Японии выращивается много чая, риса и шелковицы, ни одно из утверждений учебника либо не соответствует действительности, либо требует существенных оговорок... Изучение истории становилось частью курса по моральному воспитанию. Воспитанию подданных, готовых в любую минуту пожертвовать жизнью за своего императора и его предков» [48].

Что касается преподавания географии, то к 1880–1890-м гг. в средней школе уже главенствовали идеи немецкой географической школы (Ф. Рацель, А. Хеттнер), распространенные в то время в Японии: география региона определяет его историю. Прекрасные природные условия обеспечивали благоприятный исторический прогресс, делая Японию лучшей страной на планете. Регионалогическая компонента служила этой идее: «при изучении разных стран и народов неустанно подчеркивалось не то, что объединяет их с Японией, а то, что различает. Естественно, что такую замечательную страну следует надежно охранять. На телесном уровне эта идея реализовывалась на уроках физкультуры и военной подготовки» [48].

Победа Японии в японо-китайской войне (1894–1895) заставила образование сделать новый крутой поворот. Впервые за долгое время страна стала не импортером, а экспортером образования: «впервые в истории не Япония училась у Китая – теперь в Японию потянулись китайцы, желавшие усвоить опыт модернизации островной страны, которую Китай всегда считал «варварской». Раньше Япония была окраиной Китая, теперь Китай стал окраиной стремительно развивавшейся Японии. Это стало возможным только потому, что Япония отказалась от китайской неподвижной модели мира, где центр и периферия никогда не могут поменяться местами» [48].

В 1908 г. в Токийском императорском университете была основана кафедра колонизации. Государство решило, что освоение уже имеющихся колоний – это задача для специально подготовленных людей с высшим образованием, и рассчитывало на расширение территорий за счет новых земель [48].

2.4. ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАУЧНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО И ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РАМКАХ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Еще в 1825 г. политический деятель, философ-конфуцианец Айдзава Сэйсисай (会沢正志齋, 1782–1863) создал трактат под названием «Новые предложения» (新論, «Синрон»), довольно знаменитый труд, ставший резонансным. В нем он писал, что «Земля пребывает в своей твердости, она совершенно круглая, без граней и углов. Все существует в своей природной телесной форме, и наша Божественная Земля (т. е. Япония. – прим. А. М. Мещерякова) расположена на самом верху земли. Хотя она не отличается обширностью, она управляет каждым уголком в этом мире, поскольку там [в Японии] никогда не менялись ни династия, ни форма верховной власти. Различные страны на Западе соответствуют ступням и ногам тела. Вот почему их корабли издалека приплывают в Японию. Что до страны, расположенной среди морей, которую западные варвары называют Америкой, то она расположена в самом дальнем уголке земли; поэтому-то ее люди глупы и просты, они не умеют ничего делать. Все это обусловлено природными причинами» [цит. по 48]. Так, в новом веке силами регионологического знания продолжила культивироваться идея об уникальности Японии и ее превосходстве.

Эта тенденция затронула в первую очередь историко-географические науки, поставленные на службу обоснованию указанной идеи, а регионологические знания в этих процессах играли особую роль, поскольку именно сопоставление исторических и географических факторов развития различных регионов ставились во главу угла при обосновании уникального места и роли Японии в мире.

После Реставрации Мэйдзи в 1869 г. император выпустил указ о создании Департамента истории, который возглавил Сандзё Санэтоми (三条実美, 1837–1891), будущий

правый министр. На департамент возлагалось несколько задач: публикация древних исторических летописей и документов, создание новой официальной версии истории Японии, обоснование легитимности правительства Мэйдзи, подтверждение уникальности исторического развития страны и аргументирование разницы между «культурой и варварством, между своим и заграничным» [48]. С середины 70-х гг. правительству понадобилось историческое обоснование притязаний Японии на Корею и земли, находившиеся близко к Японскому архипелагу.

Но если правительство, отстаивая специфику Японии и собственную легитимность, продолжало активно заимствовать у Запада всё, что шло на пользу модернизации страны, то одновременно с этим набирал силу и региональный национализм. Особенно в деле обоснования национального превосходства японцев на основе характеристик региона с привлечением истории и географии преуспели члены общества «Сэйкёся» (政教社), созданного в 1888 г. Они выступали за «сохранение национальной сущности» (国粹保存 кокусуй ходзон) [160, с. 67]. Редактор журнала «Нихондзин» (日本人) Миякэ Сэцурэй (三宅雪嶺, 1860–1945) написал книгу «Истинность, добро и красота японцев» (真善美日本人 «Синдзэнби нихондзин»), в которой пытался доказать, что нации и расы складываются, прежде всего, под влиянием географии и климата, а, следовательно, заимствование у других культур вредит нации, лишает ее особенностей и конкурентоспособности [148, с. 174].

Другим известным членом «Сэйкёся» был географ Сига Сигэтака (志賀重昂, 1868–1927), отстаивавший откровенно шовинистические взгляды. Историко-географические и биологические факторы региона, по его мнению, сформировали «национальную сущность» (国粹 кокусуй) японцев, что непременно приведет к ее превращению в высшую расу [129, с. 154]. Одной из наиболее известных книг ученого стала вышедшая в 1894 г. работа «Японский ландшафт» (日本風景論 «Нихон фукэй рон»). Этот труд призывал японцев

гордиться своей средой обитания и даже содержал попытки популяризовать горный туризм, который не был свойственен японцам, забиравшимся в горы только с религиозными целями – помолиться обитающим там богам *синто* [50].

В 1880–1890-е гг., когда национализм и антизападничество в обществе обостряются, газета «Нихон» и журнал «Нихондзин» на основе изучения работ школы национальной науки завершающего периода эпохи Токугава активно распространяют такие идеи, как *нихонсюги* (日本主義, японизм), *кокуминсюги* (國民主義, национализм) и *кокусуйсюги* (國粹主義, крайний национализм, превознесение национальной специфики).

В 1907 г. краевед и фольклорист Янагита Кунио (柳田國男, 1875–1962) дал старт «почвеннической кампании» [48]. Этнографы культивировали множество мифов: рис становился символом Японии и обретал признаки монокультуры, из культуры рисосеяния выводили специфику национального характера японцев, приписывая крестьянскому населению исключительно позитивные качества: трудолюбие, общинность, гомогенность, скромность, честность, бережливость, мудрость, верность семейным, общественным и государственным ценностям. Подобным работам были характерны упрощение и идеологизация.

Вместе с тем японские историко-географические науки, несмотря на подобное политически мотивированное давление, добились значительных результатов и в реальных исследованиях. Этому в немалой степени способствовало проникновение в Японии западных подходов к научному процессу. Археология, работы в области которой начались еще в конце XVIII в., в середине XIX в. обрела системность: регулярно проводились раскопки и публиковались материалы исследований. В 1877 г. в Омори были обнаружены могильные курганы, это повысило интерес к изучению доисторической Японии, руку к этому открытию приложил также американский зоолог Эдвард Морс [48]. В 1884 г. было основано Антропологическое общество, в 1895 г. – Археоло-

логическое. Они публиковали журналы о проведенных исследованиях. В 1895 г. стали издаваться исторические документы и материалы. Выходило две серии подобных публикаций: «Материалы по истории Японии» (大日本資料 «Дай Нихон сирё») и «Собрание древних исторических японских документов» (大日本古文書 «Дай Нихон Комондзё») [60, с. 507].

Настоящие исследования служили также просвещению жителей Японии. Знания о собственном регионе формировали сознание создаваемой японской нации, объединяемой общей историей и уникальной культурой. Популяризация регионологического знания проходила, в частности, через основанный в 1889 г. «Иллюстрированный журнал обычаев» (風俗画報 «Фудзоку гахо»): «Это был первый в Японии иллюстрированный журнал. К этому времени японцы обучились литографии, и журнал публиковал множество картинок. В основном они были посвящены трем темам: старые традиции Эдо, новые обыкновения Токио, обычаи японской глубинки. Это был первый в Японии журнал, который можно назвать этнографическим. Причем это была этнография не научная, эта этнография предназначалась “для народа”. Журнал склеивал воедино разные времена и разные местности. Все вместе это называлось Японией. Знакомясь с ее обитателями, читатели становились японцами» [48]. Выпускался журнал токийским издательством «Тоёдо» (東陽堂).

Та же функция была возложена и на музейное дело. Музей в Уэно, подведомственный Министерству двора, в 1889 г. получил статус императорского, такие же музеи были открыты в Нара и Киото. «Основу экспозиции этих музеев составляли выдающиеся произведения японского искусства. Открыто прокламируемой целью императорских музеев было приближение к нынешним японцам накопленного предками эстетического богатства, внушение иностранцам уважения к японской культуре. Иными словами, задачей музеев была не столько консервация прошлого, сколько создание новых ценностей. К этому времени правительство

окончательно решило, что “искусство” Японии, которым так восхищались многие иностранцы, способно внести немалый вклад в формирование общенационального фонда памяти. В связи с этим многие принадлежности религиозного культа перевели в ранг “предметов искусства”. Их выставляли в музеях, они преодолели рамки конфессий и школ, став общенациональным достоянием. Из местных святынь они становились предметами культа целой нации» [489]. В 1901 г. при поддержке императорского музея Токио была подготовлена и опубликована первая книга по истории искусства Японии.

В 1896 г. началась публикация энциклопедии «Кодзи руйэн» (古事類苑), содержащей информацию из древних и средневековых источников об истории государства, ритуалах, флоре, фауне и пр. Энциклопедия была разбита на 30 рубрик и вышла в 51-м томе, каждый из которых содержал не меньше 1000 страниц. Публикация завершилась в 1915 г. [48]. Идея создания этой энциклопедии принадлежала просветителю эпохи Мэйдзи Нисимура Сигэки (1828–1902). Сам он обучался сначала конфуцианству в школе клана Сакура (佐倉藩) Сэйтоку-сёин (成徳書院), а затем артиллерийскому делу. Испытав потрясение в результате появления эскадры М. Перри в 1853 г., подал старейшинам (老中 род:дзю:) бакуфу предложение об организации береговой обороны. В то же время выступил за установление активных торговых отношений с другими странами. Когда в 1856 г. даймё клана Сакура Хотта Масаёси стал главой совета род:дзю: и ответственным за международные дела, Нисимура было поручена подготовка секретных дипломатических документов. В 1873 г. стал одним из создателей общества «Мэйрокуся». В 1874 г. выступил за отказ от иероглифики, хотя практически одновременно, в 1875 г., стал одним из основателей общества кангакуся, получившего название «Ёёся» (洋々社). Был членом Токийской академии наук (東京学士院 то:кё: гакусиин, ныне Японская академия наук), пропагандировал необходимость образования на протяжении всей жизни. Являясь руководителем редакци-

онного департамента Министерства образования, инициировал создание энциклопедии «Кодзи руйэн», работа над которой началась в 1879 г. и велась Токийской академией наук, с 1890 г. – Институтом изучения японской литературы (皇典講究所, ко:тэн ко:кю:дзё)¹³ [182], с 1895 г. – Управлением по делам синтоистских храмов (神宮司庁, дзингу:дзитё:).

В области истории различия между научными направлениями проявились, в частности, при описании самого периода, предшествующего Реставрации Мэйдзи и самих процессов реформ. Первым из этих направлений стала просветительская историческая школа. К главным работам относятся «Основы цивилизации» (文明論の概略, буммэйрон-но гайряку, 1875 г.) Фукудзава Юкити, «Краткую историю цивилизации в Японии» (日本開化小史, нихон кайка сё:си, 1822 г.) Тагути Укити (田口卯吉, 1855–1905), «Историю за две тысячи пятьсот лет» (二千五百年史, нисэн госяку нэн си, 1897) Такэкоси Ёсабуро (竹越與三郎, 1865–1950). Далее эта школа развивалась параллельно с официальной исторической наукой. В результате критики старой политической истории появилась история культуры, охватывавшая широкие области «экономики, права, идеологии, искусства и пытавшаяся найти единый объективный подход к оценке не только роли политических деятелей-представителей государственной власти, но и представителей различных слоев общества» [71, с. 28]. Самым выдающимся представителем направления периода Тайсё (1912–1926 гг.) С. Тояма считает Цуда Сокити (津田左右吉, 1873–1961) [71, с. 32], автора многих трудов по общей истории и истории философии Востока и Японии, таких как «Новый взгляд на историю Востока» (新撰東洋史, синсэн то:ё: си, 1901 г.), «Историческая география Кореи» (朝鮮歴史地理, тё:сэн рэкиси тири, 1913 г.), «Новые исследования «эры богов»» (神代史の新しい研究,

---

¹³ Институт изучения японской литературы (皇典講究所, ко:тэн ко:кю:дзё) создан в 1882 г. как центр подготовки кадров для «государственного синто».

дзиндайси-но атарасий кэнкю:, 1913 г.), «Исследования нашей национальной идеологии по произведениям художественной литературы» (文学に現はれたる我が國民思想の研究, бунгаку-ни араварэтару вага кокумин сисо:-но кэнкю:, 1917–1921) и др. Во многих работах Цуда «стремился вскрыть исторические корни современной национальной идеологии, начавшей формироваться в период» Реставрации Мэйдзи [71, с. 32].

Другое направление формировали ученые и общественные деятели, настроенные оппозиционно по отношению к официальной истории в связи с тем, что многие из них были чиновниками бывшего правительства бакуфу и выступали с его позиций: Фукути Гэнъитиро (福地源一郎, 1841–1906), Тогава Дзанка (戸川残花, наст. имя 戸川安宅 тогава ясуиэ, 1855–1924) [71, с. 32].

Новый этап в изучении истории начался с распространением в Японии марксизма, под влиянием которого уделяется большое внимание «анализу экономических, правовых и социальных отношений в стране» [71, с. 34]. Так, в 1933 г. была издана серия монографий под общим названием «Очерки по истории развития японского капитализма» (日本資本主義發達史講座, нихон сихонсюги хаттацу-си ко:дза). В число известных представителей этого направления входят Хани Горо (羽仁五郎, 1901–1983) и Хаттори Сисо (服部之総, 1901–1956).

Два вышеописанных направления – историко-географические науки как средство подтверждения региональной исключительности Японии и они же, но изучавшие реальное прошлое и настоящее региона – часто пересекались, но еще чаще сталкивались между собой со значительными потерями со стороны последнего из направлений. Государственная власть требовала, чтобы историки признавали мифические и полумифические события первых хроник – «Кодзики» и «Нихон сёки», а критики этой позиции попадали под репрессии, лишались возможности издавать результаты исследований и преподавать в императорских университетах. Так, в 1891 г. Кумэ Кунитакэ (久米邦武,

1839–1931), ранее получивший известность книгой о миссии Ивакура на Запад, был обвинен в «неуважении к императору» и уволен из Токийского императорского университета за основательную научную статью, в которой проводил сравнение синто и других «примитивных» религий Востока, изучая истоки придворных ритуалов и происхождение императорских регалий [48].

И все же именно данный период дал науке серьезный стимул к развитию, соединив японские и западные подходы к научной деятельности и заложив базу для институционализации региональных исследований в будущем.

2.5. СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПЕРИОД СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ДО СЕРЕДИНЫ XX В.

Изучение указанного периода дает основания сделать некоторые выводы об основных особенностях регионологического знания этой эпохи.

Обращаясь к ранее обозначенным концепциям, стимулировавшим развитие японских знаний о регионах и ставшим ярко выраженными атрибутами этих знаний (концепция «Мы – Другие», японоцентризм, противоборство внешних и внутренних наук), следует отметить, что на данном этапе они обрели присущие эпохе свойства.

Концепция «*Мы – Другие*» претерпевает скачкообразное развитие. В начале реформ Япония пытается устранить разницу между собой и окружающим миром, отождествить себя с неким идеалом западной цивилизации, сформировавшемся в умах японцев на новом этапе «воображаемой географии». Указанная концепция преобразуется в «*Мы = Другие*» со всеми вытекающими из этого последствиями, вплоть до крайностей, заключавшихся в бытовавшем некоторое время утверждении, что у Японии нет ничего своего, что было бы достойно похвалы. В этой ситуации ре-

гионологическое знание активно поставляется из-за границы. Однако маятник довольно быстро качнулся в противоположную сторону: к 1880–1890-м гг. наблюдается рост антизападных настроений, а рассматриваемая нами концепция приобретает еще один, новый смысл: «*Мы ≠ Другие*».

В этой связи *япоцентризм* довольно скоро начинает приобретать признаки *крайнего национализма*. В рамках регионологического знания популяризируются концепции исторически, географически, этнографически уникальной Японии, готовой диктовать другим свои условия. Все это приводит к идее необходимости территориальной трансформации: от самоидентификации себя как острова к расширению границ и превращению страны в материковую империю. Изучение Запада ограничивается идеологемой *вакон-ёсай* (和魂洋才 «японский дух – западная техника»).

Это порождает *противостояние японского и зарубежного регионологического знания* на новом этапе. Традиционные науки – китаеведение, голландоведение и школа национальных наук – всё еще играют свою роль, но уже в качестве аргументов при апелляции к японскому прошлому. В особенности кокугаку, ведь работы именно этой школы были призваны доказать уникальности и исключительности Японии как региона мира. Вместе с тем, у заявленного противостояния двух типов знаний появляется и новая черта, связанная с проникновением в страну позитивистского научного мышления. В отличие от традиционной науки, которая характеризуется известной степенью умозрительности и спекулятивности, позитивизм предполагал объективность и проверяемость научных данных. Это вступало в противоречие с требованиями националистически настроенных кругов. Во-первых, правительства, требующего не реальных исследований, а обоснования и укрепления императорской власти средствами науки, в том числе регионологического знания. Во-вторых, общественных и научных кругов, противостоящих любому знанию, которое не укладывалось в концепцию крайнего япоцентризма.

Националистические идеи к середине XX в. усиливаются, а вкупе с ростом милитаристских настроений выливаются в идею участия во Второй мировой войне на стороне агрессоров. Несмотря на то что события тех лет, в том числе Советско-японская война, пока еще не получили достаточного осмысления с точки зрения теории регионализма [13, с. 86], тем не менее сегодня уже можно утверждать, что поражение в ней изменило не только историю Японии, но и направление развития регионологического знания. На следующем этапе развития японская наука будет искать консенсус между исследованиями разных направлений. Отход от колониалистски и идеологически выстроенного знания даст возможность смены парадигмы в предстоящие годы, а также по достоинству оценить результаты труда тех ученых, которые в сложный для науки период имперского регионологического знания были убеждены в ценности объективных выводов о прошлом и настоящем Японии.

ГЛАВА 3

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯПОНИИ СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

3.1. Эволюция институционализированных региональных исследований в Японии

Результаты Второй мировой войны инициируют начало нового типа самоидентификации Японии: «от островной страны к “стране-саду”» [75]. На этом этапе – институционализированных региональных исследований – страна заново переосмысливает свой островной статус, придавая ему особое значение и описывая как фактор формирования уникальной культуры. Этот этап характеризуется исследованиями с гуманитарным уклоном: сначала этнологическими, описывающими формирование и особенности японского этноса, а позднее к ним прибавляются и другие работы подобного рода, с концентрацией внимания на создании наиболее благоприятной социально-политической и экологической среды обитания.

После окончания Второй мировой войны идея о том, что странам и регионам следует лучше знать друг друга – как с военными целями, так и с мирными – витала в воздухе. В странах Европы и Америки активно обсуждались новые, только зарождающиеся направления науки, готовые представить знания о других регионах: international studies, language studies, area studies и др. Япония не стала исключением в этих общемировых процессах. При этом развитие этой отрасли шло как в сторону монодисциплинар-

ных исследований регионов мира (экономических, политических, культурных и др.), так и в направлении комплексных трансдисциплинарных.

Говоря об институционализирующихся с этого момента региональных исследованиях, следует отметить, что, как и в большинстве стран, где они развивались, их следует рассматривать в двух плоскостях. Первая плоскость – это собственно наука о регионах, формализующая себя через различные наименования: на Западе – уже упомянутые *international studies*, *area studies* и т. д., позднее – *regional studies*, *regional science*, в Японии – 地域研究 (региональные исследования), 地域学 (региональная наука), 日本学 (японоведение), 地元学, 自地域学 (краеведение) и т. д., так и путем самоидентификации ученых как регионоведов. Вторая плоскость – это исследования регионов в рамках самых различных наук. Социогуманитарные и естественнонаучные проекты, в которых объектом изучения становятся как отдельные регионы, так и общие принципы развития территорий в целом, внесли немалый вклад в региональные исследования, их теорию и методологию. Обе плоскости не имеют между собой четких границ и нередко переплетаются настолько тесно, что их невозможно разделить. Тем не менее начавшаяся в середине XX в. институционализация региональных исследований не очерчивает для них никаких иных четких границ, кроме собственно объекта исследования. Регион, как и в других странах, становится отправной точкой для начала выделения новой науки в Японии, оформление ее теоретических основ начнется гораздо позже этого периода.

С учетом вышеизложенного эволюцию региональных исследований в изучаемый период можно рассматривать в точки зрения постепенного увеличения количества научных организаций в этой сфере и активизации государственных мер по развитию региональных исследований.

С точки зрения первого критерия – *роста научных организаций и областей изучения* в сфере региональных исследований – можно описать развитие науки о регионах следующим образом.

В 1948 г. в состав Токийского императорского университета (東京帝国大学) (в настоящее время – Токийский университет, 東京大学) вошел Научно-исследовательский институт восточной культуры (東洋文化研究所). В 1945–1950-е гг. «страноведение Китая и Кореи, а также восточное направление в целом изучалось в рамках различных институтов по исследованию Востока, политики и экономики Азии» [34, с. 39].

В 1951 г. в Университете Хоккайдо (北海道大学) был открыт Центр славянских исследований (スラブ研究センター) (в 2014 г. он стал Центром славяно-евразийских исследований, スラブ・ユーラシア研究センター). «В том же году в Токийском университете был основан факультет гуманитарных наук с наличием региональных профилей, а в 1955 г. – факультет международных отношений на базе аспирантуры» [34, с. 39]. В 1956 г. была создана Японская ассоциация международной политики (JAIR, 国際政治学会) [58].

В 1960-е гг. высокие темпы экономического роста в Японии пробудили интерес к исследованию региональных экономик стран Азии, в стране был учрежден Институт развития экономики (IDE, アジア経済研究所). В 1960 г. при Токийском университете иностранных языков (東京外国語大学) был создан Исследовательский институт языков и культур стран Азии и Африки (アジア・アフリカ言語文化研究所) [156].

В 1962 г. в Японию приходит *региональная наука* (regional science) У. Айзарда, американского экономиста и географа, который с группой коллег способствовал институционализации этой новой науки, сначала в США, а затем по всему миру [38; 39]. В Японии в 1962 г. создается Японское отделение Международной ассоциации региональной науки (Regional Science Association International) [108], ее первым президентом стал Гэнпатиро Конно (今野源八郎) [89]. Организация развернула широкую деятельность в сфере региональных исследований, регулярно проводит конференции и вносит большой вклад в развитие науки о регионах в Японии.

В 1964 г. был учрежден Исследовательский институт Юго-Восточной Азии Киотского университета (京都大学・東南アジア研究所). Япония продолжает активно изучать международные отношения со странами и регионами мира: Россией, Юго-Восточной Азией, Америкой, Африкой [156].

Нефтяной кризис 1973 г. стимулировал развитие исследований Среднего Востока: в 1970-х, начинают открываться первые НИИ с такой проблематикой. В 1985 г. учреждается Ассоциация Японии по изучению Среднего Востока (日本中東学会).

В университетах начинают появляться специальности, связанные с региональными исследованиями, в частности, их открывают в Университете Цукуба (筑波大学), Кобэ (神戸大学) и София (上智大学). В 1975 г. в Университете Цукуба открывается первая в Японии аспирантура по региональным исследованиям [181, с. 2].

К 1980–1990-х гг. японцы обращают все больше внимания на изучение собственной страны. В 1987 г. открывается Международный центр исследований японской культуры (Нитибункэн) (国際日本文化研究センター), а также Общество прикладной региональной науки (応用地域学会, ARSC) – профильная организация региональных исследований.

В 1989 г. после вступления страны в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в Японии на базе Университета Васэда был создан НИИ Азиатско-Тихоокеанского региона (アジア太平洋地域研究所), а в рамках Университета Рицумэйкан – факультет исследований Азиатско-Тихоокеанского региона (立命館大学). Позднее, в 2000 г. учредили и одноименный университет – Азиатско-Тихоокеанский университет Рицумэйкан (立命館アジア太平洋大学), он стал важным центром исследования политики и контактов Японии со странами АТР [油井大三郎, 2007, с. 58–66]. В 1991 г. было создано Японское общество международного развития (国際開発学会). В 1994 г. было основано Научное общество Японского моря (環日本海学会) (в 2007 г. оно стало Ассоциацией региональных исследований

Северо-Восточной Азии, 北東アジア学会), связанное непосредственно с исследованием территории Японского моря и находящихся рядом с ним государств, в том числе Японии, Северной и Южной Кореи, России.

В 2000-е гг. важность региональных исследований становится все более очевидной: в большом количестве вузов открываются специальности, связанные с изучением региона, а в 2003 г. Японский научный совет учреждает собственный Комитет региональных исследований (日本学術会地域研究委員会). В 2004 г. организации и учреждения, изучающие регионы, объединяются в Японский консорциум региональных исследований (地域研究コンソーシアム, JCAS).

С точки зрения второго критерия – *активизации государственных мер* по развитию региональных исследований – следует указать на следующие моменты.

Правительство Японии начинает уделять пристальное внимание новой отрасли с 1970-х гг. В отчете Научного совета Японии (организации, подчиненной непосредственно премьер-министру) за 1979 г. подчеркивается важность развития региональных исследований. Тот же вектор развития подчеркивается и в следующих правительственных документах: в отчете Круглого стола по международному культурному обмену (1989 г.), отчете Временного совета по содействию административной реформе (1991 г.), отчете Научного совета (1992 г.), рекомендациях Научного совета Японии по содействию созданию национальной организации по совместному изучению Азии (1997 г.), отчете круглого стола «Концепция Японии XXI века», созданном Комиссией премьер-министра по целям Японии в XXI в. (2000 г.) [181, с. 3].

В 2000-е региональные исследования были внесены Министерством образования, культуры, спорта, науки и техники в список приоритетных направлений развития социогуманитарных наук. В докладе «Содействие гуманитарным и социальным наукам. Меры по продвижению роли, которая возлагается на них в XXI в.» (2002 г.), рассмотренном Специальным комитетом по социальным и гуманитар-

ным наукам Подкомиссии по науке Совета по науке и технике при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий, содержался раздел «Продвижение комплексных исследований, ориентированных на “регион” в качестве объекта исследования». Кроме того, в рамках «Проекта по продвижению исследований в области гуманитарных и социальных наук, отвечающих требованиям политического курса и общества» в 2006–2009 гг. осуществлен подпроект «Продвижение региональных исследований, отвечающих интересам всего мира» [181, с. 3].

По первому критерию – росту научных организаций и областей изучения – следует отметить явно возрастающую степень институционализации региональных исследований, от десятилетия к десятилетию появлялось все больше учреждений и направлений, позиционирующих себя как отдельную научную и образовательную сферу. Второй критерий – активизация государственных мер – с одной стороны, также демонстрирует попытки институционализировать региональные исследования на государственном уровне, с другой – найти в этом научном направлении серьезного союзника в преодолении проблем, ожидающих Японию в XXI в. Кроме того, отдельного обсуждения требует так называемая региональная наука, развивающаяся на международном уровне, но привнесшая очень многое в региональные исследования Японии и сама испытавшая значительное влияние японских ученых.

3.2. РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУКА У. АЙЗАРДА В ЯПОНИИ

Одной из наиболее значимых школ мировой науки о регионах является *региональная наука* (regional science), основанная У. Айзардом. Взаимовлияние этого направления и японских региональных исследований трудно переоценить.

Практически сразу же после создания в 1962 г. Японского отделения Международной ассоциации региональной

науки началась активная деятельность. 12–14 сентября 1963 г. в Токио прошла Первая Дальневосточная конференция Ассоциации региональной науки (с дополнительными семинарами 16 сентября), конференция состоялась на базе Японского отделения. Её открывал президент Г. Конно, «в рамках этого мероприятия проходило несколько секций “Новые концепции и модели в региональной науке”, “Проблемы регионального роста”, “Теория локации и региональный анализ”, “Урбанистика”, “Физическое планирование и транспорт”, “Политика регионального развития в Тихоокеанском регионе» [34, с. 39–40].

Тематика исследований, представленных японскими участниками, была, с одной стороны, достаточно широкой, с другой – тяготела к экономике и урбанизму: «работы японских ученых были посвящены таким темам, как региональное развитие и экономическая теория промышленной агломерации (Д. Эдзава, Университет Сэнсю), модели регионального планирования (С. Итимура, Осацкий университет), сообщества и региональная структура в Японии (Э. Исомура, Токийский столичный университет), географические аспекты урбанизации и метрополитанизации в Японии (С. Киути, Токийский университет), новые промышленные зоны в контексте матрицы интерактивности (Э. Комэтани, Киотский университет), микроскопическая теория распределения трафика (Н. Сакасита, Университет Тохоку), политика регионального развития в Японии (С. Окита, Агентство экономического планирования)» [34, с. 40].

Следует отметить, что с японской стороны на конференции присутствовало множество представителей видных организаций и учреждений, они модерировали секции и принимали участие в обсуждении докладов: Ц. Сасада (Университет Досея), Ц. Ёсида (Бюро столичного развития), Ф. Уэмура (Университет Кагава), Х. Аояма (Киотский университет), Д. Ито (Токийский женский христианский колледж), К. Тангэ, Ё. Ооиси (Токийский университет), Р. Нагата (Японская жилищная корпорация), К. Баба, С. Хара (Агентство экономического планирования), Х. Сад-

занами, Ё. Огасавара (Министерство строительства Японии), М. Ота (Университет Васэда), Ф. Окадзаки (Университет Ричумэйкан), С. Сакаи (Нагойский университет) [34, с. 40].

Через два года, 15–17 сентября 1965 г. в Токио прошла Вторая Дальневосточная Конференция Ассоциации региональной науки. Тематика экономики и урбанизма по-прежнему превалировала, были представлены доклады по следующей проблематике: пространственная конкуренция и предпочтения в расстояниях (Д. Эдзава), экономический рост и межрегиональное сотрудничество в Азии (Х. Аракава), межрегиональная разница в доходах в Японии и планирование промышленного расположения (Х. Нисиока), распределение материальных активов обрабатывающей промышленности (К. Баба, С. Нукая), эконометрический подход к ежегодному прогнозу региональной экономики со стороны органов местного самоуправления (Ё. Канэко), комплексное управление пространством и эволюция аграрного физического планирования (Т. Кано), границы агломерации и децентрализация в региональном развитии (К. Марата)» [34, с. 40]. Модераторами секций с японской стороны были С. Окита, Э. Комэтани, Э. Исомура. В дискуссиях участвовали: Ц. Сасада, Дз. Ито, Т. Катагири, М. Накамура, Н. Ёкэно, Т. Аоки, К. Судзуки, Ф. Уэно, Ю. Сакамото, Х. Огава. Результаты работы двух указанных Дальневосточных конференций были отражены в сборниках статей [107]. В последующие годы конференции Японского отделения RSAI становятся регулярным мероприятием, на них съезжаются исследователи регионов из разных стран. В 1969, 1971, 1983 и 2005 гг. в Токио проходила Тихоокеанская конференция региональной науки, организованная PRSCO (Организация тихоокеанской конференции региональной науки), там же состоялись Всемирный конгресс региональной науки в 1996 г. и симпозиум Уддевалла в 2008 г., посвященный инновациям и региональному развитию [111, с. 390].

Изучая вклад японских ученых в региональную науку, Х. Ким и Ф. МакКэнн проанализировали содержание шести

ведущих журналов в этой сфере, опубликованных в период с 1963 по 2018 г.: «Анналы региональной науки» (ARS), «Международный обзор региональной науки» (IRSR), «Журнал региональной науки» (JRS), «Журнал городской экономики» (JUE), «Статьи по региональной науке» (PiRS) и «Региональная наука и городская экономика» (RSUE). Взяв за основу такие критерии, как общая цитируемость авторов и наибольшая цитируемость отдельных научных работ в базах данных Web of Science и Google Scholar, они выделили следующих значимых японских специалистов, повлиявших на развитие региональной науки (по убыванию общего индекса цитирования): М. Фудзита, Т. Табути, Х. Огава, Т. Мори, Н. Акаи, Ё. Канэтомото, Е. Утида, М. Саката, К. Сасаки, С. Мун, Р. Накамура, Ё. Сато, Т. Мацумура, Ё. Мурата, М. Каваи, Х. Кониси, А. Иими, Н. Сакасита, Н. Мацусима, Ф. Мидзутани, Т. Акита, Т. Ямагата, К. Ёсикава, М. Ота, М. Мацумото, А. Андо, К. Кониси, Ё. Оно, Т. Такаяма, К. Ямамото, К. Мэра, К. Нисикими [111, с. 394].

Наиболее значимым и цитируемым автором из вышеупомянутых является Масахиса Фудзита (藤田昌久, род. 21 июля 1943 г.), японский экономист, один из авторов концепции «пространственной экономики» (空間経済学), также именуемой «новой экономической географией» (新しい経済地理学), президент Японской экономической ассоциации в 2009–2010 гг., автор и соавтор таких работ, как «Городская экономическая теория: землепользование и размер города» (Urban Economic Theory: Land Use and City Size, 1988 г.), «Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля» (The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade, 2001 г.) и др. [36].

Среди не попавших в выборку Х. Кима и Ф. МакКэнна следует также упомянуть таких значимых специалистов в сфере региональной науки, как С. Киути, Т. Аоки, Д. Ито, Х. Нисюка, Т. Кавасита, Х. Судзуки.

Киути Синдзо (木内信蔵, 1910–1993) – географ, заслуженный профессор Токийского университета. Он является

автором теоретических работ «Гуманитарная география» (人文地理学, 1951 г.), «Страноведение и география Японии» (わが国土・日本の地理, 1960 г.), «Региональный обзор: теория и применение» (地域概論 その理論と応用, 1968 г.) и др., а также переводов западных работ, в их числе «Городская география» Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо (J.ボージュ・ガルニエ, G.シャボ, 都市地理学, 1971 г.) и «Расположение и пространственная экономика: общая теория, относящаяся к промышленному размещению, рынкам, землепользованию, торговле и городской структуре» У. Айзарда (アイザード, 立地と空間経済 工業立地, 市場地域, 土地利用, 貿易および都市構造に関する一般理論, 1964 г.).

Аоки Тосио (青木外志夫, 1921–2006) – экономист, почетный профессор Университета Хитоцубаси (一橋大学), бывший президент Общества экономической географии (経済地理学会). Области его исследований: экономическая география и экономическая политика. Является соавтором научных работ «Коммерческая география» (商業地理, 1950 г.), «Теория и планирование экономического размещения» (経済立地の理論と計画, 1967 г.) и перевода книги У. Айзарда «Введение в региональную науку» (W.アイザード著, 地域科学入門, 1980–1985 гг.).

Ито Дзэнъити (伊藤善市, 1924–2007) – экономист, автор научных работ «Региональное развитие и малые и средние предприятия» (地域開発と中小企業, 1963 г.), «Региональное развитие и национальное благосостояние – будущее Японского архипелага» (域開発と国民福祉 – 日本列島の未来像, 1972 г.), «Региональная стратегия возрождения – неравенство, накопление, обмен» (地域活性化の戦略 – 格差・集積・交流, 1993 г.) и др.

Нисиока Хисао (西岡久雄, 1926–2015) – географ-экономист, специализация – теория размещения. Является автором и соавтором работ «Базовая гуманитарная география» (基本人文地理学, 1961 г.), «Размещение и региональная экономика. Теория экономической политики размещения»

(立地と地域経済 経済立地政策論, 1963 г.), «Экономико-географический анализ» (経済地理分析, 1976 г.), а также нескольких переводов, в том числе «Введения в региональную науку» У. Айзарда и «Статистического анализа региона» Лесли Дж. Кинга (レスリー・J.キング, 地域の統計的分析, 1973 г.).

Кавасима Тацухико (川嶋辰彦, род. 20 апреля 1940 г.) – экономист, получил докторскую степень в области региональных наук в университете Пенсильвании. Является автором множества научных работ, среди которых «Региональные изменения населения и стареющее общество» (地域人口変化と高齢化社会, 1983 г.), «Системы человеческих поселений: процессы и стратегии развития» (Human Settlement Systems: Development Processes and Strategies, 1980 г.), а также перевод работы У. Айзарда и П. Райделла «Теория общего равновесия в социальных системах» (W. アイザード及びP. ライデル, 社会システムにおける一般均衡論, 1974 г.).

Судзуки Хиронори (鈴木裕範, род. в 1948 г.) – регионолог-экономист, автор книг «Вызовы регионального возрождения» (地域再生への挑戦, 2008 г.), «Вызовы будущего Акицуно» (秋津野塾未来への挑戦, 2004 г.). Х. Судзуки является профессором экономического факультета университета Вакаяма (和歌山大学) [36].

Анализируя наиболее актуальную проблематику региональной науки в Японии по десятилетиям, Х. Ким и Ф. МакКэнн отмечают следующие тенденции [111, с. 398].

В 1960-е чаще всего затрагивались темы несбалансированного регионального роста, распределения государственных инвестиций, размещения предприятий и внутренней миграции [111, с. 398]. Самой цитируемой работой этого десятилетия стала статья «Производственная функция, функция спроса и теория размещения предприятия» Н. Сакаситы [137].

В 1970-е гг. отметился интерес к такой проблематике, как размещение жилых районов, неравенство доходов, городские заторы, транспортные возможности, производственная агломерация, рост городов и землепользование,

правило Ципфа (правило «ранг-размер»), гравитационные модели и анализ «затраты-выгоды» [111, с. 398]. Среди самых востребованных статей этого периода названы «Пространственные закономерности роста городов: оптимум и рынок» М. Фудзита [94], «Экономика городской агломерации в обрабатывающих производствах» Т. Кавасима [110], «Анализ затрат и выгод и второе по эффективности использование территории для транспортировки» Ю. Канэмото [109].

Актуальная тематика 1980-х гг. включала рынок жилья, пространственную агломерацию, равновесие в землепользовании, проблемы ввода-вывода, линейное программирование, гедонистические модели и анализ общего равновесия [111, с. 398]. Это отражают и самые цитируемые работы того периода: «Равновесные модели землепользования в немоноцентричном городе» Х. Огава и М. Фудзита [131], «Двойственный подход к решению о размещении предприятия» М. Эсварана, Ю. Канэмото, Д. Райана [88], «Постоянный доход, гедонистические цены и спрос на жилье: новые данные» А. Гудмана и М. Каваи [103], «Пространственные закономерности жилой застройки» М. Фудзита [93], «Множественное равновесие и структурный переход немоноцентрических городских конфигураций» М. Фудзита и Х. Огава [91], «Экономика агломерации в городской обрабатывающей промышленности: кейс японских городов» Р. Накамура [128], «Модель монополистической конкуренции пространственной агломерации: подход дифференцированного продукта» М. Фудзита [92].

1990-е гг. охарактеризовались следующей проблематикой: оптимальный размер городов, пространственные структуры, формирование субцентров, системы городов, городской транспорт, земельное налогообложение [111, с. 398]. В число значимых работ вошли «Разнообразие продуктов, Маршалловы экстерналии и размеры городов» Х. Абдель-Рахмана и М. Фудзита [76], «Модель редлайнинга» [120], «Коммуникационные технологии и пространственная организация многокомпонентных фирм в региональных агломерациях» М. Ота и М. Фудзита [132], «Пере-

груженность узких мест и модальное разделение» Т. Табути [145], «Двухэтапная двумерная пространственная конкуренция между двумя фирмами» Т. Табути [146], «Когда экономика моноцентрична? Объединяя фон Тюнена и Чемберлина» М. Фудзита и П. Кругмана [95], «Влияние высокоскоростного железнодорожного транспорта на региональные системы: способствует ли синкансэн рассредоточению?» К. Сасаки, Т. Охаси, А. Андо [138], «Структурная устойчивость и эволюция городских систем» М. Фудзита и Т. Мори [99], «Региональный рост в послевоенной Японии» М. Фудзита, Т. Табути [100], «Городская агломерация и рассредоточенность: синтез Алонсо и Кругмана» Т. Табути [147].

В 2000-е внимание исследователей сосредоточилось на городских рынках труда, градovedении, страноведении и новой экономической географии [111, с. 398]. Значимые работы: «Региональное распределение государственных инвестиций: эффективность или справедливость?» Н. Яmano, Т. Окавара [150], «Определение плотности сети и экономии от масштаба для японских организаций водоснабжения» Ф. Мидзутани и Т. Ураками [124], «Региональное неравенство в Китае в 1985–1994 гг.: последствия глобализации и экономической либерализации» М. Фудзита и Д. Ху [97], «Фискальная децентрализация способствует экономическому росту: перекрестные данные по США на уровне штатов» Н. Акаи и М. Саката [79], «Декомпозиция регионального неравенства в доходах в Китае и Индонезии с использованием метода двухэтапной вложенной декомпозиции Тейла» Т. Акита [80], «Оптимальное ценообразование за перегрузку» С. Мун, К. Кониси, К. Ёсикава [126], «Разнообразие продукции, неоднородность вкусов и географическое распределение экономической деятельности: рыночные и нерыночные взаимодействия» Ё. Мураты [127], «Новая экономическая география: прошлое, настоящее и будущее» М. Фудзиты и П. Кругмана [95], «Новый взгляд на децентрализацию и экономический рост: эмпирическая заметка» А. Иими [106], «Границы новой экономической географии» М. Фудзита и Т. Мори [96], «Смешанная олигополия, ино-

странные фирмы и выбор местоположения» Н. Мацусима, Т. Мацумура [122], «Рост, население, индустриализация и расширение городских территорий в Китае» С. Дэна, Дж. Хуана, С. Розелла, Э. Утида [87], «Новая экономическая география: оценка по случаю присуждения Полу Кругману Нобелевской премии по экономическим наукам 2008 г.» М. Фудзита, Ж.-Ф. Тисса [101], «Пространственное и временное распространение цен на недвижимость в Великобритании» С. Холли, М. Х. Песарана, Т. Ямагата [105].

2010-е по понятным причинам сконцентрировались на преодолении последствий стихийных бедствий, а также на градovedении, страноведении [111, с. 398]. Делать выводы о наиболее востребованных работах пока рано.

Следует также отметить большой вклад японских ученых в развитие *новой экономической географии* – разновидности экономического анализа для объяснения пространственной структуры хозяйства через формирование моделей, в которой в условиях несовершенного рынка наблюдается возрастающая отдача [119]. В первую очередь речь идет о специалистах из Японии, которые в течение определенного периода времени учились или работали в США, и особенно тех, кто связан с исследовательской группой под руководством профессора М. Фудзита при Департаменте региональных наук Пенсильванского университета, и позднее – его следующим исследовательским коллективом в Киотском университете [111, с. 398].

Основы того, что в итоге стало новой экономической географией, были заложены в начале 1980-х гг. М. Фудзита и Х. Огава [91] вопреки идее моноцентрического города допустили возможность возникновения вторичных деловых районов благодаря вторичным эффектам между фирмами. Настолько же революционной была возможность катастрофических переходов между множественными равновесиями. По мнению Берлианта и Мори, высказанные идеи опередили свое время примерно на двадцать лет [82]. Параллельно с Х. Фудзита П. Кругман [116–118] заинтересовался ролью городов в торговле. Придя к сотрудничеству, которое

оказалось довольно долгим и плодотворным, Х. Фудзита и П. Кругман продолжили разработку моделей развития хозяйств в рамках новой экономической географии. Результаты работы П. Кругмана в этой сфере были отмечены в 2008 г. Нобелевской премией по экономике [111, с. 399].

В целом участие японских ученых в развитии региональной науки достаточно высоко. Специалисты из Японии часто входят в состав комитетов организаций в сфере региональной науки. Хиротада Коно (Hirotada Kohno) и Ёсиро Хигано (Yoshiro Higano) в свое время занимали должность президента Международной ассоциации региональной науки. Главным редактором журнала «Статьи по региональной науке» (PiRS) был Такатоси Табути (Takatoshi Tabuchi), в настоящее время редактором «Журнала региональной науки» (JRS) является Ясусада Мурата (Yasusada Murata). Япония сыграла важную роль в институциональном развитии региональной науки во всем мире, и ее вклад также подтверждается тем фактом, что с 2007 г. премия Коно (Kohno Award) ежегодно вручается тем ученым из разных стран, которые внесли весомый вклад в институциональное развитие региональной науки [111, с. 390].

Таким образом, за более чем полувековую историю этого научного направления японские ученые в области региональных исследований и региональная наука взаимно обогатили друг друга, продолжая выстраивать активное взаимодействие.

3.3. ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

В рамках отмеченных выше организаций, а также иных учреждений регионологического профиля в Японии сформировалось несколько значимых направлений региональных исследований.

В результате анализа эволюции японской науки о регионах нам удалось сформулировать следующие подходы к выделению наиболее общих направлений региональных исследований: по выделению макро- и микрорегионов, по признаку внешней или внутренней ориентации, по связи с другими науками и по признаку синхронии или диахронии [36, с. 14].

Направления формируются *по выделению макро- и микрорегионов*. Под первыми, согласно японским источникам [156], имеются в виду достаточно большие территориальные объединения: Азия, Европа, АТР и пр. Под микрорегионами японские специалисты понимают отдельные страны, а также регионы внутри стран: как административно-территориальные единицы (например, отдельные префектуры, города, городские районы), так и районы, выделяемые по другим признакам (к примеру, острова, исторические сложившиеся территории) [36].

По *признаку внешней и внутренней ориентации* науки о регионах можно говорить о двух крупных направлениях: международные региональные исследования (国際地域学, 国際地域研究) и внутренние региональные исследования (国内地域学). Они не всегда четко делимы, поскольку ученые-регионалисты нередко работают в двух направлениях одновременно.

Первое из направлений, выделяемых по внешней и внутренней ориентации – международные региональные исследования – изучает другие страны и регионы, осуществляет сравнительный анализ их отдельных характеристик, в том числе в сопоставлении с особенностями развития Японии. Это направление дробится на множество подотраслей в зависимости от исследуемого региона: региональные исследования стран Азии (アジア諸国地域研究), американские исследования (アメリカ研究), малазийские исследования (マレーシア研究) и т. д. Важность этого направления заключается именно в возможности сравнительного анализа: японские специалисты в области региональных исследо-

ваний придают большое значение изучению глобализации и путей интеграции своей страны в мировое сообщество [158].

Второе направление по признаку внешней и внутренней ориентации – внутренние региональные исследования – можно разделить на такие научные отрасли, как японоведение (日本学) и краеведение (地元学, 自地域学), которые соответственно посвящены изучению Японии как государства в целом и ее отдельных регионов.

Японоведение, как и всякое страноведение, многолико. К японоведению относят как изучение японского языка и культуры Японии, так и, например, направление региональной науки, которое исследует страну с позиции западных, социально-экономически ориентированных концепций [36].

Известными японоведами прошлого среди прочих были уже упомянутые Киуги Синдзо, Хаттори Сиро, а также Сакима Коэй (佐喜眞興英, 1893–1925), фольклорист и юрист. Его знаменитый труд о женских правах в древней Японии – «Женская политика» (女人政治考) – был издан в 1926 г., уже после того, как ученый скончался.

Краеведение появилось в связи с тем, что частью региональных исследований были признаны «узкоспециализированные “субдисциплины”, изучающие отдельный регион, префектуру, агломерацию и даже город (или его район) в Японии. Среди причин возникновения такого рода дисциплин японские специалисты называют стремление местных ученых изучать родной край, кроме того, по их мнению, подобные исследования могут способствовать развитию отдельных территорий в экономической, экологической, туристической и других сферах. Примером могут послужить многочисленные исследования района Тохоку после землетрясения, произошедшего 11 марта 2011 г. Развитию отраслей региональной науки, сравнимых с краеведческой наукой в России, способствует наличие крупных исследовательских центров или университетов на изучаемой территории» [36, с. 16]. Японские термины для обозначения отдельных краеведческих дисциплин создаются при помощи

суффикса 学 *гаку* «учение, наука, -ведение», который ставится после названия региона-объекта изучения, например, канадзававедение (金沢学), нагасакиведение (長崎学), тохокуведение (東北学), окинававедение (沖縄学), киотоведение (京都学), осакаведение (大阪学) и др.

Краеведение, как полагают многие исследователи, связано не только с научной деятельностью и имеет множество характеристик, с помощью которых определяются его роль и место в общественных процессах. Его многоликость была описана известным киотоведом Судо Кэй (須藤 圭), который выделил несколько направлений киотоведения в зависимости от целей и субъекта изучения:

1. Киотоведение как часть другой профессиональной сферы. Сюда входит изучение Киото в ходе своей основной работы. Примером служит работа журналиста, рассказывающего о событиях в Киото в телевизионной компании.

2. Киотоведение как вклад в социальное развитие. Под этим направлением Судо имеет в виду открытия и различные находки, проливающие света на культуру и историю Киото и его жителей, как малоизвестные факты, так и различные громкие события, и личности.

3. Киотоведение как краеведение в классическом смысле. Имеется в виду изучение собственного региона, его истории, географии, культуры местными жителями.

4. Киотоведение как академическое и междисциплинарное научное направление. В этом случае киотоведение имеет большое количество смежных отраслей (например, философию, обществознание, социологию и т. д.). Оно вступает во взаимодействие с множеством теоретических и прикладных дисциплин, которые помогают определить перспективы дальнейшего развития региона. Как правило, конкретная краеведческая наука процветает в самом регионе. В частности, центром «академического киотоведения» является Университет Рицумэйкан [188].

Среди знаменитых краеведов прошлого можно назвать следующих специалистов:

● Нагаяма Токихидэ (永山時英, 1867–1935), нагасакивед, первый директор библиотеки Нагасаки.

● Иха Фую (伊波普猷, 1876–1947), фольклорист, лингвист, ученый в сферах культурной антропологии, истории, религиоведения. Получил статус «отца окинававедения», дисциплины, изучающей Окинаву, крупнейший остров архипелага Рюкю. Известные работы: «Прошлое архипелага Рюкю» (古琉球, 1911 г.), «Политика архипелага Рюкю в прошлом» (古琉球の政治, 1922 г.), «История Окинавы» (沖縄歴史物語, 1947 г.).

● Кога Дзюдзиро (古賀十二郎, 1879–1954), основатель нагасакиведения. Среди его работ – «Словарь истории живописи Нагасаки» (長崎画史彙伝, 1983 г.), «История изучения Нагасаки за рубежом» (長崎洋学史, 1966–1968), «Нагасаки и зарубежная культура» (長崎と海外文化).

● Хига Сьунтё (比嘉春潮, 1883–1977), историк, окинававед. Автор и соавтор множества книг, в том числе «История Окинавы» (沖縄の歴史, 1952 г.), «Окинава» (沖縄), «Криминальные записки Окинавы» (沖縄の犯科帳, 1965 г.), «Изучение фольклора Ямамура и Умимура» (山村海村民俗の研究, 1984 г.) и др.

● Киндзё Тёэй (金城朝永, 1902–1955), лингвист, окинававед, изучал диалекты Рюкю и местный фольклор.

● Накасонэ Сэйдзэн (仲宗根政善, 1907–1995), лингвист, педагог, окинававед. Знаменит трудами по диалектам архипелага Рюкю.

В качестве примера имен известных представителей японского краеведения можно назвать следующих ученых:

● Эттю Тэцуя (越中哲也, род. 13 декабря 1921 г.), историк, нагасакивед, директор Историко-культурной ассоциации Нагасаки. Соавтор книг «Искусство и ремесла Нагасаки. Введение в историю культуры Нагасаки» (長崎の美術・工芸—長崎文化史序説, 1981 г.), «Сто лет города Нагасаки, на которые стоит взглянуть» (目で見る長崎市の100年, 2002 г.) и др.

• Такара Кураёси (高良倉吉, род. 1 октября 1947 г.), историк, окинававед, известен исследованиями истории королевства Рюкю и его взаимодействия со странами Азии.

• Акасака Норио (赤坂憲雄, род. 23 мая 1953 г.), этнолог, представитель тохокуведения (Тохоку – регион в северной части острова Хонсю, восточная часть Японии), основатель Центра исследований культуры Тохоку (東北文化研究センター, 1999 г.). Автор множества работ, в том числе по тохокуведению, а также книг с общей регионологической и японоведческой проблематикой: «Введение в “теорию чужаков”» (異人論序説, 1985 г., 1992 г.), «Феноменология исключения» (排除の現象学, 1986 г., 1995 г.), «Поколение границ» (境界の発生, 1989 г., 2002 г.) и др.

• Гото Такатоси (五島高資, род. 23 мая 1968 г.), научный сотрудник центра гуммаведения в Женском университете префектуры Гумма (群馬県立女子大学), по образованию врач. Кроме того, Гото Такатоси известен в Японии как один из лучших поэтов хайку, являясь вице-президентом Университета хайку [36, с. 16–17].

В этом же списке можно назвать упомянутого ранее Судзуки Хиронори, который также является кюсюведом – специалистом по о. Кюсю.

Следующий способ выделения направлений – *по связи с другими науками*. В связи с тем, что региональные исследования тесно пересекаются с различными социогуманитарными, естественными и техническими науками (что свойственно для науки о регионе в целом во всех странах мира, где она развивается), японские регионологи тоже работают на стыке наук. Существуют различные формы подобного взаимодействия. Одно из них – это региональные исследования, использующие методы и инструментарий других наук. Степень междисциплинарности и трансдисциплинарности таких проектов может различаться: от связи с одной или несколькими науками до исследований, характеризующихся экстрасистемным подходом. Другой тип взаимодействия – это региональные исследования в рамках

какой-либо конкретной научной отрасли или подотрасли. В этом случае регион и его специфика становятся основным объектом изучения внутри конкретной науки. Примерами могут служить региональная политология (地域政策学), региональная экология (地域生態学), региональная социология (地域社会学) и др. Такие дисциплины занимаются исследованием региональных проблем – социальных (например, положение женщины в обществе), экологических (в том числе в сфере ядерной энергетики), экономических, технологических, демографических и т. д. Круг вопросов этих направлений может затрагивать как регионы Японии, так и регионы других стран и планеты в целом.

Некоторые специфические направления региональных исследований выделяются *по признаку синхронии и диахронии*. В частности, японские регионологи уделяют большое значение изучению процессов развития региона в установленных исторических границах. Ярким примером служит дисциплина «Эдоведение» (江戸学), которая занимается исследованием особенностей языка, культуры и территории Японии в эпоху Эдо (1603–1868 гг.) [36, с. 17]. Ярким представителем этого направления является Танака Ююко (田中優子, род. 30 января 1952 г.), президент университета Хосэй, первая женщина-президент среди шести крупнейших университетов Токио, автор множества работ в области эдоведения, среди которых «Воображение Эдо» (江戸の想像力, 1986 г.), «Звуки Эдо» (江戸の音, 1988 г.), «Эдо как сеть» (江戸はネットワーク, 1993 г.), «Роль эдоведения для будущего» (未来のための江戸学, 2009 г.) и др.

Следует отметить, что японские региональные исследования представляют собой динамично развивающуюся трансдисциплинарную сферу, что полностью соответствует современным тенденциям в формировании новой научной области для исследования регионов – трансдисциплинарной регионологии. Японская наука о регионах активно пересекается с другими дисциплинами, привлекая их подходы к изучению своего объекта – региона. Она направлена

как на накопление знаний о макро- и микрорегионах, так и на выработку стратегий развития отдельных регионов и страны в целом [36, с. 17].

3.4. ПЕРИОД ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ПОВОРОТ К МИРОВОМУ СООБЩЕСТВУ

Анализируя направления, сложившиеся в региональных исследованиях во второй половине XX в., можно сделать выводы о том, каковыми были векторы трансформации ранее рассмотренных нами базовых концепции развития регионологического знания («Мы – Другие», японоцентризм, противопоставление и сосуществование зарубежного и внутреннего знания).

Следует отметить, что на данном этапе указанные концепции перешли на качественно иной уровень. Японским научным сообществом теперь как данность была принята идея «Мы – Другие», но она вылилась в осознание необходимости тщательного изучения собственной специфики и построения возможностей для познания окружающим миром этих особенностей, что может быть охарактеризовано как культурный японоцентризм, освобождающийся от шовинистической составляющей. Эволюционно эта схема может также выглядеть как «Мы ← Другие», в ней воплощается открытость Японии окружающему миру. В этот период японцы становились все более восприимчивы к западному знанию без выстраивания политики агрессивной защиты от проникновения извне, что позволило им использовать достижения других стран для создания эффективной социально-экономической среды. Об особенностях региональных исследований на современном этапе – следующая глава.

ГЛАВА 4

ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯПОНИИ СЕГОДНЯ

4.1. СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯПОНИИ И ИХ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ НАУК

Проблема структуры и места региональных исследований как научного направления в Японии все чаще становится предметом дискуссий. Это обусловливается тем, что наука о регионах уже закрепились в научно-образовательном пространстве, однако в силу некоторой своей специфики – широкого привлечения методов других наук, трансдисциплинарности и отсутствия общепризнанной теоретической базы – по-прежнему не имеет четких границ в глазах значительного числа исследователей.

Анализируя **место региональных исследований среди других наук**, Ямамото Хироюки пишет, что региональные исследования не следует рассматривать как соперника монодисциплинарным исследованиям и тем более низводить их роль до «субподрядчика», выполняющего работу для монодисциплин. Напротив, по его мнению, наука о регионах находится на передовом крае, исследуя нестандартные проявления региональной жизни и тем самым внося вклад в монодисциплинарные исследования [198, с. 8].

В попытке провести условную границу между региональными исследованиями и другими науками Х. Ямамото делает предположение, что отсутствие четких границ объекта изучения, как и возможность самостоятельного их очерчивания, а также общая методологическая свобода науки о регионах позволяет ей занять место практикоори-

ентированной площадки для остальных дисциплин. В тех случаях, когда конкретная монодисциплина сталкивается с региональной спецификой, которую не получается изучать в устоявшихся научных рамках одной дисциплины, специалист заступает на поле региональных исследований, гораздо более свободных в выборе методологии и умеющих быстрее реагировать на неожиданные вызовы. Х. Ямамото предлагает рассматривать это как дихотомию «ограниченного системного знания» (限定系学知) и «практикоориентированного системного знания» (実践系学知), где переход между первым и вторым в изучении региональных проблем будет означать переход между конкретной монодисциплиной и региональными исследованиями [199, с. 31].

Члены подкомиссии по развитию инфраструктуры региональных исследований Научного совета Японии предлагают рассматривать науку о регионах в качестве координирующего центра, призванного объединить другие дисциплины, когда одной из них недостаточно для изучения региональных проблем [167, с. 5].

Что касается структуры региональных исследований, то она рассматривалась японскими учеными как с позиции научных дисциплин, входящих в нее, так и с точки зрения уровней осуществляемых проектов.

Структура региональных исследований с точки зрения субдисциплин. Научным советом Японии в докладе «Перспективы региональных исследований в Японии», опубликованном в 2010 г., был предложен подробный анализ проблемы структурирования региональных исследований с точки зрения их субдисциплин и консолидированный подход к ее решению.

Научный совет Японии (SCJ) – одна из авторитетнейших научных организаций в стране, «сообщество японских ученых, представляющих все отрасли социогуманитарных, естественных, технических и точных наук. Совет был создан в январе 1949 г. как учреждение, подчиняющееся непосредственно премьер-министру, минуя правительство, основная цель – развитие и расширение науки, а также

внедрение научных достижений в управление страной, промышленность и жизнь общества. Функциями Научного совета Японии являются обсуждение важнейших научных проблем, содействие их решению и обеспечение координации между различными научными проектами для повышения их эффективности. Он сосредоточен на четырех видах деятельности: рекомендации правительству и общественности по осуществлению государственной политики, международное сотрудничество, продвижение научного знания и создание сетевого взаимодействия в научной среде» [30, с. 158]. По данным сайта Научного совета Японии¹⁴, в составе совета – 210 человек, которых назначает премьер-министр, а также примерно две тысячи ассоциированных членов, представляющих научные и образовательные организации. Оргструктура совета включает Генеральную ассамблею, Исполнительный совет, три секционных заседания (секции гуманитарных и социальных наук, наук о жизни, физических наук и инженерии), 4 административных и 30 специальных комитетов (по отраслям наук), а также 13 проблемно-ориентированных комитетов [30, с. 158].

Доклад «Перспективы региональных исследований в Японии» был представлен Комитетом региональных исследований, входящим в состав Научного совета Японии, для подготовки текста был создан специальный подкомитет по перспективам региональных исследований. Авторитетность положений доклада подтверждается тем, что в проекте участвовало значительное количество организаций, которые объединяют университеты и исследовательские учреждения, работающие в сфере региональных исследований. Среди них – Консорциум региональных исследований Японии, Организация сотрудничества в сфере географии, Координационные советы ассоциаций региональных исследований, ассоциаций гуманитарно-экономической географии и регионального образования, ассоциаций в сфере культурной антропологии и этнографии и ассоциаций в сфере ан-

---

¹⁴ Научный совет Японии: <http://www.scj.go.jp/en/scj/index.html>.

тропологии. Среди авторов доклада – работники крупных университетов, эти специалисты входят в состав комитета региональных исследований. Они представляют такие вузы, как Токийский университет, а также прочие университеты Токио: столичный, женский, иностранных языков, университеты Аояма Гакуин, Васэда, Кансай, Кобэ, Конан, Кюсю, Нара, Хиросимы, Хитоцубаси, Хоккайдо, Хосэй, Киотский университет, Муниципальный университет экономики Такасаки, Политехнический университет и др. [173, с. III].

Авторам доклада структура региональных исследований видится как совокупность таких научных отраслей, как *area studies*, гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная девелопментология, региональная информатика [173, с. I]. Остановимся подробнее на данных подразделах.

Первый из них – *area studies* (エリア・スタディーズ, *регионоведение*). Мы приводим название научной отрасли на английском языке, потому что именно так делают авторы доклада: в японском тексте они используют фонетическую транскрипцию этого англоязычного термина. Здесь японские ученые позволяют себе определенную терминологическую нестыковку, так как внутри одних «региональных исследований» (地域研究) в качестве раздела помещают еще одни «региональные исследования» (エリア・スタディーズ). Однако это сделано не случайно. С одной стороны, это демонстрирует «западный след» науки о регионах, отграничивает этот раздел от собственно японских разработок. С другой – показывает, что западные исследователи активно пользуются плодами западных наук, доказавших свою эффективность.

В тексте доклада *area studies* описываются как наука, изучающая комплексные характеристики отдельных регионов, применяющая междисциплинарные методы и полевые исследования и рассматривающая в качестве предмета изучения регионы современного мира [173, с. 3]. Японские ученые отмечают, что истоки *area studies* – в трех отраслях западных наук: колониалистика и востоковедение на Запа-

де после эпохи Великих географических открытий, а также собственно региональные исследования (area studies) в Соединенных Штатах Америки после Первой мировой. Что касается area studies Японии, то в них в тот период выделилось два направления: «первое – это так называемое основоведение (基礎学), включавшее изучение языка, литературы, истории и др., фактически страноведение и краеведение. Второе – это area studies как социальная наука с выраженным уклоном в сторону политологии (政策学). Исследования второго типа активно начали развиваться еще до Второй мировой войны: например, в рамках государственной политики существовал Отдел исследований Южно-Маньчжурской железной дороги (満鉄調査部). После Второй мировой area studies в Японии в основном сосредоточились на “основоведении”, гораздо меньше внимания уделяя второму направлению. Эта же тенденция продолжалась и после реформы системы высшего образования 1947 г., когда в университетах стали создаваться кафедры и научные центры, специализирующиеся на региональных исследованиях, в основном в области “основоведения”. Такого рода организаций становилось все больше, что со временем позволило увеличить и количество исследуемых регионов» [30, с. 159]. В 2007 г. Научный совет Японии провел исследование, в котором приняли участие 56 из 83 образовательных учреждений, так или иначе связанных с региональными исследованиями. В результате были получены данные, что на профильных регионологических подразделениях вузов трудится свыше тысячи сотрудников. Кроме того, региональные исследования также осуществляются на факультетах и в НИИ, которые относятся к другим научным отраслям. Составители доклада «Перспективы региональных исследований в Японии» полагают, что area studies, придя в Японию из США, обрели иное направление. Несмотря на то что после холодной войны и ускорения глобализации в самих США интерес к региональной науке снизился, в Японии, наоборот, число отделов магистратуры и докторанту-

ры, а также грантов в сфере региональных исследований значительно выросло [173, с. 4].

Второй раздел региональных исследований – *гуманитарно-экономическая география* (人文・経済地理学). Будучи в то же время разделом географии, эта научная дисциплина напрямую связана с изучением регионов, так как география – один из источников возникновения региональных исследований как таковых. В этом качестве география определяется японскими специалистами как наука, которая зародилась «еще в Древней Греции, взяла за основу представления о связи человека и природы и стала началом научных исследований Земли: ландшафта, морей и океанов, климата, а также хорографии, описывающей в том числе с помощью карт природу, экономику, общество, культуру и другие характеристики каждого *региона* как места человеческой деятельности» [173, с. 4]. Разрабатывая эту идею, авторы доклада пишут, что география получила активное развитие в Германии в XIX в. как дисциплина, исследующая морфологию рельефа, а еще через какое-то время – во Франции, трансформировавшись в науку о *регионах* разных масштабов и о том, как деятельность человека меняет природные условия. Как полагают японские ученые, современная география соединяет в себе свойства естественных и социогуманитарных наук. Регионологи выделяют в ней подотрасли физической географии (география растений, гидрология, климатология, региональные исследования окружающей среды, топография и т. д.) и гуманитарно-экономической географии (по методам исследования – историческая география, математическая география, социальная география и т. д.; по предмету исследования – география услуг и товарно-денежного оборота, городская география, промышленная, сельскохозяйственная и т. д.), а также картографию и создание геоинформационных систем (ГИС). В университетах и научных учреждениях Японии география может относиться к факультетам или отделам как естественных, так и гуманитарных наук, часто – региональных исследований, педагогики, экономики. Вместе с

тем, отмечают авторы доклада, в других странах в вузах создаются географические факультеты, что, по их мнению, свидетельствует о важности географии в подготовке специалистов и о ее комплексности в изучении гуманитарных и естественнонаучных проблем.

Возвращаясь к собственно гуманитарно-экономической географии и ее развитию в Японии, следует отметить, что «ее роль в региональных исследованиях значительно повысилась с 1990-х гг., когда географическая информатика (地理情報学), называемая также геопространственной информатикой (地理空間情報学), начала активно изучать и применять ГИС, объединившие в себе методы пространственного анализа и компьютерную картографию. Во всем мире стали применяться технологии создания и развития общественных информационных баз, называемых базами государственных геоданных, а в Японии в 2007 г. был принят закон об принципах использования геопространственной информации» [30, с. 160]. Благодаря всему этому гуманитарно-экономическая география стала важным инструментом региональной политики.

Третьим важным разделом региональных исследований является *культурная антропология* (文化人類学). Японские ученые определяют ее как научную дисциплину, которая занимается изучением образа жизни и мышления местных социальных групп, совместно проживающих в каком-либо *регионе*, эта наука способствует культурному взаимопониманию и предлагает теории, призванные объяснить развитие культур на базе сравнительной методологии. На первом этапе своего развития это научное направление проникло в Японию из Германии в качестве этнологии (民族学), но после Второй мировой войны она видоизменилась: из Великобритании пришла социальная антропология (社会人類学), а из Соединенных Штатов Америки – культурная антропология (文化人類学). Одновременно с этими процессами «японская этнология переняла у экологии историко-цивилизационный подход и обрела собственный путь раз-

вития. С открытием в 1974 г. Государственного музея этнологии (国立民族学博物館) исследования получили новый стимул в виде специфической японской системы институтов общего пользования для проведения совместных исследований с привлечением смежных областей науки на основе сбора и представления материалов музеем. Особенности такой системы имеют важное значение в настоящее время, представляя собой методологию передачи результатов научной работы обществу и создания базы международных исследований. Постепенно в университетах Японии появляется все больше курсов и специальностей по культурной антропологии, а основанная в 1934 г. Японская ассоциация этнологии (日本民族学会) в 2004 г. была переименована в Японскую ассоциацию культурной антропологии (日本文化人類学会). К 2010 г. количество ее членов достигало почти 2000 человек, они регулярно проводят исследования по всем регионам мира, накапливая знания о многообразии мира в виде этнографических описаний, и отслеживают культурные изменения в современном обществе распространяющейся глобализации» [30, с. 160]. Значение культурной антропологии, по мнению японских исследователей, в условиях глобализации значительно возрастает, это стимулируется процессами взаимопроникновения культур, поисками культурной идентичности и важностью установления межкультурных связей. Проблематика культурной антропологии все время эволюционирует вместе с развитием общественных отношений. Сегодня в ее поле входит даже такая проблематика, как социально-культурные отношения, связанные с развитием вспомогательных репродуктивных технологий и трансплантацией органов [173, с. 5]. Сегодня в Японии функционирует Координационный совет ассоциаций в сфере антропологии, в него входит Японская ассоциация культурной антропологии, а также японские ассоциации антропологии, физической антропологии, изучения приматов.

Еще один раздел – *международная региональная девелопментология* (国際地域開発学). Исследования развития, или девелопментология (development studies), авторами доклада «Перспективы региональных исследований в Японии» определяются как научная сфера, посвященная проблемам развивающихся стран и сотрудничеству в области развития. Эта наука «зародилась в Великобритании и США после Второй мировой войны в первую очередь по причине возникновения проблемы Север – Юг и необходимости поддержки развивающихся стран. В получивших политическую независимость странах Азии и Африки, стремящихся к экономической независимости и модернизации, развитие стало важным пунктом государственной политики. В период холодной войны началась конкуренция среди развитых стран в оказании развивающимся странам поддержки, достигшей значительных масштабов. До 1960-х гг. в фокусе исследований находилось, прежде всего, экономическое развитие, однако с началом десятилетий развития ООН на передний план выходит также развитие социальное. С этого времени девелопментология приобретает все более междисциплинарный характер: в 1970-х гг. в ней уделяется внимание проблемам бедности, а в 1990-х ее инструментарий обогащается теориями человеческого развития и человеческой безопасности, наступает расцвет деятельности некоммерческих организаций. Все это позволяет рассматривать проблемы бедности и социального развития гораздо шире, чем раньше, что усиливает междисциплинарность девелопментологии» [30, с. 160–161]. Таким образом, как полагают японские регионологи, среди научных направлений, которые занимаются проблемами развития, наиболее длительная история прослеживается у экономики развития. Наряду с ней сегодня есть также социология и антропология развития, а кроме того, эта проблематика изучается в рамках географии, педагогики, политологии и прочих наук. В 1980-е гг. Япония стала финансово помогать развивающимся странам, что привело к усилению интереса к исследованиям в сфере развития и международного взаимодей-

ствия со стороны академических и научных учреждений. В 1990 г. были основаны Ассоциация международного развития (国際開発学会) и Японская ассоциация международного регионального развития (日本国際地域開発学会) [173, с. 6]. В первой половине 1990-х гг. в нескольких вузах были открыты специальности магистратуры и докторантуры, связанные с изучением процессов международного развития и установления межрегиональных связей, что позволяет закрепить статус девелопментологии как научной дисциплины и на образовательном уровне.

Пятый раздел, который выделяется в региональных исследованиях, – это *региональная информатика* (地域情報学). Региональная информация – это разнообразные данные о регионе, его характеристиках и специфике, местоположении и границах, как установленных – для единиц административно-территориального деления, так и не установленных – для регионов, определяемых историческими, географическими или иными особенностями. Эти сведения могут представляться и в виде текста, и в виде изображений, в форматах аудио и видео. В широком смысле региональная информатика – это область знаний, исследующая методику обработки региональных данных, в том числе сбор, сортировку, анализ, систематизацию и распространение. Региональная информатика не просто направление региональных исследований, эта наука обладает выраженной кросс-дисциплинарностью и, когда необходимо, представляет данные и инструментарий другим наукам. В этом свойстве региональная информатика сопоставима со статистикой [173, с. 6]. Эта новая область научного знания сформировалась на основе соединения информатики и региональных исследований, взяв у первой методы исследований и инструментарий, с использованием геоинформационных систем и подходов геоинформатики. 113-й выпуск журнала «Увлекательная Азия» (アジア遊学) 2008 г. был посвящен созданию региональной информатики. Будущее этой научной дисциплины обсуждает в рамках глобальных проектов

СОЕ (Центров передового опыта). На базе объединенных информатики, региональных исследований и экологии планируется изучать перспективы устойчивого развития глобального сообщества и взаимосвязей атмосферы. Именно с этой целью в 2009 г. на страницах журнала *Seeder* (シーダー) было выдвинуто предложение о создании «региональной экологической информатики» [165].

Анализируя подходы Научного совета Японии к пониманию структуры региональных исследований, можно выделить некоторые особенности их понимания этой проблемы.

Во-первых, предлагаемые разделы «неоднородны по своей функции и внутренней структуре. Если *area studies* являются самостоятельной научной отраслью, объектом которых и выступает регион со своими особенностями и факторами развития, то все другие дисциплины не обладают такими признаками. Гуманитарно-экономическая география и культурная антропология – это, по сути, разделы других наук: географии и антропологии соответственно, привлеченные к региональным исследованиям по сходству исследовательского поля. Международная региональная девелопментология и региональная информатика – это междисциплинарные области знаний, созданные на стыке с региональными исследованиями» [30, с. 161–162].

Предлагаемую структуру после осуществленного нами анализа можно изобразить в виде схемы (рис. 1).

Центральная часть схемы – это собственно региональные исследования, в основании которых – *area studies*. Региональная информатика и международная региональная девелопментология возникают на стыке региональных исследований и других научных направлений, а культурная антропология и гуманитарно-экономическая география – это самостоятельные научные дисциплины, вступающие в активное взаимодействие с региональными исследованиями в связи с тем, что их объектом выступает регион.

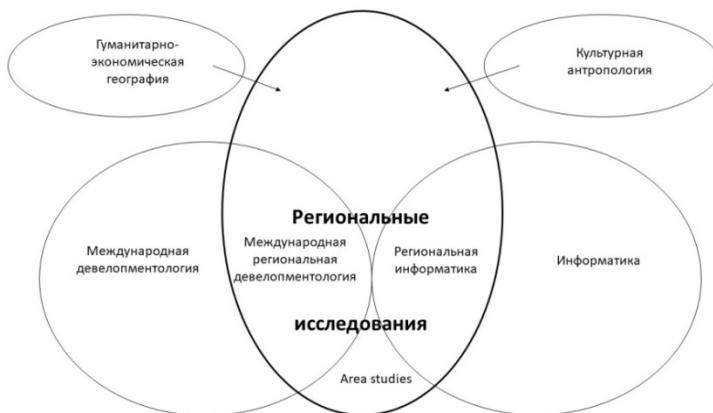

Рис. 1. Структура региональных исследований в трактовке Научного совета Японии

Во-вторых, «предложенная японскими исследователями структура отличается выраженными междисциплинарностью и трансдисциплинарностью¹⁵. Все пять разделов функционируют на стыке нескольких наук, отдельно подчеркивается статус региональной информатики, имеющей прикладное значение для многих других наук. Все это позволяет избежать однобокости при изучении региона и рассматривать его как средоточие самых различных характеристик, влияющих на интенсивность развития исследуемой территории» [30, с. 162]. О значимости междисциплинарности пишут и другие регионологи [164], а составители доклада «Перспективы региональных исследований в Японии» в качестве примеров указывают на труды по международной

¹⁵ Разницу между первым и вторым Л. П. Киященко и В. И. Моисеев определяют так: «ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся “проходимыми”, что способствует появлению разного рода систем “поверх” дисциплинарного деления, “меж-системных” образований, “экстра-систем” и т. д.» [23, цит. по: 44, с. 135].

безопасности и культуре регионов мира. В частности, вторые базируются на соединении методов и инструментария истории, лингвистики, политологии, экономики и прочих социогуманитарных дисциплин. Для Японии значимость такого рода исследований состоит в том, что японцы осознают свою культурную изоляцию, сформировавшуюся в результате многовековой культивации представления «Мы – Другие», что порождает трудности как в познании окружающего мира, так и в презентации самих себя глобальному сообществу. Так как «одной из основных черт японского мышления и японской национальной культуры является преобладание “инсулярного” (“островного мышления”), которое резко противопоставляет “свое” и “чужое”» [18, с. 180], то в качестве результата указанной работы ожидается эффективная межкультурная коммуникация. Кроме того, как уже указано выше, междисциплинарность региональных исследований должна способствовать решению проблем международной и региональной безопасности, включающих преодоление нищеты и дискриминации путем вовлечения ученых из разных отраслей наук: истории, культурологии, политологии, экономики и пр.

В-третьих, структура региональных исследований, изложенная в докладе, предполагает не только установление связей между социогуманитарными науками, но и активное привлечение точных и естественнонаучных направлений [30, с. 163]. Базой для подобного комплексного взаимодействия, по мнению японских региологов, может послужить система «регионоориентированного знания» (地域に根ざした知識, area-based knowledge), которая была описана еще в 2000 г. в «Предложениях о необходимости развития региональных исследований». Они были сформулированы Специальным комитетом по исследованиям в сфере региональной науки Координационного совета по тихоокеанским научным исследованиям при Научном совете Японии. В предложениях изложено такое понимание региональных исследований, которое предполагает, что они изучают все без исключения характеристики региона (как хронотопические, так и предметные), сам же регион в таком русле сле-

дует понимать в самом широком смысле – от места проживания каждого конкретного человека до планеты в целом и даже околоземного пространства [172]. Разумеется, что подобная концепция не может обойтись без комплексного взаимодействия социогуманитарных, естественных и точных наук [30, с. 163].

Структура региональных исследований с точки зрения уровней проводимых исследований. Анализируя региональные исследования, которые осуществляются в японских вузах, Ямамото Хироюки предлагает выделять в них три уровня [199, с. 26] (рис. 2).

В этой схеме верхний уровень занимают совместные исследования, посвященные изучению глобальных и региональных проблем. В такого рода проекты могут быть вовлечены ученые из различных отраслей наук. Сами специалисты при этом не обязательно являются регионологами, но исследование целиком может относиться к региональным. К этому уровню Х. Ямамото также относит конкретные профили обучения в вузах, посвященные региональным исследованиям, в том числе аспирантские.

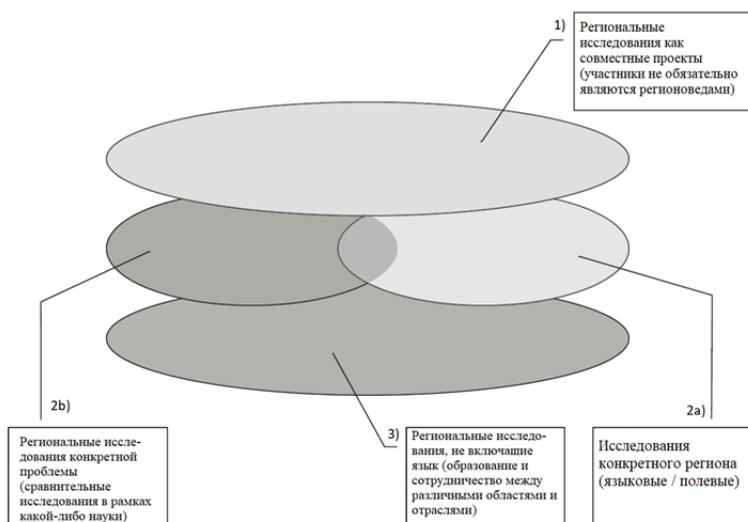

Рис. 2. Уровни японских региональных исследований в трактовке Ямамото Хироюки

Второй уровень может быть разделен на две части. Правая часть (2a) включает региональные исследования в их классическом смысле: ученый, владеющий языком региона, изучает его специфику, в том числе в результате полевых исследований, иногда очень длительных. Х. Ямамото отмечает, что такого рода работы нередко получают как позитивную, так и негативную оценку: с одной стороны, специалист в результате такого исследования очень глубоко проникает в регион, с другой – владеет сведениями исключительно по изучаемому региону, отсекая возможности применения иных методов и получения трансрегиональных результатов [199, с. 27].

В левой части схемы на втором уровне (2b) находятся работы ученых, посвященные конкретным проблемам региона и осуществляемые в рамках отдельной социогуманитарной дисциплины, в том числе в сравнительном аспекте. В таких случаях специалисты не всегда владеют языком региона и не всегда хорошо понимают специфику региона в общем, сосредотачиваясь на выбранной в качестве предмета исследования проблеме. При этом нередко бывает и такое, что при достаточно долгом нахождении в регионе и длительном изучении проблемы они погружаются в изучаемую территорию так же глубоко, как исследователи, приведенные в части 2a, изучая язык и специфику региона [199, с. 27].

Третий, нижний уровень региональных исследований – это область, где полностью отсутствует язык региона как инструмент или объект исследования, а изучение региона носит сугубо утилитарный характер. Сюда входят курсы или профили регионологической направленности в сферах гуманитарного, гражданского и непрерывного образования, посвященные особенностям взаимодействия (чаще всего с профессиональными целями) с людьми, имеющими иной культурный опыт, чем у вас. В этой своей части региональные исследования третьего уровня сходны с теорией межкультурной коммуникации. В качестве конкретного примера Х. Ямамото приводит подготовку специалистов в области реагирования на стихийные бедствия. Когда событие такого

рода происходит за границей, и специалисты по реагированию на стихийные бедствия приезжают на место, чтобы оказать медицинскую помощь и поддержку в восстановлении инфраструктуры, встает вопрос об их готовности к работе в конкретном регионе. В данном случае региональным исследованиям приходится заимствовать обширные сведения о территории, ее жителях, культуре, социуме и т. п. на уровне 2а, преобразуя эту информацию при этом таким образом, чтобы она становилась доступной для людей из других профессиональных сфер, не владеющих языком и тонкостями региональной культуры [199, с. 27–28].

Таким образом, предлагаемая структура региональных исследований в Японии, с одной стороны, характеризуется определенной неоднородностью, с другой – соответствует современным запросам науки на трансдисциплинарность и взаимовлияние разных научных дисциплин, что помогает комплексному подходу к решению актуальных задач регионального развития и задействует инновационные технические инструменты для их осмысления.

4.2. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЯПОНСКАЯ СПЕЦИФИКА

Теоретико-методологическая часть региональных исследований в Японии складывается из тех же составляющих, что и в других странах: подходы и методы можно разделить на общие и регионально-специфические.

Основой методологии региональных исследований разных стран остаются подходы и методы наук, объектом изучения которых могут становиться регионы, а потому японские ученые активно применяют методологию географии, истории, этнологии, экономики, политологии, социологии, культурологии и т. д. [198]. В Японии хорошо знакомы с достижениями западных исследователей в области теории и методологии региональной науки. Как уже указывалось

выше, переведены такие работы, как «Расположение и пространственная экономика: общая теория, относящаяся к промышленному размещению, рынкам, землепользованию, торговле и городской структуре» (У. Айзард, 1964 г.), «Городская география» (Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо, 1971 г.), «Статистический анализ региона» (Л. Дж. Кинг, 1973 г.), «Теория общего равновесия в социальных системах» (У. Айзард, П. Райделл, 1974 г.), «Введение в региональную науку» (У. Айзард, 1980–1985 гг.) и др. Сами японские ученые также активно участвуют в разработке подходов и методов, в частности, в рамках региональной науки на международном уровне.

Вместе с тем японские подходы к региональным исследованиям обладают рядом регионально-специфических черт, на которых мы хотели бы остановиться подробнее. То, что мы относим эти характеристики к специфичным, вовсе не означает, что они присущи только японским исследованиям и никаким более, однако их совокупность дает общее представление о состоянии и перспективах развития временной науки о регионах в Японии. Динамичные изменения, которыми характеризуется сфера региональных исследований в Японии, обусловили постоянную трансформацию подходов и парадигм. Эти процессы можно охарактеризовать как несколько параллельных переходов:

- 1) от индивидуальных исследований к сетевым;
- 2) от описательных методов к методам региональной информатики;
- 3) от монорегиональных к трансрегиональным компаративным исследованиям;
- 4) от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой;
- 5) от методологического национализма к методологическому трансрегионализму.

Первая из рассматриваемых трансформаций – это *переход от индивидуальных исследований к сетевым*. Для этого японским научным сообществом инициировано создание научной сети в сфере региональных исследований.

Предложения по ее формированию впервые прозвучали на «Круглом столе по продвижению региональных исследований», учрежденном Организацией исследований культуры человека (NIHU) в 2005 г. Принципы ее формирования определены в докладе «Продвижение региональных исследований в условиях непрозрачного мира и их усиление за счет создания сети», подготовленном в 2020 г. Подкомиссией по развитию инфраструктуры региональных исследований Комитета региональных исследований при Научном совете Японии. Авторы доклада называют несколько причин, по которым сетевое сотрудничество в сфере науки о регионах будет более эффективным, чем классический вариант научных исследований:

1) для комплексного исследования конкретного региона необходимо привлечение специалистов из разных областей наук;

2) для проведения сравнительных межрегиональных исследований требуется участие специалистов по конкретным регионам;

3) для проведения краткосрочных исследований, где невозможен долгий и непрерывный сбор информации, данные должны быть привлечены по результатам проектов других исследовательских групп [181, с. 3].

Для установления сетевого взаимодействия в Японии было образовано несколько организаций, таких как Японский консорциум региональных исследований (JCAS), Японский координационный совет ассоциаций региональных исследований (JCASA), Комитет региональных исследований при Научном совете Японии. Кроме того, была предпринята попытка распределения сфер ответственности: «развитие региональных исследований, отвечающих потребностям административной политики и общества» поручалось Университету аспирантуры в сфере административной политики (政策研究大学院大学, National Graduate Institute for Policy Studies, GRIPS), а «развитие исследований регионов, являющихся важными с научной или социальной точек зрения, но отстающих в плане создания опор-

ных исследовательских баз» – Центру развития региональных исследований (地域研究推進センター), созданному Организацией исследований человека и культуры (人間文化研究機構) [181, с. 3].

Как полагают японские ученые, в направлении создания научных сетей в сфере региональных исследований уже заложена база, включающая следующие достижения:

1) налажено взаимодействие между социогуманитарными и естественными науками: такое сотрудничество является важным фактором развития региональных исследований;

2) улучшены условия исследовательской среды: происходит цифровое архивирование документов, многие архивы и важные для региональных исследований документы выкладываются онлайн;

3) приложены большие усилия для интернационализации науки: значительное число японских исследовательских центров осуществляет совместные проекты с другими странами и помогает им в решении различных региональных проблем [181, с. 8–9].

Регионологи Научного совета Японии разработали схему формирования сети региональных исследований (рис. 3). В ней показана роль всех акторов возможной сети и демонстрируются принципы их взаимодействия. Схема, составленная для Японии, в целом носит вполне универсальный характер и может быть моделью как для других стран, так и для мирового научного сообщества в целом. Ядром сети является координирующая организация (которая может быть выбрана или создана при содействии государственных структур), ключевые НИИ и исследовательские центры, а также межвузовские научные организации. Работой ядра сети руководит секретариат, научные исследования осуществляются в профильных аспирантурах и НИИ. Ядро включено в сферу деятельности более крупного объединения – в японском варианте это JCAS, Японский консорциум региональных исследований, уже взявший на себя функцию объединения усилий разнообразных профильных научных организаций: неправительственных, образова-

тельных, исследовательских. За пределами ядра – множество других структур, с которыми ядро вступает в сетевое взаимодействие: с зарубежными партнерами проводится обмен специалистами, на их базе формируются опорные точки, в японских вузах трудятся исследователи, входящие в ядро, выстраивается работа с организациями в сфере международного сотрудничества, экономической деятельности, выдвижения предложений в области административной политики, а также с другими крупными научными объединениями. В случае Японии это JCASA, Японский координационный совет ассоциаций региональных исследований, также консолидирующий организации в сфере науки о регионах. Рисунок также демонстрирует, чему именно будет способствовать сеть в системе образования, системе продвижения результатов научных исследований и системе совместного использования источников, общественный и научный вклад сети [181, с. 16].

Еще одна трансформация – это *переход от описательных методов к методам региональной информатики*. Долгое время японские региональные исследования базировались на сборе и описании сведений о конкретных регионах, это по-прежнему остается базовым подходом во многих отраслях науки о регионах, если речь идет о культурно-антропологических исследованиях. В настоящее время японские ученые отстаивают позицию, что регионологам необходимо более широко использовать достижения информатики, интегрируя ее методы в региональные исследования. Методологию такого рода описывает в своей работе Масаюки Янагисава (柳澤雅之) в работе «Региональные исследования в сфере естественных наук: преодоление ограниченности региональной информации» (自然科学分野の地域研究——地域情報の限定性を克服するために): он полагает что построение полного представления о конкретном регионе невозможно без использования комплексных данных о земле [194].

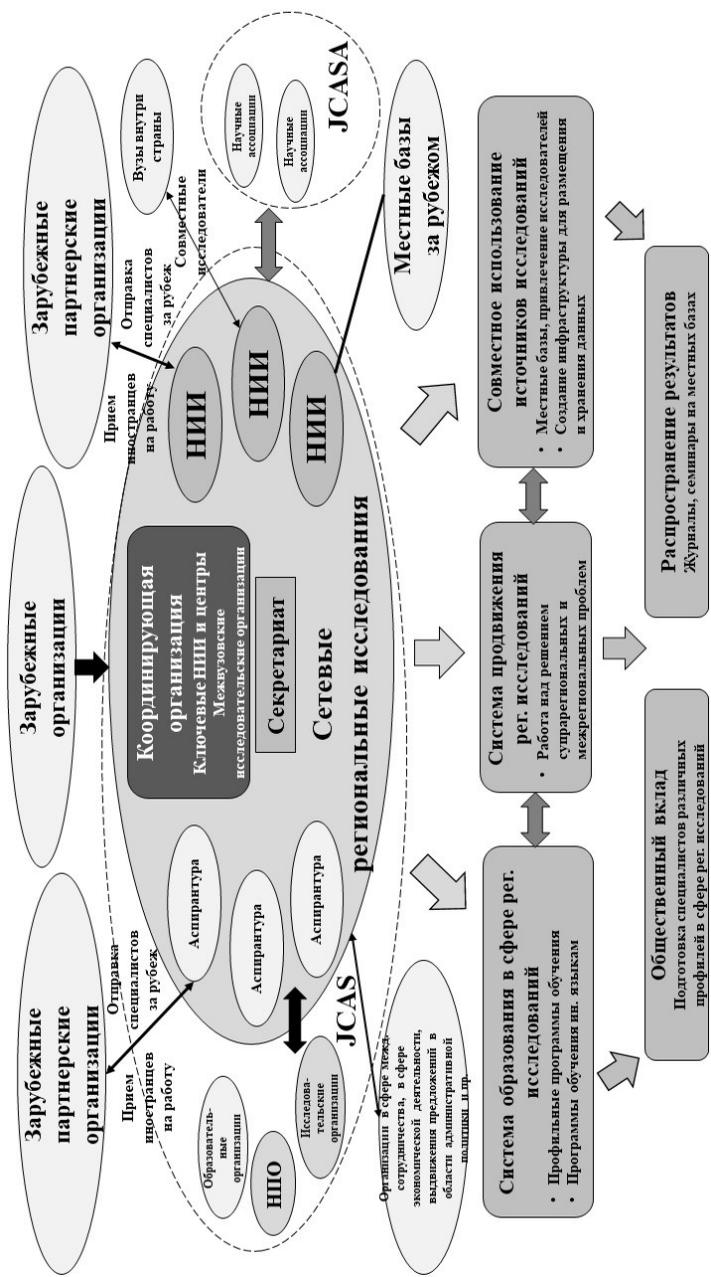

Рис. 3. Формирование сети региональных исследований

Подобной точки зрения придерживается и Такуто Сакамото (阪本拓人) в своей работе «Информационные технологии и региональные исследования: компьютерное исследование Африки» (情報技術と地域研究—コンピュータのなかのアフリカを事例に). Он идет в своих предположениях дальше и выдвигает революционную для японских региональных исследований точку зрения о том, что сбор и анализ данных в скором будущем позволит ученым обходиться без выезда в регион исследования и собственной работы в «поле» [198, с. 13].

Еще одна важная тенденция в изменении подходов — это *переход от монорегиональных к трансрегиональным компаративным исследованиям*. Принципы последних описал китаевед Фумики Тахара (田原史起) в работе «Региональные исследования, “пронизывающие регионы”: возможности сообщества» (『地域を突き抜ける』地域研究—コミュニティの可能性). Анализируя свой опыт изучения Китая в рамках такого научного направления как исследования крупных держав (大国研究), он делает вывод, что ценность региональных исследований возрастает, когда они отвечают двум базовым условиям:

1) носят *компаративный* характер, поскольку только сравнительные исследования позволяют выявить специфику региона;

2) исследуют конкретную проблему в *трансдисциплинарном* разрезе, т. е. на примере множества регионов [171, с. 131].

Синъити Сигэтоми (重富真一) в работе «Очерк сравнительных региональных исследований» (比較地域研究試論) указывает на то, что в Японии эталоном очень долгое время являлись комплексные исследования одной страны или региона, тогда как специфика региона точнее выявляется в сравнительных работах. Автор предлагает следующую общую схему применения сравнительного метода в региональных исследованиях [185, с. 26] (рис. 4).

Целевое воздействие	A	A
Результат	α	β
Регион	X	Y

Как устроен регион

Рис. 4. Схема применения метода сравнительного регионального исследования

В этой схеме сравниваются два гипотетических региона – X и Y, в которых с одной и той же целью были запланированы одни и те же действия, например, в них планируется осуществление проекта, направленного на предоставление низкопроцентного финансирования фермерских хозяйств в условиях финансового кризиса. Поскольку цель и методы воздействия одинаковы (A), то разница в результате между регионами (α , β) позволит выявить региональный контекст и структурные условия, детерминировавшие эту разницу. Контекст и условия при таком подходе можно рассматривать системно: изучать как сами элементы, воздействующие на результат предпринимаемых в регионе мер, так и механизм взаимодействий между этими элементами. При этом точность данных, полученных в результате исследования, будет зависеть от многих факторов. Среди важнейших Синьити Сигэтоми называет следующие:

1) выбираемые для анализа переменные должны быть сужены настолько, насколько это возможно, поскольку слишком широкий ряд переменных вводит множество дополнительных элементов, которые будет сложно учесть;

2) если сравниваемые регионы слишком различны, то объектами сопоставления могут быть только тот региональный контекст и условия, которые имеют достаточное количество сходных элементов. В противном случае полученные данные могут быть нерепрезентативны, поскольку достаточно точные результаты по большому количеству элемен-

тов можно получить только при сравнении похожих регионов;

3) исследователь должен обладать глубоким пониманием специфики изучаемого региона, поэтому для сравнительного анализа может быть необходимо тесное сотрудничество с исследователями других регионов [185, с. 26].

Переходя к следующему типу трансформации подходов, следует сослаться на мнение членов подкомиссии по развитию инфраструктуры региональных исследований Научного совета Японии, которые считают, что региональные исследования обладают сложным типом взаимоотношений с теоретическим знанием, накопленным в рамках других наук: это отражается в *переходе от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой*. Специфика региона диктует нестандартность стоящих перед исследователем задач и невозможность объяснить социальные события на основе устоявшихся теорий. В связи с этим исследователю приходится выходить в поле с выбранной теоретической базой, но после очередного сбора данных возвращаться к теоретическому аппарату снова и снова, на каждом новом этапе пересматривая существующие теории, ставя их под сомнение, комбинируя и т. д. Так работает алгоритм перехода туда и обратно между конкретными примерами проявления проблемы в регионе и различными теориями, которые привлекаются для объяснения проблемы [167, с. 5].

Важным шагом в эволюции региональных исследований в Японии становится *переход от методологического национализма к методологическому трансрегионализму*. Укоренившийся подход диктовал изучение явлений региона в границах территориальных суверенных наций, принимая в качестве аксиомы, что культура, общество, политика, экономика, картина мира, язык и другие стороны жизни региона свойственны конкретным странам и нациям. Как отмечает К. Суэтика, такой подход значительно ограничивает исследователя, не позволяя выстроить методологию исследования регионов, где страны меняют границы, где

нации ассимилируются, сливаются, прекращают свое существование, где народы не выработали четкого национального самосознания [187].

Кроме описанных выше методологических переходов, мы имеем возможность наблюдать и некоторые существенные отличия подходов к региональным исследованиям в Японии от аналогичных направлений в западных странах. Среди наиболее значимых можно назвать повышенную роль языка региона и попытки индигенизации теории и методологии региональных исследований.

Язык изучаемого региона занимает в японских методологических подходах региональных исследований особое место. Во многих странах наука о регионах и лингвистика существуют параллельно: лингвистика нередко рассматривает территорию как предмет изучения с точки зрения того, как там протекают те или иные языковые процессы [4], однако региональные исследования чаще всего рассматривают язык лишь как инструмент познания региона, не всегда принципиально необходимый и часто вторичный, львиная доля исследователей не владеет языком изучаемого региона. Японские регионологи подходят к лингвистическим процессам иначе.

Во-первых, в японских работах язык нередко называют методом исследования и базовым условием для изучения региона. Еще в 1963 г. Т. Мотоока писал в своей статье «Что такое региональные исследования?», что для специалиста в области региональной науки необходимы знания не только в области изучаемого предмета, но и владение лингвистическими компетенциями, языком, а также при необходимости диалектами изучаемой местности. Автор подчёркивает, что региональные исследования неразрывно связаны с языком. Не все специалисты проходят по этому критерию, а системе подготовки в области региональной науки необходимо обращать более пристальное внимание к выработке профессиональной лингвистической компетенции [192, с. 17–19]. В XXI в. среди регионологов звучат сходные мнения. К. Суэтика называет владение языком региона одним

из обязательных условий регионологического исследования наряду с изучением подходов других социальных наук, смежных с регионологией (социология, политика, экономика, философия и др.), и проведением полевых исследований [187].

Во-вторых, для японских региональных исследований, в отличие от значительного количества западных региональных школ, язык является предметом исследования, т. е. той неотъемлемой характеристикой, каковой являются и другие предметные области: история региона, его культура, политика, экономика, социум, религия и т. п. Другими словами, лингвистика, наряду с другими социогуманитарными науками, входит в трансдисциплинарное поле региональных исследований.

Еще одной чертой, специфичной как для Японии, так и для научной сферы Восточной Азии в целом, являются *попытки индигенизации теории и методологии региональных исследований*¹⁶. Позиционирование такого рода концепций носит разный характер: «от постановки проблемы и поисков собственных методов без выхода за рамки позитивистской науки до попыток теоретико-методологического переворота на основе традиционных философско-мировоззренческих концепций» [32].

Первый из упомянутых выше подходов описывает К. Суэтика, который полагает, что устоявшаяся «универсальность» западных научных идей приводит к непониманию социального и политического устройства восточных стран, что может завести регионолога в тупик и дать неверные ответы на поставленные вопросы [187]. Поэтому важной задачей становится применение устоявшихся моделей анализа с учетом уникальных характеристик каждого конкретного региона.

Специфику второго подхода – применения сугубо японских концепций к изучению регионов, связанную с карти-

---

¹⁶ Научные исследования такого рода регулярно появляются и других странах, например, в Китае. Примером могут служить докторские диссертации подобной проблематики, в частности, «Историческое развитие подходов к изучению индигенизации социологии и пересмотр теории» [201].

ной мира и традиционным мировоззрением японцев – раскрывает Адати Акира (足立明, 1952–2012), доктор наук в области сельского хозяйства, доцент факультета филологии Университета Хоккайдо, позже – профессор отделения исследований Азии и Африки Киотского университета, известный как специалист в области культурной антропологии, в частности, «теории сети акторов» (アクター・ネットワーク論) – от вопросов агрокультуры Южной Азии он пришел к комплексному изучению социокультурных проблем. В критическом обзоре книги «Проблемы и методы региональных исследований. Опыт социокультурно-экологической динамики» («地域研究の問題と方法 – 社会文化生態力学の試み») он «обращается к осмыслению региональных исследований в трактовке Татимото Нарифуми (立本成文, род. в 1940 г.), специалиста по Юго-Восточной Азии (в частности, Малайзии), во время написания указанной книги – сотрудника Центра исследований ЮВА Киотского университета, в 1998–2002 гг. – директора Центра, позже – профессора факультета международных отношений и отделения международных наук о человеке магистратуры университета Тюбу, с 2007 г. – директор НИИ глобальной экологии, в 2014–2018 гг. – директор Национального института гуманитарных наук» [32]. Адати Акира указывает, что «региональные исследования (地域研究) в понимании г-на Татимото – это отрасль, объектом которой выступает регион, а целью – описание уникальной логики региона как единого целого и представление о нем как об уникальной мировой единице (固有な世界単位). Другими словами, регион в этой трактовке понимается как единое целое, состоящее из неразрывно связанных систем – биологической, ресурсной, производственной, исторической, а указанное единство – как синергию экологической, социальной, культурной и других систем (а также как социокультурно-экологическую динамику). Этот подход не рассматривает регион как нечто отдельное, независимое, но исходит из предпосылки, что он взаимосвязан со всем миром» [32]. Основой выбора пути разви-

тия региона должна быть его уникальность, а взаимосвязь с окружающим миром послужит созданию системы синхронного сосуществования этих многочисленных уникальных территорий, взаимно признающих выбор каждой из них [151].

По мнению А. Адати, онтология и эпистемология, излагаемые в книге Татимото Нарифуми, связаны с философией Нисида Китаро (西田幾多郎, 1870–1945), известного своими попытками соединения японской философской традиции и западной мысли [68] и в числе прочих проблем познания мира, анализировавшего подходы к познанию пространства [21]. А. Адати, устанавливая на связь идей Татимото со взглядами Нисида, указывает в первую очередь на так называемую логику места, или логику басё (場所論, 場所の論理), а также дзэнские воззрения философа¹⁷. Это проявляется в использовании Татимото таких идей, как «единство в себе абсолютных противоположностей» (絶対矛盾の自己同一), «вразброс, но вместе» (バラバラでいっしょ), «наслоенные лицевой стороны и изнанки» (柄と地の重なり合い) и т. д. А. Адати указывает на то, что, хотя в списке цитируемых гном Татимото работ имя самого Нисида не встречается, в нем есть имена учеников Нисида и авторов, которые критически восприняли его идеи [151].

---

¹⁷ В философии Нисида излагается концепция «места» (басё) как модель процесса изучения объекта и как пространственная схема деятельности сознания. «Логика места» Нисиды заключает в себе идею, что ядром познания является не субъект, познающий место, а предикат, определяемый как «превосходящее место универсальности», который «в логике Нисида определяет и пространственно превосходит субъект как свою собственную партикуляризацию» [21, с. 76–77]. Кроме того, с точки зрения региональных исследований философия Нисида полна и других концепций осмысления пространства. Примером может послужить пространственное представление истории: «свое оригинальное видение истории Нисида представил, в частности, в форме концепции “исторического тела”... подход к истории не как к чисто временному, но и пространственному явлению, позволил Нисида обосновать теорию уникальных и в то же время не изолированных друг от друга культурно-исторических тел, которую часто неадекватно воспринимали как апологию национальной исключительности... Нисида Китаро вводит понятие исторического пространства наряду с физическим пространством и пространством психической деятельности» [21, с. 78].

В частности, обращаясь к ранее упомянутому понятию «мировой единицы», можно увидеть, что в ней отражается онтология человека и региона (人と地域の存在論), основанная на философских представлениях Нисида: «мировой единицей является место (basё 場所), в котором находятся вместе все сущности, включая человека. Само место (basё) увидеть невозможно»; «существование в двойном мире видимого места (тогоро) и невидимого с этого тогоро места (basё)» [168].

Кроме того, в русле данной онтологии в книге Татимото описываются методы, позволяющие охватить регион (или мировую единицу). Способом описания региона как единого целого, позволяющим «ощутить» невидимое место (basё) с места нахождения (тогоро) и увидеть все то, что следует видеть в мировой единице, Татимото называет полевые исследования (臨地研究法). При этом подчеркивается, что регионолог во время полевых исследований занимает не столько современную научную точку зрения, подробно анализируя и детализируя объекты на основе их субъективного разделения, сколько такую точку зрения и такую позицию, при которой он, различая объекты и фокусируясь на чем-то одном, не упускает из виду все остальное [32]. Для целостного понимания динамики места в регионе необходимо уловить «энергию», «дух» (氣) места через отношения людей между собой и отношения человека с местом, а также стремиться к пониманию динамики (общих тенденций во взаимодействии движений и сил), создаваемой не только экологической структурой, но и явлениями, к которым имеет отношение человек – теми вещами, которые он производит и изменяет [151].

Такое представление о полевых исследованиях по своей сути является развитием антропологического метода «вчувствования», только оно выстраивается при этом на сугубо японской специфике. Этот подход (хотя в книге Татимото об этом прямо не говорится) основывается на идеях, характерных для философии Нисида: таких как «логика basё», «чи-

стый опыт» (純粹經驗), «активная интуиция / интуиция действия» (行為的直感). Например, в философии Нисида опыт (經驗) понимается следующим образом: конкретный опыт, выражающийся в форме «я повествую» (私が語る), на самом деле является проявлением формы «мир повествует» (世界が語る). Другими словами, во время любования горами, покрытыми красной осенней листвой, эти горы не являются объектом, а человек не является субъектом, поскольку на самом деле он «повествует, став горами» [32]. Таким образом, постулируется необходимость радикальной трансформации мышления от «логики субъекта» (主語的論理), в частности, логики познающего, к «логике предиката» (述語的論理), в контексте региональных исследований – логике региона, и дальнейшего преобразования – от «мышления [по модели] “субъект/предикат”» (主語 | 述語の思考) к «самоограничению места (басё)» (場所の自己限定), т.е. к отказу от дуализма субъекта и предиката, исследователя и региона, что есть выход на уровень формирования истории реальности (現実の歴史形成) [151]. Этот уровень укладывается в концепции Нисида о культурно-историческом теле и историческом пространстве.

Таковы векторы пересечения региональных исследований и японской философии в области теоретико-методологических подходов к изучению регионов: хотя такого рода методы не отвечают разработанным на Западе научным подходам, поиски японско-специфических теорий к исследованию регионов видятся японским регионологам актуальной проблемой [32]. Кроме того, эти процессы являются частью общей тенденции индигенизации науки, фиксируемой в странах Восточной Азии и Южно-Азиатского региона.

Обозначенные подходы и векторы их трансформации демонстрируют несколько важных черт японских региональных исследований, отражающих национальную специфику: стремление к коллективной работе, инновационные стратегии, выход за пределы парадигмального фронта науки о регионах (географического, методологическо-

го, культурно-исторического), а также определенная эклектичность в попытках соединения усилий различных дисциплин и направлений научного и философского характера.

4.2. НАУЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На сегодняшний день в Японии имеется большое количество научно-исследовательских учреждений¹⁸, работа которых связана с региональными исследованиями. Чтобы понять их роль и место в научном сообществе, мы хотели бы проанализировать специфику работы важнейших из них. Выбор пал, с одной стороны, на наиболее крупные, как правило, объединяющие более мелкие (консорциумы, ассоциации, объединения и т. п.), с другой – на достаточно влиятельные самостоятельные учреждения с весомым вкладом в развитие науки о регионах, и, наконец, на подразделения более крупных организаций, непосредственно не связанных с региональными исследованиями (но при этом сами подразделения занимают весьма авторитетную позицию в указанной сфере). Одним из базовых критериев выборки стало участие этих организаций в институционализации региональных исследований как научного направления: участие в обсуждениях такого рода, подготовка докладов и предложений, позиционирование себя как учреждения, отнесенного к этой области науки.

Первая группа – *крупные объединения* – достаточно неоднородна по составу. Организации-члены могут состоять в разных объединениях, а кроме того, сами объединения могут входить в состав более крупных. Перечисляя наиболее крупные, мы будем указывать, если в их составе есть объ-

---

¹⁸ Списки упомянутых в тексте организаций со ссылками на их сайты, а также на списки организаций, входящих в их состав, можно найти в прил. 1–3, там же расположен список баз данных исследований и профильных журналов регионологических организаций (прил. 6).

единения поменьше. Среди наиболее значимых и отметившихся в разработке крупных проектов и докладов в сфере теории региональных исследований можно назвать:

- Японский консорциум региональных исследований (地域研究コンソーシアム, Japan Consortium for Area Studies, JCAS). Учрежден в 2004 г. для содействия сотрудничеству научно-исследовательских и академических организаций, а также научных обществ, вовлеченных в региональные исследования в разных регионах планеты. Консорциум непрерывно растет: «в апреле 2010 г. консорциум включал в себя 89 различных институтов и исследовательских групп, занимающихся изучением регионов, функционирующих как филиалы, так и независимо от университетов и НИИ. К августу 2020 г. число таких организаций увеличилось до 105. Ежегодно проводится научный симпозиум и выпускается журнал на японском языке под названием “Региональные исследования” (地域研究), до 2016 г. два раза в год выпускался “Информационный бюллетень JCAS” (JCAS ニュースレター), рубрики которого с 2017 г. стали публиковаться в журнале “Региональные исследования”. В качестве основных задач консорциум ставит изучение проблем состояния окружающей среды, глобального потепления, стихийных бедствий, инфекционных заболеваний, роста бедности и социального неравенства, а также разработку стратегий по преодолению таковых» [34, с. 43]. Проекты в рамках консорциума имеют выраженную общественно-ориентированную и междисциплинарную специфику.

- Японский координационный совет ассоциаций региональных исследований (地域研究学会連絡協議会, Japanese Council of Area Studies Associations, JCASA). Созданный в 2003 г., совет объединил 15 организаций, занятых в сфере региональных исследований, в дальнейшем их число выросло до 20. Среди них ассоциации изучения регионов мира: Америки, Ближнего Востока, Восточной Европы, Евросоюза, Латинской Америки, Океании, Северо-Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии; нило-эфиопских и тайвань-

ских исследований; стран: Австралии, Африки, России и стран Восточной Европы, современных Южной и Северной Кореи, Канады, Малайзии; ассоциации политико-экономических исследований Азии и Латинской Америки. Как видно из приведенного перечня, JCASA сосредоточен на объединении научных обществ, направленных на изучение конкретных регионов. Ежегодно совет выпускает подробный бюллетень о результатах работы входящих в него ассоциаций.

- Организация исследований культуры человека (人間文化研究機構, National Institutes for the Humanities, NIHU) позиционирует себя как межуниверситетское объединение исследовательских институтов. Создана в 2004 г. и первоначально объединила пять организаций: Национальный музей японской истории и фольклора (国立歴史民俗博物館, National Museum of Japanese History), Национальный институт японской литературы (国文学研究資料館, National Institute of Japanese Literature), Международный центр исследований японской культуры (国際日本文化研究センター (日文研), International Research Center for Japanese Studies), Научно-исследовательский институт глобальных экологических исследований (総合地球環境学研究所, Research Institute for Humanity and Nature), Национальный музей этнологии (国立民族学博物館, National Museum of Ethnology). В 2009 г. к организации присоединился Национальный институт японского языка и лингвистики (国立国語研究所 National Institute for Japanese Language and Linguistics). Организация видит перед собой четыре миссии: повышение качества научных исследований и образования, интеграция, развитие совместных исследований, социальное сотрудничество и вклад в развитие общества. В структуре организации также создано два центра – центр трансдисциплинарных инноваций и центр информации и связей с общественностью.

- Организация сотрудничества в сфере географии (地理学連携機構, Japan Organization of Geographical Sciences,

JOGS). Создана совместно с Союзом географических ассоциаций (地理関連学会連合, Japanese Geographical Union) и Координационным советом ассоциаций гуманитарно-экономической географии (人文・経済地理関連学会協議会); последний создан на основе Координационного совета ассоциаций гуманитарно-экономической географии и регионального образования.

- Координационный совет ассоциаций в сфере антропологии (人類学関連学会協議会) при Японском обществе культурной антропологии.

Отдельные научные учреждения, работающие в сфере региональных исследований, могут входить в вышеупомянутые крупные объединения, при этом функционируя как самостоятельная исследовательская организация. Среди важнейших можно назвать:

- Международный центр исследований японской культуры (Нитибункэн) (国際日本文化研究センター (日文研), International Research Center for Japanese Studies). Учрежден в 1987 г. в г. Киото, «функционирует в качестве межвузовской структуры под управлением Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий с целью “проведения совместных научных комплексных исследований на международном уровне” и “оказания содействия исследователям японской культуры во всём мире”. Библиотека центра насчитывает более полумиллиона работ, посвященных широкому диапазону тем, связанных с изучением Японии и японской культуры. Такую коллекцию материала по японистике можно считать богатейшей не только в Японии, но и во всём мире. Нитибункэн занимается развитием сотрудничества с ведущими зарубежными исследовательскими учреждениями, входящими в состав университетских структур, при содействии дипломатических миссий и Японского Фонда. Ежегодно в Японии и за её пределами проводятся международные конференции, позволяющие участникам встречаться с местными коллегами и собирать информацию. Директором Международного центра исследо-

ваний японской культуры является этнограф, антрополог и заслуженный работник культуры К. Комацу. Нитибункэн также имеет широкую информационную базу», содержащую научные работы по различным аспектам региональных исследований Японии и выпускает несколько электронных журналов» [34, с. 41–42]. Плоды деятельности центра и проблематику его региональных исследований можно увидеть, изучив труды специалистов Нитибункэн за 2018–2019 гг. Среди них «История заговоров в Японии в средние века» Ю. Годза; «Современное состояние истории японского искусства и взгляд на него извне» С. Инага; «Взгляд на историю Японии», «Почему в христианских школах так много красавиц?», «Таким образом создана “эта забавная старушка” Осака» и «Киото, Париж: красивые и недосыгаемые города» С. Иноуэ; «Переосмысление понятия “литература сопротивления”» Х. Исикава; «Оставившие след в истории Японии: от Сайгё до Басё» и «Первопричины падения Эдо без единой капли крови: НКК выбирает героев» М. Исода; «Там, где водятся монстры» К. Комацу; «Войны и люди», «Древняя история гражданских войн в Японии: от Ямато до рождения самурайства», «Записки о древности в переводе на современный язык: восхождение на престол императора Го-Итидзё» и «Исследование “Дворцовых записок главного советника императора”» К. Курамото; «Медиа-микс ассоциации помощи трону: фашисты среди “Сторонников императорской власти”», «Теория эмоциональности императора» Э. Ооцука; «Сфера процветания азиатской литературы» Ф. Сэйити; «Положение послевоенной Японии в Восточной Азии» и «Эпоха движения» Х. Цубои; «Удивительные уроки продолжительностью 35 лет на берегу озера Бива: самостоятельное, интерактивное и глубокое обучение, практикуемое в средней школе Университета Сига» С. Ямада; «Когда приходят заботы: скорбя о потере значимых результатов» М. Ясуии и др. [34, с. 42]. В 2019 г. в Нитибункэн было учреждено большое количество временных научных коллективов, проводились конференции, осуществлялись трансдисциплинарные проекты, посвященные довольно широ-

кому кругу проблем в рамках культурологических и лингвистических исследований Японии и других регионов мира.

● Общество прикладной региональной науки (応用地域学会, Applied Regional Science Conference, ARSC) учреждено в 1987 г. Эта ассоциация функционирует как научно-исследовательская группа, в качестве основной цели она ставит содействие междисциплинарным проектам в сфере региональной науки. Общество занимается выпуском двух журналов: с 1995 г. выходят «Прикладные исследования региональной науки» на японском языке (用地域学研究), а с 1989 г. «Обзор исследований городского и регионального развития» (Review of Urban & Regional Development Studies). Труды этой организации по большей части посвящены поискам решения общественных и экономических проблем: «экономические последствия стихийных бедствий (Х. Исидзука, К. Оокубо, М. Окумура, К. Кавамото), эффективное использование экологического топлива (Х. Танака, М. Кимура, И. Такахара, М. Кавамото, А. Ёсисэ), влияние жилищного строительства на социальные процессы (Ф. Такума, А. Андо)» [32, с. 42] и т. д.

● Японская ассоциация международной политики (日本国際政治学会, Japan Association of International Relations, JAIR) учреждена в 1956 г. Ассоциация занимается публикацией результатов научных проектов в сфере политической истории, международной политики, региональных исследований и пр. С 2018 г. должность генерального директора занимает С. Такуя, профессор Университета Риккё. Организация отвечает за два журнала: «Международная политика» (国際政治, выходит на японском языке четыре раза в год) и «Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (International Relations of Asia and Pacific, выпускается на английском языке три раза в год). Проблематика этих изданий распределяется следующим образом: «тематика исследований первого из журналов касается широкого спектра политических проблем в регионах мира: роли международных региональных организаций в

современном мире (№ 193, 2018) и мирового порядка в региональных системных трансформациях и применении насилия (№ 194, 2018), проблемам восстановления дипломатических отношений между странами (№ 195, 2019), вопросам развития демократии и либерализма, деятельности неправительственных организаций (№ 196, 2019). Второй журнал сосредоточен на АТР» [32, с. 42–43]. В 2019 г. ассоциация опубликовала 4-томный труд «Японская международная политология», 3-й том которого подготовлен в русле региональных исследований: «Внешняя политика с точки зрения региона».

- Японское общество международного развития (国際開発学会, Japan Society for International Development) учреждено в 1991 г. Издаёт журнал «Изучение международного развития» (国際開発研究), в нём публикуются результаты научных проектов в сфере менеджмента, права, политики, регионального развития, экономики и т. д. Журнал выходит 2 раза в год: в июне и в ноябре.

Наиболее весомые научные организации в сфере региональных исследований, являющиеся *подразделениями* более крупных организаций, непосредственно не связанных с региональными исследованиями:

- Комитет региональных исследований Японского научного совета (日本学術会地域研究委員会, Science Council of Japan, Committee for regional studies) учрежден в 2005 г., имеет очень разветвленную структуру: «в составе комитета региональных исследований 11 собственных подразделений, в том числе подкомитеты укрепления базы региональных исследований, региональной информатики, гуманитарно-экономической географии, культурной антропологии, регионологии / региональной науки (地域学), подкомитеты по мультикультурному сосуществованию, региональной интеграции, по созданию научной сети регионального сотрудничества в Азии, исследовательский подкомитет по возвращению исторических реликвий и подкомиссия по туризму и по региональному знанию. Кроме того, в его веде-

нии находится 9 подразделений, созданных им совместно с другими отделами Научного совета Японии, в частности, с комитетом наук о Земле (подкомитет географического образования и входящие в его состав подкомиссии по школьной географии, по естественной географии / предотвращению экологических катастроф, по вузовской географии, образовательные комиссии по картографии и геоинформационным системам, а также по хорографии и международному взаимопониманию), с комитетом экологии и комитетом наук о Земле (подкомитет по гуманитарным аспектам глобальных изменений окружающей среды и входящая в его состав подкомиссия проекта KLaSiCa – Knowledge, Learning and Societal Change Project), с комитетами языка и литературы, философии, истории (подкомитет по вопросам азиатских исследований и отношениям с Азией)» [30, с. 158]. Комитет время от времени готовит доклады о положении региональных исследований в Японии [173], изучает их роль и вклад в современную науку, отвечает за разработку подходов к решению региональных и глобальных проблем социальной, экономической, политической и других сфер.

● Японское отделение Международной ассоциации региональной науки (日本地域学会, The Japan Section of the Regional Science Association International) учреждено в 1963 г. Президентом на 2019–2020 гг. был выбран Х. Такахаши из Университета Тохоку Гакуин. Организацию можно охарактеризовать следующим образом: «целью Ассоциации является развитие региональной науки путем содействия проведению комплексных и междисциплинарных исследований регионов и предоставления площадки для общения между ее членами, а также их академического обмена с другими ассоциациями и учреждениями. Ассоциация предоставляет ученым в области региональных исследований и в других смежных областях возможность представления результатов своей работы на международном уровне. Основные виды деятельности ассоциации: проведение ежегодного собрания, а также семинаров и встреч с другими организациями, выпуск журнала «Исследования в регио-

нальной науке» (Studies in Regional Science) и, в случае необходимости, иных изданий, посвященных работам по изучению регионов, сотрудничество с другими ассоциациями и институтами как внутри Японии, так и за ее пределами, занимающимися подобной деятельностью, и содействие научным исследованиям в сфере региональной науки» [34, с. 43]. Значительное число работ ассоциации посвящено общественным и экономическим вопросам развития территорий в широком смысле.

Список представленных организаций в сфере региональных исследований далеко не исчерпывается приведенными учреждениями, но дает некоторое понимание того многообразия, которым характеризуются данная научная сфера в Японии.

4.4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Важным исследовательским кластером в сфере региональных исследований являются вузы. Их деятельность может быть разделена на собственно научную отрасль (создание собственных исследовательских центров, институтов, ассоциации, НИИ и т. п.) и образовательную область (подготовка кадров в сфере региональных исследований и изучение регионов в рамках обучения такого рода специалистов всех уровней подготовки).

По первому направлению – *научно-исследовательская деятельность в вузах* – можно указать на факт, что в большом количестве университетов имеются собственные исследовательские суборганизации, работающие в рамках науки о регионах (прил. 4). Наиболее известны среди этих университетов Азиатско-Тихоокеанский университет Рицумэйкан, Киотский университет, Токийский университет, Токийский университет иностранных языков, Университет Васэда, Университет Кэйю, Университет Риккё, Университет Хоккайдо, Университет Хитоцубаси, Университет Хосэй и др.

Такого рода НИИ и исследовательские центры при вузах могут быть условно разделены на организации общего профиля в сфере региональных исследований и те, что занимаются изучением конкретного региона. Среди организаций общего профиля есть такие, которым придается большое значение в деле институционализации региональных исследований. В частности, Научный совет Японии указывает, что открытый при Киотском университете Информационный центр интегрированных региональных исследований (地域研究統合情報センター, Center for Integrated Area Studies, CIAS)¹⁹ был создан с целью содействия межрегиональным исследованиям в сфере науки о регионах как одна из организаций, координирующих научное сетевое взаимодействие [181, с. 3]. Та же функция в сфере политических региональных исследований возлагается на Университет аспирантуры в сфере административной политики (政策研究大学院大学, National Graduate Institute for Policy Studies, GRIPS). Большой вес имеет Организация глобальных региональных исследований при Токийском университете (グローバル地域研究機構, Institute for Advanced Global Studies, IAGS). Отдельными регионами занимается множество организаций при вузах. Значительная их часть состоит в Японском консорциуме региональных исследований (прил. 1).

Региональные исследования *в сфере подготовки профильных специалистов* также набирают силу. Кафедры, факультеты и образовательные институты, на которых ведется подготовка бакалавров и магистров в области региональных исследований, открыты в Киотском университете, Международном христианском университете, Педагогическом университете Хоккайдо, Университете Судзука, Университете Досия, Университете префектуры Ниигата, Университете София, Университете Тоё, Университете Тоттори, Университете Фукуи, Университете Цукуба и др. Ре-

---

¹⁹ В 2017 г. был слит с Институтом исследований Юго-Восточной Азии (東南アジア研究所) и преобразован в Институт региональных исследований Юго-Восточной Азии (東南アジア地域研究所).

гиональные исследования, развиваемые на базе университетов, представлены широким спектром направлений. Наиболее часто встречающимися среди них являются классические: международные региональные исследования, посвященные изучению стран и регионов мира, японоведение и краеведение отдельных регионов Японии, а также региональные культурные исследования, включающие исследования языков мира. Вместе с тем все большее значение приобретают кросс-культурные и трансдисциплинарные региональные исследования, в том числе совместно с естественными науками, изучаются проблемы окружающей среды, мирного сосуществования регионов, мультикультурализма, межрегионального взаимодействия и т. д. Еще одним важным направлением становятся исследования развития регионов: проблемы региональных инноваций, урбанистика и так называемая активизация / возрождение регионов (地域創生) (прил. 5).

Проблема *подходов к развитию образования в сфере региональных исследований* регулярно поднимается научным сообществом. В частности, в 2014 г. Научным советом Японии было проведено обсуждение этой темы, в результате чего совет опубликовал доклад «Справочные критерии для организации учебных курсов по обеспечению качества университетского образования в сфере региональных исследований».

Как полагают японские ученые, базовые характеристики региональных исследований, которые реализуются в образовательной сфере, можно свести к трем:

- 1) содействие построению новой системы межрегиональных отношений, в которой будет одновременно признаваться как универсальная общность регионов мира, так и признание своеобразия любого местного сообщества, существующего в отличной от других системе ценностей, обычаев, институтов, окружающей среды и т. д.;

- 2) формирование взаимопонимания между регионами мира на основе разнообразия культур, ценностей, институтов;

3) объяснение разнообразия мира с разных точек зрения и на базе сотрудничества различных научных сфер [167, с. 1].

Исходя из этого, миссией региональных исследований в Японии, по мнению авторов доклада, является помощь японцам в осознании многообразия мира и возможности гармоничного сосуществования разных культур, а также позиционирования Японии в мировом культурном пространстве. С осуществлением этой задачи справится новый тип личности – *интернациональный*, такую личность способны подготовить региональные исследования как часть образовательной системы [167, с. 6].

Региональные исследования как академическая сфера предполагает изучение определенных проблем, вызванных социальными событиями в конкретных регионах. Три составляющих этого постулата (регион, социальное событие, проблема) авторы доклада поясняют отдельно.

Регион, по их мнению, следует понимать в самом широком смысле этого термина: от административно и политически выделенных территорий (деревня, город, район, страна и т. п.) и устойчиво закрепившихся в мировой науке (Восточная Европа, Юго-Восточная Азия и т. д.) до области исследования, искусственно очерченной специалистом в связи с некоторыми признаками: приграничные зоны, периферийные области, зоны конфликтов и т. п.).

Важность *социальных событий* для региональных исследований заключается в том, что в фокусе науки о регионах находятся не явления природы, а социальное бытие человека, в том числе его взаимодействие с природой. Поэтому социальные события в сферах политики, экономики, культуры, истории определяют предметное поле региональных исследований.

И наконец, для регионолога большое значение имеет выбор изучаемой *проблемы* и фокус ее рассмотрения. Выгода позиции специалиста в сфере региональных исследований будет заключаться в том, что ему доступны способы выявления проблем из трансрегиональной позиции: то, что не

обнаруживается при изучении региона изнутри, может быть выявлено путем сравнения с другими регионами [167, с. 4].

Характеризуя подходы к региональным исследованиям в области образования, авторы доклада акцентируют внимание на нескольких важных характеристиках этих подходов:

1) базой для изучения специфики региона являются три важнейших составляющих: язык, культура, история. Они приобретаются в том числе в результате достаточно длительного пребывания в регионе изучения;

2) основной предпосылкой для изучения конкретной региональной проблемы является освоение базовой теории социогуманитарных наук;

3) в основе комплексности регионального исследования лежит принцип междисциплинарности;

4) возможность выработки подходов к изучаемой проблеме, обладающей региональной спецификой, заключается в постоянном возвращении к теории, пересмотре и комбинировании устоявшихся теорий [167, с. 5].

Из всего вышеизложенного авторы выводят *цель региональных исследований в образовании*, она заключается в формировании у японцев обновленного взгляда на мир, более широкого и разнообразного, не привязанного к сформировавшимся традиционным представлениям. Это необходимо для создания общественной среды, которая способна сосуществовать с другими культурными сообществами и воспитывать *интернациональную личность*, открытую к международному сотрудничеству [167, с. 6].

Что касается рекомендуемых Научным советом Японии перечнем компетенций²⁰, которые необходимо сформировать у региолога, то они сводятся к следующим.

---

²⁰ В японской трактовке на первом месте идут собственно региологические компетенции, к которым относятся «знание и понимание» (知識と理解) и «способности» (能力), а затем – «универсальные навыки» (汎用的技能), необходимые для социальной и профессиональной жизни.

Регионолог должен обладать *знанием и пониманием*:

1) уникальности изучаемого региона как в сравнении с другими территориями, так и в глобальном сообществе в целом;

2) культуры, истории, политики, экономики, социума и других сторон жизни региона;

3) коммуникативных навыков региона, его языка;

4) научных дисциплин, необходимых для изучения конкретной проблемы или ряда проблем, т. е. владение теоретической базой культурологии, истории, политологии, экономики, социологии и других наук – от одной до нескольких – в зависимости от поставленных в исследовании задач;

5) возможностей пересмотра отношений между собственным регионом и изучаемым, формирования нового мировоззрения, позволяющего мирно и взаимовыгодно сосуществовать с другими регионами [167, с. 7–9].

Регионолог должен обладать следующими *способностями*:

1) содействовать пониманию меняющегося международного сообщества для развития международного сотрудничества и межкультурного взаимопонимания, сбору и анализу скрытой и специфической информации о регионах мира с целью предотвращения искаженного понимания региональных и глобальных событий, формированию критического мышления в гражданском обществе;

2) в профессиональной области осваивать профессии, связанные с международным взаимодействием в сферах дипломатии, журналистики, торговли, гуманитарной помощи, безопасности и прочего, поскольку они нуждаются в специалистах с глубоким знанием регионов и международной обстановки;

3) в социальной сфере содействовать построению гражданского общества на основе принципов взаимного принятия носителями разных культур, их сосуществованию и взаимодействию, пониманию языков, культуры, истории, экономики и политики друг друга, адаптации трудовых мигрантов;

4) в специальной сфере:

- способность к коммуникации, свободное владение языком региона, в том числе с научными целями (чтение и написание научных работ на языке региона);

- способность критически осмысливать и комментировать события региона, исходя из своих знаний истории, культуры и текущей ситуации в регионе;

- способность подходить к решению проблем с помощью компаративных трансрегиональных методов [167, с. 9–11].

Универсальные навыки регионолога, необходимые для социальной и профессиональной жизни:

1) повышение интеллектуального уровня:

- изучение одного или нескольких языков способствует усвоению новых в гораздо более короткие сроки;

- написание курсовых и дипломных работ повышает способности к логическому мышлению, аналитической работе, формулировке верных выводов на основе массива данных;

- работа с носителями других культур улучшает навыки межкультурного взаимодействия;

- проведение трансрегионального сравнительного анализа позволяет сформировать навыки адаптации к глобализирующемуся миру, особенностям существования в новых условиях, вызовам глобального общества;

2) приобретение общих навыков, позволяющих отказаться от противопоставления «своего» и «чужого» и принять важность сосуществования в мире, состоящем из регионов, отличающихся от собственного [167, с. 11–12].

Примерное *содержание дисциплин*, рекомендуемое в докладе, можно разделить на несколько направлений.

Во-первых, это изучение языка, истории, культуры, обычаев, окружающей среды и других особенностей жизни в изучаемом регионе. Для этого в полной мере должны быть задействованы достижения лингвистики, истории, культурной антропологии, фольклористики и географии.

Во-вторых, изучение теоретических основ геополитических и социальных наук для проведения исследований в сферах политических, экономических и социальных систем региона.

В-третьих, изучение природной среды, погоды и климата, проблем экосистемы и геополитики, что предполагает создание широкой междисциплинарной зоны между социогуманитарными и естественными науками [167, с. 2].

В целом японские ученые возлагают большие надежды на образование в сфере региональных исследований, не без основания полагая, что оно будет способствовать преодолению этнических и культурных стереотипов, установлению межрегионального контакта и пониманию Японии глобальным мировым сообществом.

4.5. ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЯПОНЦЕВ О СЕБЕ И ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Анализ современного состояния региональных исследований позволяет выявить векторы трансформаций концепций традиционных представлений японцев о самих себе и окружающем мире («Мы – Другие», японоцентризм, противопоставление и сосуществование зарубежного и внутреннего знания).

Дихотомия «Мы – Другие» продолжает свою трансформацию и на этом этапе развития приобретает вид «Мы→←Другие». Современная Япония не просто усваивает зарубежное знание в области региональных исследований и использует его для собственного развития, но и представляет себя миру. На данном этапе мы обозначаем это позиционирование пунктирной линией, поскольку речь в большей степени идет о попытках страны, с одной стороны, дать представление о своей культуре и самобытности, с другой – о своих новых возможностях, о роли и месте своих региональных исследований в мировых процессах. Очевидно, что в перспективе она видит себя более активным актором сетевой системы научных исследований в сфере науки о регионах.

Японоцентризм в новой научной картине мира, формируемой в рамках региональных исследований, оказывается

в двойной позиции. С одной стороны, понимая огромное влияние этой концепции на сознание рядовых японцев, регионологи в довольно значительном количестве исследований и аналитических докладов стоят на позиции, что это наследие должно быть преодолено. И именно региональные исследования должны выступить инструментом преодоления этого комплекса, доставшегося японцам от традиционализма и имперского сознания. Наука о регионах может дать людям понимание уникальности любого региона, а также способы сосуществования регионов с сохранением их самобытности.

Другое измерение японоцентризма находит своей выражение в третьей концепции – сосуществовании японского и неамериканского в региональных исследованиях. Внутри общей тенденции ориентира на западное позитивистское знание находится место и для нестандартных решений. Наблюдается как умеренное движение в сторону поисков незападной научной картины мира, способной описывать Восток и его специфику, так и весьма радикальные шаги, например, попытки интегрировать японские философские концепции, построенные на традиционных взглядах, в поле науки о регионах. В целом пока противопоставление японского и неамериканского знания остается только на такого рода «аномальных» участках: в экспериментах по индигенизации регионологического знания, а также в некоторых терминах (японские региональные исследования записываются как 地域研究, т. е. переведены на японский калькированием, а западные *area studies* предлагается записывать при помощи фонетической транскрипции – エリア・スタディーズ). В целом же региональные исследования в Японии сохраняют курс на активную интеграцию с мировой наукой.

ГЛАВА 5

РОЛЬ ЯПОНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

5.1. НАУКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЯПОНИИ В XX–XXI ВВ.

В XXI в. значительное число ученых связывают региональные исследования и региональное развитие. В связи с этим при оценке роли и перспектив науки о регионах в процессах регионального развития необходимо понимать основные этапы и промежуточные результаты мер, принимаемых Японией в этой сфере.

К. Фриман указывает на то, что Япония долгое время была известна как централизованная страна, которая выступает за развитие отношений между промышленностью и наукой на национальном уровне, что можно рассматривать как архетипическую «национальную инновационную систему» [90]. Япония разработала национальную технологическую стратегию с долгосрочными научными и технологическими целями, включающими усовершенствование системы здравоохранения, энергетики, транспорта, а также новых областей: информационных технологий, биотехнологий и новых материалов. При этом в качестве источников инноваций долгое время рассматривались преимущественно национальные или корпоративные стратегии [130], а региональные и местные инициативы не привлекали слишком пристального внимания [113, с. 2]. Региональные инновационные системы не получали достаточного освещения пока, наконец, не начали появляться работы, уделяющие внимание процессу регионализации инноваций [78; 84;

114]. Поворот к регионализации в области инновационного развития в XXI в. Ф. Китагава²¹ объясняет особенностями процесса эволюции национальной промышленной и технологической политики, политики регионального развития и национальной системы инновации в Японии. Ф. Китагава выделяет четыре этапа, характеризующие трансформацию этих сфер в период после Второй мировой войны:

- 1) этап догоняющего развития (с окончания Второй мировой до 1960 г.);
- 2) этап сбалансированного регионального развития (1960–1970 гг.);
- 3) этап технополиса (с начала 1980-х до конца 1990-х гг.);
- 4) этап развития местных кластеров и научно-обоснованной региональной инновационной политики (с 1995 г. по настоящее время) [113, с. 2].

В период быстрого экономического роста после Второй мировой войны возникли две серьезные региональные проблемы, а именно чрезмерная концентрация экономической активности в крупных городах и высокая степень региональных различий в доходах [113, с. 7]. Региональная политика правительства в 1955–1977 гг. была ориентирована на осуществление структурных реформ в городах и регионах Японии, направленных на устранение этих различий. Эта политика включала и установление более тесных связей между университетским знанием и бизнесом [102]. Некоторое снижение разницы в доходах наблюдалось в период между 1960 и 1975 гг., а затем она снова начала расти с конца 1970-х гг. [77].

Первые попытки децентрализации государственных научно-исследовательских институтов в контексте регионального развития были уже тогда: в 1970-х гг. был основан Научный город Цукуба, а в 1980-х гг. – Научный город Кансай. Для преодоления разницы в региональном разви-

---

²¹ Китагава Фуми – преподаватель Эдинбургского университета, доктор наук в области урбанистики и региональных исследований (Urban and Regional Studies), работала также в Манчестерском и Лундском университетах.

тии в 1980-х гг. применялись такие политические инструменты, как законы о перемещении производств и о размещении заводов. Кроме того, в Японии довольно давно сложилась система поддержки малого и среднего предпринимательства на уровне регионов [113, с. 8]. Совместно с префектурами и муниципалитетами в свое время были созданы государственные научно-исследовательские институты промышленных технологий – муниципальные сертификационно-исследовательские учреждения (Kosetsushi, 公設試験 – сокращение от 公設試験研究機関 [159]) для поддержки и модернизации МСП [104; 140]. Они по-прежнему играют важную роль в региональном развитии Японии, представляя собой центры развития японских технологий и механизмов поддержки бизнеса, хотя их бюджет на региональном уровне в последние годы сократился [113, с. 8].

В 1980-х программа «Технополис» способствовала развитию региональной экономики Японии путем установления связей между университетами и местной промышленностью [52]. В 1983 г. был принят Закон о содействии развитию высокотехнологичной промышленной агломерации (он же Закон о технополисах). Программа «Технополис», возглавляемая в 1980-х гг. Министерством международной торговли и промышленности, была признана на международном уровне в качестве примера внедрения политики технологического развития, содействующей прогрессу в периферийных регионах [113, с. 8].

Вызовы дальнейшему региональному развитию Японии пришли в 1990-е, после того как лопнула экономика «мыльного пузыря» [140]. В эпоху после «пузыря» (в 1990–2000-х гг.) растущая глобальная конкуренция вынудила все сегменты японской национальной инновационной системы стать более продуктивными [41]. Образцовая роль национальной инновационной системы Японии снизилась из-за ее скромных показателей в области биотехнологий и неспособности внедрять инновации в интернете в двух сферах, в которых США преобладают в мире [85]. В связи с этим на

протяжении 1990-х гг. японская инновационная система подверглась широкомасштабной реформе [113, с. 10].

Многие научные исследования, касающиеся развития инновационных сфер, в Японии были долгое время сконцентрированы внутри крупных компаний, построенных по типу *кэйрэцу* (系列)²², но в период замедленного роста экономики эта тенденция стала сокращаться. На этом этапе появились новые ожидания относительно университетов: их исследования стали рассматривать как движущую силу инноваций и экономического роста. И хотя японская система исследований и инноваций традиционно характеризовалась высокой степенью централизации, сейчас в ней наблюдается гораздо большее разнообразие за счет роста научных фондов, представляющих средства на конкурсной основе, более широкой институциональной автономии и разнообразия между различными региональными организациями [113, с. 10].

С конца 1990-х гг. за счет реализации «стратегий локальных кластеров» на региональном и местном уровнях продвигались сложные модели межорганизационных отношений, в которых университеты были признаны ключевыми игроками в обеспечении промышленной конкурентоспособности регионов. Министерство экономики, торговли и промышленности отвечало за промышленную кластерную политику, Министерство образования, культуры, спорта,

---

²² Кэйрэцу – это особая форма ведения бизнеса, воплощенная в системе объединений больших компаний, которые состоят в тесных связях между собой: у них есть головная организация и некоторое количество мелких и средних фирм на низовом уровне. Этот тип объединений пришел на смену и стал эволюционной формой и продолжением «дзайбацу», наиболее крупных семейных конгломератов, функционировавших до Второй мировой [2; 7]. «М. Герлах и Д. Линкольн (*Gerlach M., Lincoln D. Japan's Network Economy: Structure, Persistence, and Change (Structural Analysis in the Social Sciences)*. Cambridge, 2004. – Прим. Е. К.) выделяют кэйрэцу в качестве наиболее характерной формы сетевой организации, при которой формально независимые фирмы составляют единое целое благодаря прочной системе связей, базирующейся на перекрестном владении акциями, смешанных директоратах, президентских советах. Кэйрэцу – это кластеры промышленных, коммерческих и финансовых организаций» [16, с. 38].

науки и технологий – за университетскую кластерную политику, а координацию их усилий и укрепление связей предприятий и вузов осуществлял Совет по науке, технологиям и инновациям Кабинета министров Японии [113, с. 12]. В 1999 г. вступил в силу закон о местных платформах регионального развития [63, с. 34].

В 2000-е гг. правительство Японии вплотную занялось продвижением региональной исследовательской деятельности. Для этого были предприняты такие меры, как расширение научных фондов, поощрение иностранных инвестиций в Японию, продвижение венчурных фирм, содействие интернационализации университетов и обучение персонала, участвующего в создании и продвижении новых технологий [149]. К дискуссии о подходах к региональному развитию подключились самые различные структуры. Например, Банк развития Японии²³ в 2000 г. для стимулирования научных проектов в этой сфере создал собственный исследовательский центр и начал выпускать журнал «Обзор региональной политики» (RPレビュー). Уже в первом его номере приводилась стенограмма круглого стола «Размышления о будущем региональной политики», в котором приняли участие профессор Университета Тэйкё Ито Дзэнъити, бывший председатель Организации комплексных исследований и разработок Хосино Синъясу, проректор Университета Кюсю Яда Тосифуми, заместитель директора Центра исследований региональной политики Банка развития Японии Ватанабэ Такуми [162, с. 4].

Внедряемые правительством с 2001 г. инициативы промышленного кластера и кластера знаний, направленные на развитие регионов, опираются на концептуальные кластерные модели, разработанные экономистом

---

²³ Учреждение, созданное Правительством Японии при Министерстве финансов, свое международное название – Development Bank of Japan – получило от одного из своих предшественников, его японское наименование – Банк инвестиционной политики Японии (日本政策投資銀行).

М. Портером [135; 136]²⁴, а также модели успешного развития регионов в США и Европе, сохраняя при этом японскую региональную специфику, которая выражается в высокой роли государства в указанных процессах [37, с. 40]. В обеих кластерных инициативах упор делается на укрепление связей между университетами и промышленностью в условиях каждого конкретного региона при координации со стороны местных властей. Такая трехсторонняя связка обозначается термином *сангакукан* (産学官, т. е. сотрудничество между промышленностью, академическими кругами и администрацией). В 2004 г. японские национальные университеты стали «корпоративными» образованиями с большей автономией и независимостью: такая мера направлена на повышение их эффективности, предприимчивости, способности отзываться на потребности общества, диверсификации их деятельности [113, с. 12–13].

По мнению Ф. Китагава, важно понимать специфический контекст реализации кластерной политики в Японии. До середины 1990-х гг. политика была сосредоточена главным образом на поддержании сетей малого и среднего предпринимательства (МСП) в производственном секторе. Однако, учитывая продолжающееся «опустошение» производственного сектора, такой подход был признан недостаточным. Новый акцент действий правительства был направлен на установление связей между различными группами участников, включая МСП, крупные предприятия, университеты и другие исследовательские учреждения [125].

Роль региональных исследований в контексте разработки программ региональной политики непрерывно повышается. К обсуждению инициатив по развитию регионов привлекаются как представители ведущих университетов и

---

²⁴ В 2006–2007 гг. профессор Гарвардской бизнес-школы Майкл Портер по заказу Минэкономразвития РФ производил оценку перспектив роли и места России в мировом экономическом пространстве. Анализируя проблемы регионального развития, он в своем докладе также сделал акцент на создании и развитии кластеров [26].

НИИ, так и исследовательские центры при крупных промышленных и финансовых предприятиях, а кроме этого, и специалисты-практики. В 2000-е были созданы специальные программы для активизации научно-исследовательской деятельности в сфере регионального развития. Примером может служить Программа развития исследований нового регионального консорциума, финансируемая Министерством экономики, торговли и промышленности и Программа развития региональных концентрированных совместных исследований, осуществляемая Японским агентством по науке и технике [112]. В 2010-е гг. было подготовлено множество исследовательских докладов и проектов, созданных государственными структурами при поддержке ведущих ученых в области регионального развития. В частности, в буклете «О системе возрождения регионов и системе возрождения особо выделенных регионов», выпущенном в 2014 г. Департаментом общей координации действий по активизации регионов секретариата Кабинета министров и Офисом по продвижению активизации регионов канцелярии при Кабинете министров, указывается на особую роль вузов в развитии регионов [174]. В том же году вышел Отчет экспертной комиссии «Создание родного города», содержащий информацию о работе, проведенной в течение 2013 г., формулировку концепции «Создания родного города». Он описывает элементы среды обитания человека в рамках этой концепции (отношения с окружающей средой, отношения между людьми, экономические, образовательные, культурные отношения). Отчет также определяет необходимость распространения информации о деятельности в рамках концепции по всей стране, а также конкретные меры по развитию среды обитания. Состав указанной экспертной комиссии демонстрирует комплексный подход в выборе представителей различных теоретических и практических областей, связанных с региональным развитием. В нее, в частности, входят директор НКО «Зеленая долина» (グリーンバレー) С. Оминами, профессор сельскохозяйственного факультета Университета Мэйдзи Т. Одагири, профес-

сор исследовательского центра «Будущее сердца» (こころの未来) Киотского университета Т. Камата, особый уполномоченный по программе «Создание процветающего поселка» М. Кисикава, директор-представитель корпорации «Альянс региональных инноваций» (エリア・イノベーション・アライアンス) С. Киносита, мэр г. Тоёока префектуры Хёго М. Накагай, доцент Центра регионального развития университета Акита, директор филиала в Китаакита Д. Хамада, председатель консультативного совещания Всеяпонской исследовательской группы по вопросам повседневной жизни Н. Хара, представитель совета директоров АО «Планирование активизации регионов» С. Фудзисаки, специалист по межкультурной коммуникации, приглашенный профессор Токийского сельскохозяйственного университета К. Мари [183].

Японский опыт кластерных инициатив в частности и регионализации науки и инновационной политики в целом, как полагает Ф. Китагава, демонстрирует важность таких факторов, как сведение воедино усилий крупных компаний, индивидуальных предпринимателей, вузов и научных центров в регионах; концентрация исследовательских университетов, дополненных международными исследовательскими институтами (это обеспечивает регион человеческим ресурсом с необходимыми для регионального развития профессиональными навыками); создание региональным правительством дополнительных стимулов для привлечения крупных научно-исследовательских фирм; стимулирование исследовательского потенциала всего региона через большие города, которые становятся связующими точками азиатских и международных рынков и привлекают талантливых специалистов из-за рубежа благодаря широким социальным и институциональным контактам [113, с. 22–23].

Кроме того, как указывает Ф. Китагава, регионализация инновационной политики должна быть стратегически увязана с международной и глобальной геополитикой кон-

кретных территорий, в которых расположены страны и регионы. Регионализация национальных систем науки и технологий, включая исследования, разработки и передачу технологий, а также осуществление пространственной экономической политики, такой как развитие кластеров, должны быть более стратегически скоординированными, посредством чего происходит взаимодействие между различными типами субъектов инновационной деятельности на разных географических уровнях и для различных целей. Это повлечет за собой реструктуризацию концепции региональных инновационных систем путем преодоления институционального разрыва между НИОКР и инновациями, между глобальными и местными знаниями, между мощностями промышленности и новыми технологическими траекториями, между успешными глобальными фирмами и локальными малыми и средними предприятиями [114, с. 20]. Изучение и анализ проблем такого рода находятся в поле деятельности региональных исследований.

Таким образом, роль научно-исследовательской деятельности японской науки о регионах непрерывно повышается: университеты, НИИ и исследовательские центры при частном бизнесе объединяют свои усилия для совместного поиска путей развития регионов.

5.2. РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В XXI В.

Региональные исследования как научное направление, по мнению многих японских ученых, имеют большое значение для дальнейшего развития Японии и глобального общества.

Как полагают авторы доклада «Перспективы региональных исследований в Японии», подготовленного подкомитетом по перспективам региональных исследований Научного совета Японии, современная наука о регионах при правильном подходе способна стать инструментом ре-

шения множества проблем глобального характера, связанных с региональным развитием и международным взаимодействием. [173].

Японские ученые полагают, что перед региональными исследованиями в новом тысячелетии будут поставлены нижеперечисленные задачи:

1. Поиски путей преодоления глобального экологического кризиса. Для этого ученым-регионалогам придется полностью пересмотреть взаимоотношения человека и природы, такого рода исследования будут проходить на основе объединения методов региональных исследований и экологии. Роль регионалогов – в анализе путей восприятия природы жителями различных регионов: ученые в этой отрасли должны свободно владеть иностранными языками и хорошо понимать региональную культурную специфику, они же станут трансляторами этой специфики с целью установления взаимопонимания между странами и регионами в деле решения глобальных проблем экологии.

2. Формирование путей перехода от мировой финансово-экономической системы, сфокусированной на Соединенных Штатах Америки, к системе многополярной, это позволит предупредить возможные глобальные финансовые кризисы, подобные тем, что уже случались в прошлом. Раньше одним из инструментов трансформации мировых экономических процессов были войны, но в современном мире необходимы мирные пути ее преобразования. Ученые-регионалоги как эксперты в сферах мировой политики и глобальной экономики смогут объединить плоды работы различных научных школ мира для того, чтобы найти решение поставленной проблемы.

3. Решение проблемы двойного социально-экономического неравенства: во-первых, внутри стран, во-вторых, между странами. Эта проблема, по мнению японских ученых, сформировалась как итог информационной и экономической глобализации. Как они полагают, ее решение лежит в междисциплинарном поле нескольких наук: региональных исследований, изучающих многообразие регионов мира, гуманитарно-экономической географии, рас-

крывающей принципы формирования сбалансированного общества, и международной региональной девелопментологии, исследующей проблемы бедности и факторы развития современного мира.

4. Разрешение межрегиональных конфликтов и предотвращение террористической угрозы. Этот вопрос, относящийся к сфере международной политологии, должен быть отнесен также к проблематике международных региональных исследований: ученые-регионологи, собирающие данные о языках и культурах регионов, способны разработать на их основе методы мирного межрегионального взаимодействия.

5. Предотвращение социальных конфликтов, возникающих на почве культурных различий и экономического неравенства. Японские специалисты предполагают, что информационная и экономическая глобализация, стимулирующая межстрановую миграцию, а также старение населения и снижение рождаемости в Японии будут способствовать росту количества мигрантов, что в дальнейшем может вызвать межэтнические и социальные конфликты. Решение этих конфликтов зависит от политических решений и административного управления, но для эффективности такого рода деятельности необходимо конструктивное взаимодействие со специалистами в сферах гуманитарно-экономической географии, изучающей вопросы численности населения и региональной экономики, а кроме того, антропологии и международных региональных исследований, анализирующих современное состояние «мультикультурного симбиотического общества» стран мира.

6. Модернизация административной работы в области регионального управления в условиях децентрализации власти и усиление значимости регионов в установлении контактов между странами. Для достижения этой цели в региональных университетах должны быть открыты факультеты региональных исследований, которые смогут подготовить кадры, готовые участвовать в решении вопросов региональной политики, образования, культуры и экологии.

7. Разработка новых подходов к региональным исследованиям: с их помощью будет возможность трансформиро-

вать «национально-государственную» концепцию в новые способы организации государственной структуры. Идея «национального государства» постепенно теряет свои позиции перед указанными выше глобальными и региональными проблемами, а потому ученым следует активно содействовать властным структурам в поиске новых систем управления, способных осуществлять региональную интеграцию с учетом разнообразия регионов.

8. Переоценка концепции «западный = универсальный», которая определяла развитие Японии и японской науки с эпохи Мэйдзи. Как полагают японские ученые, региональные исследования, изучающие специфику регионов мира, способны показать альтернативу тотальной ориентации на Запад, пересмотреть ее абсолют на основе новых достижений науки.

9. Организация новой системы научного знания, способствующей построению иных форм отношений человека и природы и соединяющих достижения естественных и социально-гуманитарных наук. Такая система должна быть способна аккумулировать, обрабатывать и передавать информацию об объектах изучения: достичь этого можно через совершенствование региональной информатики, берущей на вооружение географическую информатику, географические информационные системы, информационные технологии и т. д. Более того, японские специалисты прогнозируют возникновение так называемых пространственных наук, целью которых будет изучение взаимозависимости атмосферы, дикой природы и среды человеческой деятельности на основе объединения подходов естественных и социогуманитарных наук, объектом указанной отрасли будет именно «регион» в максимально широком смысле этого термина [173].

Из вышеизложенного становится очевидным, что ключом к повышению роли региональных исследований в решении глобальных проблем японские специалисты считают трансдисциплинаризацию науки, что должно стать переходом на качественно новую ступень научного знания, соединяющего подходы и достижения естественных и социогуманитарных наук.

5.3. МЕСТО РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯПОНИИ В СТРУКТУРЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Рассматривая японские региональные исследования в русле трансдисциплинарной регионологии, объединяющей достижения различных школ разных стран, следует обратиться к структуре указанной научной отрасли. Анализ различных подходов к изучению регионов в странах мира позволил нам выделить уровни и элементы трансдисциплинарной регионологии на основе трех подходов. Первый – по соотношению теории и практики, в нем выделяются такие уровни, как фактологический (сбор фактов и данных по региону), аналитический (анализ проблем регионального развития) и теоретический (разработка теоретических основ изучения регионов). Второй подход – по степени трансдисциплинарности школ, направлений и субдисциплин, в нем можно условно выделить направления монодисциплинарные (нулевой уровень трансдисциплинарности – исследования проводятся на базе одного научного направления), доминантно-дисциплинарные (междисциплинарные исследования на базе одной или нескольких наук, иногда с привлечением мультидисциплинарных подходов), мультидисциплинарные (на базе нескольких наук без выбора базовой), собственно трансдисциплинарные (без привязки к конкретным дисциплинам с привлечением неограниченного инструментария любых научных дисциплин и практического опыта). Третий подход – с точки зрения региональной специфики научных школ выделяются направления, сформировавшиеся в различных странах и регионах [31]. Объединяя все три подхода в одну схему и выстраивая эту схему по последнему из критериев (с учетом региональной специфики научных школ Японии), можно получить следующую картину (табл.).

Роль и место японских региональных исследований
в структуре трансдисциплинарной регионологии

Уровни трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления и субдисциплины регионологии в Японии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический	Отрасли, включенные японскими учеными в структуру региональных исследований: гуманитарно-экономическая география (人文・経済地理学), культурная антропология (文化人類学), международная региональная деволюментология (国際地域開発学), региональная информатика (地域情報学). Получившие распространение в России <i>международные школы и направления</i> : региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа) и др.	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>
Аналитический		Area studies (エリア・スタディーズ)
Фактологический	Area studies (エリア・スタディーズ), японоведение (日本学), краеведение (地元学, 自地域学)	

Видно, что на фактологическом уровне находятся такие дисциплины, как японоведение и краеведение, в первую очередь направленные на сбор сведений и описание региональной специфики как страны в целом, так и различных ее территорий. Area studies (как и регионоведение в России) можно отнести как к фактологическому, так и аналитическому уровню, в зависимости от задач конкретного исследования. И, наконец, аналитическая и теоретическая работа выполняется в рамках специальных субдисциплин как международного характера (в частности, региональная наука У. Айзарда), так и отнесенных к региональным исследованиям японскими учеными (например, гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная деволюментология, региональ-

ная информатика). Их теоретическая часть ограничивается той междисциплинарной сферой, которая образуется на стыке участвующих в формировании этой отрасли наук. Таким образом, выделяется лагуна, обозначенная в табл. 1 курсивом, – *теория трансдисциплинарной регионологии*, которая обобщит и систематизирует теоретические достижения различных научных дисциплин, изучающих регионы и сформированных в самих этих регионах.

В этой связи следует отметить важную роль японских региональных исследований в формировании общего поля трансдисциплинарной регионологии как науки.

Во-первых, японские регионологи осознают и подчеркивают особое место региональных исследований в развитии мировой науки. Об этом свидетельствует не только огромное количество научных и академических организаций, разрабатывающих проблемы регионов, но и то, что многие из них сошлись во мнении о перспективности разработки новой совокупности научных дисциплин – *про-странственных наук*.

Во-вторых, японская наука о регионах обладает выраженной трансдисциплинарностью. Таковыми, по мнению японских ученых, являются не только дисциплины базового – фактологического – уровня (японоведение, краеведение), но те отрасли, что находятся на аналитическом и теоретическом уровнях: об этом свидетельствует структура региональных исследований в Японии. Одно из важных измерений трансдисциплинарности – это то, что в науке о регионах изначально выделяют мультидисциплинарные комплексы, второе измерение демонстрирует ее отнесенность к разным типам наук, поскольку в нее входят не только социогуманитарные дисциплины (культурная антропология, международная региональная девелопментология) и точные науки (региональная информация), но и отрасли на стыке естественных и социогуманитарных наук (гуманитарно-экономическая география).

В-третьих, японцы отводят региональным исследованиям особую роль в решении глобальных проблем, не без

основания полагая, что углубление работы в этой сфере будет содействовать преодолению таких вызовов современного мира, как глобальный экологический кризис, мировой финансовый кризис, рост социального неравенства, сопровождающий глобализацию, региональные конфликты и терроризм, сложности мультикультурализма как следствие миграционных процессов на международном уровне и т. п.

В настоящее время первостепенной задачей ученых-регионологов, как нам кажется, должна стать дальнейшая интеграция различных школ и направлений мировой науки о регионах, и японским региональным исследованиям предстоит сыграть в этих процессах не последнюю роль.

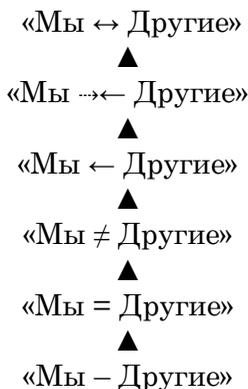
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка проблемы источников, факторов, векторов и этапов эволюции региональных исследований в Японии и их современного состояния с опорой на системный анализ и принцип континуальности позволяет сделать следующие выводы.

Изучение регионов в Японии имеет длительную историю и значимые результаты. Исторические предпосылки возникновения региональных исследований уходят корнями в традиционные японские науки, проторегионалогический компонент которых ощутимо начинает прослеживаться с VII–VIII вв. – время создания таких проторегионалогических текстов как «Фудоки» (風土記, «Записи обычаев и земель», 733 г.). В рамках историко-цивилизационного анализа обосновано выделение пяти этапов формирования и развития знания о регионах: этапы зарождения традиционного проторегионалогического знания, его упадка и обновления, а затем этапы развития имперского регионалогического знания с середины XIX до середины XX в. и институционализированных региональных исследований по сегодняшний день. Эти этапы отражают эволюцию изучаемого знания от проторегионалогического к регионалогическому, и далее – к научному в современном смысле этого слова. Каждый из этапов характеризовался особым состоянием трех концепций самоидентификации Японии и японцев («Мы – Другие», японоцентризм, противопоставление японского и неапонского знания). В работе предпринята попытка системно осмыслить эти концепции с точки зрения их эволюции во взаимной зависимости с трансформацией регионалогического знания.

Предположив, что сама необходимость формирования знаний о регионах вышла из дихотомии «Мы – Другие», где на одном из полюсов – центр (географический, культурный, административный), а на другом – периферия (в самом широком смысле этого слова, от ближайших регионов до ино-

земных), мы попытались проследить ее эволюцию. В наиболее схематичном виде она может выразиться через нижеследующую последовательность изменений отношения японцев к «Другим» (схему следует читать снизу вверх):

На первых этапах мы лишь констатируем появление концепции «Мы – Другие», инициирующей представление об «отдельности», «особости» японцев, которое, предположительно, формируется вследствие островного географического положения и долгой культурной закрытости. Сфера проторегиологического знания реагирует на это появлением в первую очередь таких текстов, как «Фудоки», а также отдельными разделами в «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.) и «Сёку нихонги» (続日本紀, «Продолжение анналов Японии», 797 г.), позднее – «Куни-но мяцую хонги» (国造本紀, «Описание управителей областей», IX в.) и «Энгисики» (延喜式, «Установления годов Энги», 967 г.). Параллельно с ними возникают и произведения околорегиологического значения, например, песенная антология «Манъёсю» (万葉集, VIII в.) и буддийские предания «Нихон рёики» (日本靈異記, «Японские легенды о чудесах», VIII–IX вв.), а позднее – такие жанры, как икэн (意見) и мэйсё (名所). Постепенно начинают выделяться целые направления для изучения себя и других: кангаку (китаеведение), рангаку/ёгаку (голландоведение, или школа европейских наук) и кокугаку

(школа национальных наук), состоящие в сложных отношениях одновременно противостояния и активного взаимного влияния.

Переход к «Мы = Другие», а затем в его полную противоположность – «Мы ≠ Другие» в период имперского регионологического знания ознаменовался трансформацией японоцентристских взглядов в крайний национализм. На этом этапе знание о регионах должно было служить укреплению позиций Японии, сначала на взаимодействие с миром и даже слияние с ним, а затем на усиление своего влияния, в том числе путем расширения территории и преобразования в материковую империю. Регионологическое знание в этот период пребывает в нескольких ипостасях. Во-первых, служит стимулом к развитию Японии, что выразилось в деятельности просветительских обществ, самыми значимыми из которых были «Бансё сирабэсё» (позднее – «Ёсё сирабэсё», «Кайсэйдзё») и «Мэйрокуся», переводе и распространении зарубежной литературы, официальных миссиях и учебных поездках за границу, колониальных исследованиях и исследованиях, организованных военными. Во-вторых, происходит внедрение регионологического знания в образование и переход от зарубежного знания к японоориентированному. В-третьих, начинается противостояние научно-ориентированного и идеологизированного регионологического знания в рамках историко-географических наук. Этот период был прерван Второй мировой войной и, в особенности, ее итогами, заставившими японскую науку пересмотреть свои подходы к осмыслению межрегиональных и внутрирегиональных отношений.

На этапе институционализации региональных исследований Япония открывается внешнему миру, что выражается в новом, промежуточном состоянии концепции «Мы ← Другие», когда страна снова готова воспринимать и принимать неамериканское знание, но уже без проявления национализма. В этот период Япония не только начинает активно впитывать американскую региональную науку и европейские концепции региональных исследований, она начинает

формировать на этой основе и собственные стратегии построения науки о регионах. Это позволяет ей сегодня перейти к полноценному позиционированию себя, своей культуры и региональных исследований миру. Сначала в режиме «Мы →← Другие» (пунктирной стрелкой выражены ее попытки представить специфику своей культуры, с одной стороны, и собственное видение межрегиональных отношений – с другой). В перспективе же речь идет о взаимодействии с миром в режиме «Мы ↔ Другие», т. е. возможности выступать с полноценными предложениями по определению места и роли Японии и региональных исследований в решении не только японских, но и глобальных проблем, а также по установлению интегрированной научной сети в области науки о регионах. Выражается это в многочисленных предложениях и докладах о перспективах региональных исследований в новом тысячелетии, вызовы которого будут существенно отличаться от всего, с чем Япония и мир сталкивались ранее. Современные школы и направления японских региональных исследований позволяют говорить о ее существенном вкладе в развитие мировой науки и о ее значительной роли в формировании трансдисциплинарной регионологии – научном направлении, призванном обобщить и систематизировать подходы к изучению регионов в самих регионах. В этой картине мира Япония видит себя преодолевшей японоцентризм и вступившей в эпоху комплексного и полноценного научного и культурного взаимодействия с мировым сообществом.

Таким образом, углубленный анализ регионологических исследований в русле трансдисциплинарной регионологии позволяет дать оценку культурно-цивилизационному вектору развития науки о регионах, выявив своеобразие и континуальность этапов её эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература на русском языке

1. Ананьев В. В., Табада Л. Ч. Коммуникативный потенциал девизов правления в современной Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы III Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–8 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 59–73.
2. Борисова Д. Д., Кысина П. И., Анохина М. Е. Особенности развития японской модели управления «Кейрецу» и южнокорейской «Чеболь» // Бюллетень науки и практики. 2017. № 10 (23). С. 223–227.
3. Верисоцкая Е. В. Некоторые вопросы теории цивилизаций в исторической мысли России и Японии XVIII в. // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 70–89.
4. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция: Доклады и сообщения (Москва, 16–19 сентября 2014 г.). М. : Институт языкознания РАН, 2014. С. 302–309.
5. Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М. : Наука, 1980. 342 с.
6. Воробьев М. В., Соколова В. Г. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М. : ГРВЛ, 1976. 231 с.
7. Воробьева Н. А. Особенности японской модели государственного регулирования экономики // Известия Восточного института. 2007. № 14. С. 75–84.
8. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.
9. Грачёв М. В. Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзюни кадзё» – «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.) // Политическая культура древней Японии / под ред. А. Н. Мещерякова. М. : РГГУ, 2005. С. 109–181. (Orientalia et Classica : Тр. Ин-та вост. культур и античности).
10. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М. : Наука, 1979. 368 с.

11. Дацышен В. Г. Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. // Японские исследования. 2016. № 1. С. 6–19.
12. Дацышен В. Г. Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 135–143.
13. Дацышен В. Г. Советско-японская война 1945 г. (к проблеме исторической литературы и источников) // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Чита, 11–12 сент. 2015 г. : в 2 ч. / под ред. Е. В. Дроботушенко. Чита : ЗабГУ, 2015. С. 81–90.
14. Дацышен В. Г. Новая история Японии : учеб. пособие. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. 200 с.
15. Демьяненко А. Н. О регионалистике... (некоторые соображения) // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 1. С. 8–17.
16. Дружинин Н. Л. Дуализм японской экономики и послевоенная система кэйрэцу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5, Экономика. 2008. № 2. С. 34–41.
17. Идзумо-фудоки / пер., коммент. и предисл. К. А. Попова. М. : Наука, 1966. 225 с. (Памятники письменности Востока ; XIII)
18. Изотова Н. Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 179–182.
19. Кайбара Э., Нисикава Д. Поучение в радости. Мешок премудростей горожанину в помощь / пер. с яп. А. Мещерякова. СПб. : Гиперион, 2016. 256 с.
20. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения // IV Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020.
21. Карелова Л. Б. Пространство и время в философии Нисида Китаро // Японские исследования. 2018. № 1. С. 71–79.
22. Кацурагава Х. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / пер. с яп., коммент. и прил. В. М. Константинова ; отв. ред. В. Н. Горегляд. М. : Наука, 1978. 430 с. (Памятники письменности Востока. XLI)
23. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М. : ИФ РАН, 2009. 205 с.

24. Кобзев А. И. Специфика китайской традиционной науки // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. 2009. С. 18–27.
25. Кобзев А. И. Сяншучжи-сюэ // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. 2006. С. 419–421.
26. Конкуренентоспособность на распутье : направления развития российской экономики / М. Портер, К. Кетелс, М. Дельгадо, Р. Брайден. М. : Центр стратег. разработок. URL: <http://sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER RFstrategy.pdf>.
27. Конрад Н. И. Япония. Народ и государство (Исторический очерк). Петроград : Наука и школа, 1923. 168 с.
28. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие. М. : Wolters Kluwer Russia, 2010. 624 с.
29. Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионовед. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 23–31.
30. Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 157–165.
31. Кремнёв Е. В. Структура трансдисциплинарной регионологии как научной дисциплины // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионоведч. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 32–43.
32. Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Осмысление концепций Нисиды Китаро о пространстве в контексте современных региональных исследований В Японии // IV Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебряникова]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020.
33. Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки // Регинология. 2020. Т. 28, № 2. С. 279–302.

34. Кремнёв Е. В., Шалина И. В. Японские организации в сфере региональных исследований: история, современное состояние, актуальная проблематика // Регионалистика. 2020. Т. 7, № 2. С. 37–48.

35. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3 (50). С. 65–75.

36. Кремнёв Е. В., Шалина И. В., Озеров Д. Г. К вопросу о направлениях региональных исследований в Японии // Slovak international scientific journal. 2019. № 33. С. 14–17.

37. Ксенофонтова О. Л. Опыт зарубежных стран по созданию и функционированию кластеров: модельный подход // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2015. № 2 (42). С. 36–42.

38. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионоведч. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 44–51.

39. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

40. Кузнецова О. В., Пелихова Д. В. Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионоведч. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 52–61.

41. Леонтьева Е. Л. Дефляционный кризис в Японии. М. : ИМЭМО РАН, 2007. 56 с.

42. Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 297–304.

43. Лесниковская Е. В. Концепция территориального капитала в современной парадигме регионального развития // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионо-

ведч. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 62–69.

44. Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44), ч. 2. С. 134–137.

45. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. Науч.-практ. регионведч. конф. Кн. 2. Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.

46. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. : Апрель : Изд-во АСТ : Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с.

47. Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 424 с.

48. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М. : Наталис, 2009. 736 с.

49. Мещеряков А. Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев // Ежегодник «Япония». 2015. С. 266–288.

50. Мещеряков А. Н. Самая красивая: природа Японии в интерпретации Сига Сигэтака // История и современность. 2012. С. 111–137.

51. Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии : учеб. пособие для вузов. М. : Наталис, 2010. 544 с. (Восточная коллекция).

52. Неборский Е.В. Технополис как форма развития инновационных исследований // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2012/01/565> (дата обращения: 29.10.2020).

53. Нихон рё:ики – Японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й / пер. со старояп., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. М. : Гиперион, 1995. 256 с.

54. Нихон сёки. Анналы Японии / пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб. : Гиперион, 1997. Т. 1. 495 с.

55. Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) //

Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 5–20.

56. Новая история Японии : учеб. пособие. М. : Directmedia, 2014. 193 с.

57. Новикова А. А. Синтез восточных и западных географических представлений в трактате «Нихон суйдо ко» Нисикава Дзёкэн (1648–1724) // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2014. № 3. С. 30–43.

58. Озеров Д. Г. Анализ работ научных школ Японии по проблемам регионального развития // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 мая 2019 г. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 34–37.

59. Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун. «Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях» / пер., вступ. ст. и коммент. В. Н. Горегляда. СПб. : Гиперион, 2009. 392 с.

60. Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958.

61. Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность (Ч. 1) // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102–109.

62. Попов К. А. Фудоки // Китай, Япония. История и филология. М., 1961. С. 182–199.

63. Расулов Т. С., Махмасобирова Н. У. Японский опыт кластеризации национальной экономики // Экономика и финансы. 2017. № 8. С. 31–37.

64. Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / пер. А. Н. Мещерякова, ред. Е. В. Попова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 905 с.

65. Симонова-Гудзенко Е. К. Карты Гёги – модель изображения японского архипелага на восточноазиатских и европейских географических картах XV–XVIII вв. // Ломоносовские чтения. Востоковедение : тез. докл. науч. конф. (Москва, 18 апр. 2016 г.) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки ; [отв. ред. В. Е. Смирнов]. М. : ТЕЗАУРУС, 2016. С. 65–68.

66. Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2006. 384 с.

67. Симонова-Гудзенко Е. К. Топоним в политической культуре средневековой Японии // Японские исследования. 2016. № 2. С. 26–42.

68. Скворцова Е. Л. Японская культура в воззрениях Нисиды Китаро // Философские науки. 2018. № 8. С. 46–66.

69. Суровень Д.А. Первые исторические сочинения и использование письменности в Японии конца V – первой половины VI веков // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы : сб. материалов V Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Октябрь 2014 г. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 86–106.

70. Сыромятников Н. А. Классический японский язык / отв. ред. И. Ф. Вардуль. 2-е изд. М. : Вост. лит., 2002. 152 с.

71. Тояма Сигэки. Мэйдзи исин (Крушение феодализма в Японии) / пер. с яп. В. П. Алексеева, Г. И. Подпаловой, К. А. Попова и П. П. Топеха ; предисл. П. П. Топеха ; ред. Г. И. Подпаловой. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 364 с.

72. Фудоки / пер., коммент. и предисл. К. А. Попова. М. : Наука, 1969. 340 с. (Памятники письменности Востока. XXVIII).

73. Хауленд Д. Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. / пер. с англ. А. В. Матешук ; науч. консультант Е. Л. Скворцова. М. ; Челябинск : Социум; Мысль, 2020. 378 с.

74. Шалина И. В. Первые японцы в России в конце XVII–XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия : автореферат : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Ин-т монголо-ведения, буддологии и тибетологии Бурят. науч. центра РАН. Улан-Удэ, 2006. 19 с.

75. Японский феномен глазами российских японоведов / под ред. И. П. Лебедевой, А. Н. Мещерякова, Д. В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс. 2018. 400 с.

Литература на английском языке

76. Abdel-Rahman H., Fujita M. Product variety, Marshallian externalities, and city sizes // Journal of Regional Science. 1990. N 30. P. 165–183.

77. Abe H. and Alden J. D. Regional Development Planning in Japan // Regional Studies. 1988. N 22. P. 429–438.

78. Abe S. Regional innovation systems in the less-favoured region of Japan // Regional Innovation Systems / ed. by P. Cooke, M. Heidenreich and H. J. Braczyk. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 261–290.

79. Akai, N., Sakata, M. Fiscal decentralization contributes to economic growth: Evidence from state-level crosssection data for the United States // *Journal of Urban Economics*. 2002. N 52. P. 93–108.
80. Akita, T. Decomposing regional income inequality in China and Indonesia using two-stage nested Theil decomposition method // *Annals of Regional Science*. 2003. N 37. P. 55–77.
81. Bently J. R. *The Birth and Flowering of Japanese Historiography: From Chronicles to Tales to Historical Interpretation*. The Oxford History of Historical Writing, 2012; 2: 58–79.
82. Berliant, M., & Mori, T. Beyond urban form: How Masahisa Fujita shapes us // *International Journal of Economic Theory*. 2017. N 13. P. 5–28.
83. Brownlee J. S. *Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712)*. Waterloo, 1991. 174 p.
84. Cooke P. Introduction: Regional innovation systems – an evolutionary approach // *Regional Innovation Systems* / ed. by P. Cooke, M. Heidenreich, H. J. Braczyk. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 1–18.
85. Cooke P., De Laurentis C., Todtling F. and Trippel M. *Regional Knowledge Economies: Markets, Clusters and Innovation*. Cheltenham: Edward Elgar, 2007.
86. Cranston E. A. *A Waka Anthology: Vol. 1: The Gem-Glistening Cup*. Stanford, 1998. 1016 p.
87. Deng, X., Huang, J., Rozelle, S., Uchida, E. Growth, population and industrialization, and urban land expansion of China // *Journal of Urban Economics*, 2008. N 63. P. 96–115.
88. Eswaran M., Kanemoto Y., Ryan D. A dual approach to the locational decision of the firm // *Journal of Regional Science*. 1981. N 21. P. 469–490.
89. *Fifty Years of Regional Science* / Ed. By Raymond Florax, David A. Plane. Berlin : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2004. 400 p.
90. Freeman C. Japan: a new national system of innovation? // *Technical Change and Economic Theory* / G. Dosi [et al.] (eds). London : Pinter, 1988. P. 330–348.
91. Fujita M., Ogawa H. Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations // *Regional Science and Urban Economics*. 1982. N 12. P. 161–196.
92. Fujita M. A monopolistic competition model of spatial agglomeration: Differentiated product approach // *Regional Science and Urban Economics*. 1988. N 18. P. 87–124.

93. Fujita M. Spatial patterns of residential development // *Journal of Urban Economics*. 1982. N 12. P. 22–52.
94. Fujita, M. Spatial patterns of urban growth: Optimum and market // *Journal of Urban Economics*. 1976. N 3. P. 209–241.
95. Fujita M., Krugman P. When is the economy monocentric?: von Thünen and Chamberlin unified // *Regional Science and Urban Economics*. 1995. N 25. P. 505–528.
96. Fujita M., Mori T. Frontiers of the new economic geography // *Papers in Regional Science*. 2005. N 84. P. 377–405.
97. Fujita M., Hu D. Regional disparity in China 1985–1994: The effects of globalization and economic liberalization // *Annals of Regional Science*, 2001. N 35. P. 3–37.
98. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future // *Papers in Regional Science*. 2004. N 83. P. 139–164.
99. Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems // *Regional Science and Urban Economics*. 1997. N 27. P. 399–442.
100. Fujita M., Tabuchi T. Regional growth in postwar Japan // *Regional Science and Urban Economics*. 1997. N 27. P. 643–670.
101. Fujita M., Thisse J.-F. New economic geography: An appraisal on the occasion of Paul Krugman's 2008 Nobel Prize in Economic Sciences // *Regional Science and Urban Economics*. 2009. N 39. P. 109–119.
102. Galychyn O. Regional Development in Japan // *International Journal of Science and Research*. 2018. Vol. 8 (3). P. 55–99.
103. Goodman A. C., Kawai M. Permanent income, hedonic prices, and demand for housing: New evidence // *Journal of Urban Economics* 1982. N 12. P. 214–237.
104. Hassink R. Regional innovation support systems in South Korea and Japan compared // *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie*. 2000. N 44. P. 228–245.
105. Holly S., Pesaran M. H., Yamagata T. The spatial and temporal diffusion of house prices in the UK // *Journal of Urban Economics*. 2011. N 69. P. 2–23.
106. Iimi A. Decentralization and economic growth revisited: An empirical note // *Journal of Urban Economics*. 2005. N 57. P. 449–461.
107. Isard W. *History of Regional Science and the Regional Science Association International. The Beginnings and Early History*. Berlin, Heidelberg, New York : Springer-Verlag, 2003. 267 p.
108. *Japanese Economics and Economists since 1945* / ed. by Aiko Ikeo. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2014. 312 p.

109. Kanemoto Y. Cost-benefit analysis and the second best land use for transportation // *Journal of Urban Economics*. 1977. N 4. P. 483–503.
110. Kawashima T. Urban agglomeration economies in manufacturing industries // *Papers in Regional Science*. 1975. N 34. P. 157–172.
111. Kim H.Y., McCann P. Japanese contributions to regional science // *Papers in Regional Science*. 2020. N 99. P. 389–402.
112. Kitagawa F. From technopolis, cluster to regional science policy? : Japanese regional development policy 1980s – 2000s // *International experiences of regional policy and policy implications for Korea : 2008 KDI International Conference*. Seoul, 2008a. P. 201–232.
113. Kitagawa F. Policy Reforms, New University-Industry Links and Implications for Regional Development in Japan // *Papers in Innovation Studies*. 2008b. No. 2008/8. Lund University, CIRCLE – Center for Innovation, Research and Competences in the Learning Economy. URL: <http://www.circle.lu.se/publications/> (дата обращения: 29.10.2020).
114. Kitagawa F. Regionalization of innovation policies: the case of Japan // *European Planning Studies*. 2005. N 13. P. 601–618.
115. Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern Transdisciplinary Regionology: the Goal and the Objectives // *Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences* (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803> (дата обращения: 29.10.2020).
116. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. N 99. P. 483–499.
117. Krugman, P. First nature, second nature, and metropolitan location // *Journal of Regional Science*. 1993a. N 33. P. 129–144.
118. Krugman, P. On the number and location of cities // *European Economic Review*. 1993b. N 37. P. 293–298.
119. Krugman P. R. The Role of Geography in Development // *International Regional Science Review*. 1999. Vol. 22, N 2. P. 142–161.
120. Lang W. W., Nakamura L. I. A model of redlining // *Journal of Urban Economics*. 1993. N 33. P. 223–234.
121. Ludden D. Area studies in the age of gobalization. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm> (дата обращения: 29.10.2020).
122. Matsushima N., Matsumura T. Mixed oligopoly, foreign firms, and location choice // *Regional Science and Urban Economics*. 2006. No 36. P. 753–772.
123. Miyoshi Masao. *As We Saw Them: The First Japanese Embassy to the United States (1860)*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979.

124. Mizutani F., Urakami T. Identifying network density and scale economies for Japanese water supply organizations // *Papers in Regional Science*. 2001. N 80. P. 211–230.
125. Motohashi K. University–industry collaborations in Japan: the role of new technology-based firms in transforming the national innovation system // *Research Policy*. 2005. N 34. P. 583–594.
126. Mun S., Konishi K., Yoshikawa K. Optimal cordon pricing // *Journal of Urban Economics*. 2003. N 54. P. 21–38.
127. Murata Y. Product diversity, taste heterogeneity, and geographic distribution of economic activities: Market vs. non-market interactions // *Journal of Urban Economics*. 2003. N 53. P. 126–144.
128. Nakamura R. Agglomeration economies in urban manufacturing industries: A case of Japanese cities // *Journal of Urban Economics*. 1985. No 17. P. 108–124.
129. Narashima M. N. *The rise of modern nationalism in Japan*. New Delhi, 1973.
130. Odagiri H., Goto A. The Japanese system of innovation: past, present, and future // *National Innovation Systems* / ed. by R. R. Nelson. Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 76–114.
131. Ogawa H., Fujita M. Equilibrium land use patterns in a non-monocentric city // *Journal of Regional Science*. 1980. N 20. P. 455–475.
132. Ota M., Fujita M. Communication technologies and spatial organization of multi-unit firms in metropolitan areas // *Regional Science and Urban Economics*. 1993. N 23. P. 695–729.
133. Philippi D. L. Kojiki. Princeton, 1968. 665 p.
134. Pierson Jr. J. L. *The Manyōshū*. Translated and Annotated. Book 1. Leyden, 1929. 240 p.
135. Porter M. Clusters and the new economies of competitiveness // *Harvard Business Review*. 1998. December. P. 77–90.
136. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. London : Macmillan, 1990.
137. Sakashita N. Production function, demand function and location theory of the firm // *Papers in Regional Science*. 1968. N 20. P. 109–122.
138. Sasaki K., Ohashi T., Ando A. High-speed rail transit impact on regional systems: Does the Shinkansen contribute to dispersion? // *Annals of Regional Science*. 1997. N 31. P. 77–98.
139. Schafer W. Reconfiguring area studies for the global age // *Globality Studies Journal*. 2010. N 22. URL: <https://gsj.stonybrook.edu/>

article/reconfiguring-area-studies-for-the-global-age/ (дата обращения: 10.05.2019).

140. Shapira P. Putting Innovation in Place: Policy Strategies for Industrial Services, Regional Clusters, and Manufacturing SMEs in Japan and the United States // Prometheus. 2008. Vol. 26, N 1. P. 69–87.

141. Sideway J. D. Geography, globalization and the problematic of area studies // Journal Annals of the Association of American Geographers. 2013. Vol. 103, Iss. 4. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2012.660397> (дата обращения: 29.10.2020).

142. Smith N. Remapping area Knowledge. Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii's Press, 2010. P. 24–40.

143. Starrs R. The Kojiki as Japan's National Narrative. In Asian Futures, Asian Traditions. Edited by Edwina Palmer. Folkestone, 2005. 442 p.

144. Szanton D. The origin, Nature and Challenges of Area Studies in the United States. URL: <https://escholaship.org/uc/item/59n2d2n1> (дата обращения: 10.05.2019).

145. Tabuchi T. Bottleneck congestion and modal split // Journal of Urban Economics. 1993. N 34. P. 414–431.

146. Tabuchi T. Two-stage two-dimensional spatial competition between two firms // Regional Science and Urban Economics. 1994. N 24. P. 207–227.

147. Tabuchi T. Urban agglomeration and dispersion: A synthesis of Alonso and Krugman // Journal of Urban Economics. 1998. N 44. P. 333–351.

148. Varley N. P. Japanese culture. Tokyo, 1974.

149. Woolgar L. New Institutional Policies for University-Industry Links in Japan // Research Policy. 2007. N 36. P.1261–1274.

150. Yamano N., Ohkawara T. The regional allocation of public investment: Efficiency or equity? // Journal of Regional Science. 2000. N 40. P. 205–229.

Литература на японском языке

151. 足立明. 立本成文著 『地域研究の問題と方法——社会文化生態力学の試み』 // ソシオロジ. 1998. 43 (2). P. 91–101.

152. 維新史. 第5巻 維新史料編纂事務局 1939–1941. [電子リソース] 369 ページ. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1917908/207> (дата обращения: 15.03.2020).
153. 今井福治郎. 房総万葉地理の研究. 東京: 春秋社, 1964. 430 ページ.
154. 白杵陽. 特集にあたって // 地域研究論集. Vol. 2, No. 1. 1999 年 3 月. P. 5–6.
155. 改訂新版世界大百科事典. 平凡社 2007 年 9 月.
156. 河原塚, 智恵子, 飯田浩美, 吉野智和. 地域学の可能性. 2009. URL: http://www.hitozukuri.or.jp/jinzai/seisaku/80kenkyu/05/H20/H20_CG.htm (дата обращения: 29.10.2020).
157. 熊田淳美. 三大編纂物 群書類従・古事類苑・国書総目録 の出版文化史. 東京勉誠出版、2009 年 3 月 320 ページ.
158. グローバル化時代における地域研究の強化へ向けて. 日本学術会議. 地域研究委員会. 地域研究基盤整備分科会. 平成 20 年 (2008 年) 8 月 28 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-20-h62-2.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
159. 公設試.jp. URL: <http://www.kosetsushi.jp> (дата обращения: 29.10.2020).
160. 古田良一. 新日本歴史要説 / 東京: 同文書院, 1952. 219 ページ.
161. 小林潔, 黒野義文『露和通俗会話篇』について (St. Petersburg, 1894) // 神奈川大学人文学会. 人文研究. No. 176. 2012 年. P. 59–93.
162. これからの地域政策を考える // RPレビュー. 2000. No. 1. Vol. 1. P. 4–11.
163. 安藤哲郎. 説話文学における舞台と内容の関連性—平安時代の都とその周辺を対象に— // 人文地理. 2008. 第 60 巻第 1 号. 41–54 ページ.
164. 柴宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016 年 11 月. 第 2 号.
165. 昭和堂. 地域環境情報から考える地球の未来 // シーダー. 2009. 3.
166. 続日本紀. 新日本古典文学大系. 東京: 岩波書店, 1996. 第 12 巻.
167. 大学教育の分野別質保証のための教育課程編成上の参照基準. 地域研究分野平 // 日本学術会議. 2014 年 9 月 3 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-22-h140903.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

168. 立本成文. 地域研究の問題と方法 — 社会文化生態力学の試み. 京都: 京都大学学術出版会, 1996. 364 ページ.
169. 小川鼎三. 解体新書—蘭学をおこした人々. 東京: 中央公論社, 1968. 195 ページ.
170. 田中彰. 開国と倒幕 [集英社版日本の歴史 15]. 東京: 集英社, 1992. 344 ページ.
171. 田原史起. 「地域を突き抜ける」地域研究 --コミュニティの可能性 // 地域研究. 2012. No. 12 (2). 131–148 ページ.
172. 地域学の推進の必要性についての提言. 太平洋学術研究連絡委員会 地域学研究専門委員会報告 // 日本学術会議. 2000 年 6 月 26 日. URL: http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/17htm/17_43.html#mokuji (дата обращения: 29.10.2020).
173. 地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2010 年 4 月 5 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
174. 地域再生制度, 特定地域再生制度について. 内閣官房地域活性化統合事務局, 内閣府地域活性化推進室. 2014.
175. 藤原 暹. 熊沢蕃山と西川如見—水土(風土)観を中心に // 季刊日本思想史. 東京, 1992 (38). P. 38–54.
176. 中生勝美. 地域研究と植民地人類学 // 地域研究論集. Vol. 2, No. 1. 1999 年 3 月. P. 19–36.
177. 辻善之助. 日本文化史 (第 7 卷). 東京: 春秋社, 1950. 202 ページ.
178. 原覚天. 現代アジア研究成立史論—満鉄調査部・東亜研究所・IPRの研究. 東京: 勁草書房, 1984. 982 ページ.
179. 原田信男. コメを選んだ日本の歴史. 東京: 文藝春秋, 2007. 262 ページ.
180. 広辞苑. 東京: 岩波書店, 1969.
181. 不透明化する世界と地域研究の推進 — ネットワーク化による体制の強化に向けて — // 日本学術会議. 2020 年 9 月 1 日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-24-t295-4.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
182. 古川哲史. 西村茂樹 (日本大百科全書 17). 小学館、1987 年.
183. ふるさとづくり. 有識者会議報告. ふるさとづくり有識者会議. 27.03.2014.
184. 沼田次郎. 洋学伝来の歴史. 東京: 至文堂, 1960. 216 ページ.

185. 重富真一. 比較地域研究試論 // アジア経済. 2012. 第 540 巻第 4 号. 23-33 ページ.

186. 真柳誠. 魯迅のエッセイ『皇漢医学』について // 日本医史学雑誌. 2003 年 3 月. 49 巻 1 号. 40-41 頁.

187. 末近浩太. 地域研究の学び方. URL: [http://www.ritsumei.ac.jp/ir-navi/common/pdf/senmon/senmon_text_11.pdf](http://www.ritsumei.ac.jp/ir/navi/common/pdf/senmon/senmon_text_11.pdf) (дата обращения: 29.10.2020).

188. 須藤圭. 京都学を俯瞰する. 解釈の多様性と揺れをめぐって. URL: <http://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/lt/rb/649/649PDF/sudo.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

189. 村山吉廣. 漢学者はいかに生きたか: 近代日本の漢学. 東京: 大修館書店、1999. 240 ページ.

190. 明治初期の高等教育 // 学制百年史. 文部科学省. URL: https://web.archive.org/web/20110323093234/http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpbz198101/hpbz198101_2_033.html (дата обращения: 29.10.2020).

191. 「明治」の由来は何か? 明治神宮 Q&A [電子リソース] // 明治神宮. URL: <http://www.meijijingu.or.jp/qa/gosai/07.html> (дата обращения: 11.03.2020).

192. 本岡武. 地域研究とはなにか. URL: <https://repository.kulib.kyoto-u.ac.jp/dspace/bitstream/2433/54785/1/KJ00000132260.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

193. 柳原邦光. 地域学への招待. URL: [http://repository.lib.tottori-u.ac.jp/files/public/0/5533/20180622145213811424/rs14\(1\)_203.pdf](http://repository.lib.tottori-u.ac.jp/files/public/0/5533/20180622145213811424/rs14(1)_203.pdf) (дата обращения: 29.10.2020).

194. 柳澤雅之. 自然科学分野の地域研究 — 地域情報の限定性を克服するために // 地域研究. 12 巻 (2012) 2 号. P. 116-130.

195. 山室信一. 思想課題としてのアジア. 東京: 岩波書店, 2001. 832 ページ.

196. 山本嘉孝. 中村蘭林の文章学 — 十八世紀日本における朱子学の展開 // 日本思想史学. 東京, 2015 (47). P. 126-143.

197. 山本成之助. 日本科学史. 東京: 日本出版、1944. 194 ページ.

198. 山本博之. [総特集にあたって] 新しい地域研究をめざして // 地域研究方法論. 2012a. 12 巻 2 号. P. 6-15.

199. 山本博之. 地域研究方法論——想定外に対応する「地域の知」// 地域研究. 2012b. 12 卷 2 号. P. 18–27.

Литература на китайском языке

200. 山海经 / 遵讀及譯註黃正謙. 香港: 中華書局(香港)出版有限公司. 2014. 388 页.

201. 李宗克. 社会学本土化论题的历史演进与理论反思: 博士学位论文. 专业名称: 社会学. 上海: 华东理工大学, 2013. 132 页.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КРУПНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²⁵

Название организации ²⁶	Оригинальное название	Английское название	Сайт (на яп./англ. ²⁷ яз.)
Японский консорциум региональных исследований	地域研究コンソーシアム	Japan Consortium for Area Studies (JCAS)	http://www.jcas.jp/index.html http://www.jcas.jp/en/index.html
В составе консорциума 105 организаций (в том числе созданных при университетах Японии), их список с указанием сайтов: на японском языке: http://www.jcas.jp/links/index.html на английском языке: http://www.jcas.jp/en/about/links/index.html			
Японский координационный совет ассоциаций региональных исследований	地域研究学会連絡協議会	Japanese Council of Area Studies Associations (JCASA)	http://www.jcas.jp/asjcasa/index-j.html
В составе совета 19 организаций, список с указанием сайтов этих организаций: на японском языке: http://www.jcas.jp/asjcasa/jcasa-member.html			
Организация сотрудничества в сфере географии	地理学連携機構	Japan Organization of Geographical Sciences (JOGS)	https://www.ajg.or.jp/JOGS/
Создана совместно с Союзом географических ассоциаций и Координационным советом ассоциаций гуманитарно-экономической географии. В ее составе – 31 организация, список с указанием сайтов этих организаций: на японском языке: https://www.ajg.or.jp/JOGS/SocList.html			
Союз географических ассоциаций (при Японской ассоциации географов)	地理関連学会連合	Japanese Geographical Union	http://www.ajg.or.jp/union/ http://www.ajg.or.jp/union/english.html
В составе союза 26 организаций, список с указанием сайтов этих организаций: на японском языке: http://www.ajg.or.jp/union/associate.html			

²⁵ Здесь и далее одним из базовых критериев выборки стало участие этих организаций в институционализации региональных исследований как научного направления: участие в обсуждениях такого рода, подготовка докладов и предложений, позиционирование себя как учреждения, ответственного к этой области науки. Менее крупные организации, изучающие конкретные регионы, можно найти по ссылкам, указанным в описании более крупных учреждений.

²⁶ Японские и английские названия одной и той же организации нередко имеют существенные расхождения. Здесь и далее при приведении русскоязычного названия мы ориентировались на оригинальное японское наименование, реже на попытку соединить оба варианта.

²⁷ Здесь и далее – при наличии.

Координационный совет ассоциаций гуманитарно-экономической географии (при Ассоциации гуманитарной географии Японии, HGSJ)	人文・経済地理関連学会協議会	Не указано	http://hgsj.org/link/kyougikai/
---	----------------	------------	---

В составе совета 21 организация

Координационный совет ассоциаций в сфере антропологии (при Японском обществе культурной антропологии, JASCA)	人類学関連学会協議会	Не указано	http://www.jasca.org/related_assoc/frame.html
--	------------	------------	---

Организация исследований культуры человека	人間文化研究機構	National Institutes for the Humanities (NIHU)	https://www.nihu.jp/ja https://www.nihu.jp/en
--	----------	---	--

Объединяет 6 организаций и имеет 2 центра в своей структуре, список – на главной странице сайта

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УПОМЯНУТЫЕ В РАБОТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Название организации	Оригинальное название	Англоязычное название	Сайт (на яп./англ. яз.)
Международный центр исследований японской культуры (Нитибункэн)	国際日本文化研究センター (日文研)	International Research Center for Japanese Studies	https://www.nichibun.ac.jp/pc1/ja/ https://www.nichibun.ac.jp/pc1/en/
Общество прикладной региональной науки	応用地域学会	Applied Regional Science Conference, ARSC	http://www.arsc.org/jp/ http://www.arsc.org/en/index.html
Японская ассоциация международной политики	日本国際政治学会	Japan Association of International Relations, JAIR	https://jair.or.jp/
Японское общество международного развития	国際開発学会	Japan Society for International Development, JASID	https://www.jasid.org/ https://www.jasid.org/C00

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ БОЛЕЕ КРУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НЕПОСРЕДСТВЕННО НЕ СВЯЗАННЫХ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Название организации	Оригинальное название	Англоязычное название	Сайт (на яп./англ. яз.)
Комитет региональных исследований Японского научного совета	日本学会地域研究委員会	Science Council of Japan, Committee for regional studies	http://www.scj.go.jp/ja/member/iinkai/bunya/chiki/index.html
В составе комитета 11 подразделений, кроме того, имеется 9 подразделений, созданных им совместно с другими отделами Научного совета Японии. Их список: на японском языке: http://www.scj.go.jp/ja/member/iinkai/bunya/chiki/index.html			
Японское отделение Международной ассоциации региональной науки	日本地域学会	The Japan Section of the Regional Science Association International	http://jsrsai.jp/ja/ http://jsrsai.jp/en/

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

УПОМЯНУТЫЕ В РАБОТЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХ ЯПОНИИ, РАБОТАЮЩИЕ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²⁸

Название организации	Оригинальное название	Англоязычное название	Сайт (на яп./англ. яз.)
Киотский университет	京都大学	Kyoto University	https://www.kyoto-u.ac.jp/en/ https://www.kyoto-u.ac.jp/ja/
Институт региональных исследований Юго-Восточной Азии	東南アジア地域研究研究所	Center for Southeast Asian Studies (CSEAS)	https://kyoto.cseas.kyoto-u.ac.jp/ https://en.kyoto.cseas.kyoto-u.ac.jp/
Образован в 2017 г. путем объединения Информационного центра интегрированных региональных исследований (地域研究統合情報センター, Center for Integrated Area Studies, CIAS) с Институтом исследований Юго-Восточной Азии (東南			

²⁸ Приведены примеры организаций, в которых есть научные центры общего профиля в сфере региональных исследований, в список не включались многочисленные исследовательские центры, изучающие конкретные регионы (многие из них входят в Японский консорциум региональных исследований, см. прил. 1).

アジア研究所). Англоязычное название позаимствовано у последнего, японское название обновлено путем добавления слова 地域 («региональный»). В его составе 5 подразделений: кросс-региональных исследований, политического и экономического, социального, экологического сосуществования и глобальной гуманитарной сферы

Токийский университет	東京大学	Tokyo university	https://www.u-tokyo.ac.jp/ja/index.html https://www.u-tokyo.ac.jp/en/index.html
Организация глобальных региональных исследований	グローバル地域研究機構	Institute for Advanced Global Studies, IAGS	https://www.c.u-tokyo.ac.jp/info/research/organization/iags/index.html https://www.c.u-tokyo.ac.jp/eng_site/info/research/organization/iags/index.html

В составе организации 10 центров региональных исследований, список с указанием сайтов этих организаций можно найти по тем же ссылкам

Университет Васэда	早稲田大学	Waseda University	https://www.waseda.jp/top https://www.waseda.jp/top/en
Организация региональных и межрегиональных исследований	地域・地域間研究機構	Organization for Regional and Inter-regional Studies	https://www.waseda.jp/inst/oris/ https://www.waseda.jp/inst/oris/en/

Включает 5 подразделений: азиатских, американских, европейских, африканских и межрегиональных исследований

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ПРИМЕРЫ УЧЕБНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И ПРОГРАММ ВУЗОВ ЯПОНИИ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²⁹

Название организации	Оригинальное название	Англоязычное название	Сайт (на яп./англ. яз.)
Азиатско-Тихоокеанский университет Рицумэйкан	立命館アジア太平洋大学	Ritsumeikan Asia-Pacific University	http://www.apu.ac.jp/home/ http://en.apu.ac.jp/home/
Колледж Азиатско-Тихоокеанских исследований	アジア太平洋学部	College of Asia Pacific Studies (APS)	https://admissions.apu.ac.jp/course/aps/
Отдел аспирантуры в сфере Азиатско-Тихоокеанских исследований	アジア太平洋研究科	Graduate School of Asia Pacific Studies (GSA)	https://admissions.apu.ac.jp/graduate/academics/gsa_master/
Киотский университет	京都大学	Kyoto University	https://www.kyoto-u.ac.jp/en/ https://www.kyoto-u.ac.jp/ja
Отдел аспирантуры в области региональных исследований Азии и Африки	アジア・アフリカ地域研究研究科	Graduate School of Asian and African Area Studies (ASAFAS)	https://www.asafas.kyoto-u.ac.jp/ https://www.asafas.kyoto-u.ac.jp/en/
В составе три отделения: глобальных региональных исследований, региональных исследований Юго-Восточной Азии, региональных исследований Африки			
Международный христианский университет	国際基督教大学	International Christian University	https://www.icu.ac.jp/ https://www.icu.ac.jp/en/
Междисциплинарное направление	学際的なメジャー	Multidisciplinary Majors	https://www.icu.ac.jp/academics/undergraduate/major/
Междисциплинарное межакадемическое направление включает такие специальности, как японские, американские, азиатские, глобальные исследования, а также исследования развития, мирного сосуществования, окружающей среды			
Педагогический университет Хоккайдо	北海道教育大学	Hokkaido University of Education	https://www.hokkyodai.ac.jp/

²⁹ Представлены именно учебные подразделения, исследовательская деятельность в которых ведется в рамках подготовки бакалавров, магистров, докторантов. Значительная часть сугубо научных центров и НИИ, открытых при вузах для проведения региональных исследований, состоит в крупных объединениях (ссылки на эти центры и НИИ можно найти в прил. 1).

Факультет между-народных регио-нальных исследо-ваний	国際地域学科	International and Regional Studies	https://www.hokkyodai.ac.jp/hak/faculty/characteristic.html https://www.hokkyodai.ac.jp/eng/admission/undergraduate/international/hakodate.html
--	--------	------------------------------------	--

На факультете открыты департамент регионального образования и регионально-го сотрудничества. Во втором три группы: международного сотрудничества, реги-ональной политики, региональной экологии

Токийский университет	東京大学	Tokyo University	https://www.u-tokyo.ac.jp/ja/index.html https://www.u-tokyo.ac.jp/en/index.html
Факультет филоло-гии и аспиранту-ры ³⁰ в сфере гума-нитарных и соци-альных наук	人文社会系研究科・文学部	Graduate School of Humanities and Sociology Faculty of Letters	http://www.l.u-tokyo.ac.jp/ http://www.l.u-tokyo.ac.jp/eng/index.html

Включает специальности: общекультурные, социокультурные, японские, азиат-ские, европейские и американские, корейские исследования, культурное источ-никоведение

Факультет гумани-тарных наук и аспи-рантуры в сфере комплексных куль-турных исследований	総合文化研究科・教養学部	College of Arts and Sciences and the Graduate School of Arts and Sciences	http://www.c.u-tokyo.ac.jp/index.html http://www.c.u-tokyo.ac.jp/eng_site/
--	--------------	---	--

Включает специальности: культурные исследования (междисциплинарные, реги-ональные, трансдисциплинарные), международные социальные исследования, мультидисциплинарные исследования (науки о жизни, базовые науки, общеси-стемные исследования), лингвистическая информатика

Отдел аспирантуры в сфере погранич-ных наук	新領域創成科学 研究科	Graduate School of Frontier Sciences (GSFS)	https://www.k.u-tokyo.ac.jp/ https://www.k.u-tokyo.ac.jp/index.html.en
---	-------------	---	--

Включает специальности: исследования материальных систем, естественной, морской, окружающей среды, систем окружающей среды, среды человека и обще-ства, международного сотрудничества

Токийский университет ино-странных языков	東京外国語大学	Tokyo University of Foreign Studies	http://www.tufts.ac.jp/english/
--	---------	-------------------------------------	---

³⁰ Аспирантуры во многих японских вузах могут подразумевать обучение для присвоения не только докторской степени, но и степени магистра.

Школа международных и социальных исследований	国際社会学部	School of International and Area Studies	http://www.tufs.ac.jp/education/ia/ http://www.tufs.ac.jp/english/education/ia/
Школа международного японоведения	国際日本学部	School of Japan Studies	http://www.tufs.ac.jp/education/js/ http://www.tufs.ac.jp/english/education/js/

Университет Васэда	慶應義塾大学	Keio University	https://www.waseda.jp/top/ https://www.waseda.jp/top/en
Отдел аспирантуры в сфере Азиатско-тихоокеанских исследований	大学院アジア太平洋研究科	Graduate School of Asia-Pacific Studies (GSAPS)	https://www.waseda.jp/fire/gsap/ https://www.waseda.jp/fire/gsap/en

В отделе три специализации: региональные исследования, международные отношения, международное сотрудничество и административная политика

Университет Досия	同志社大学	Doshisha University	https://www.doshisha.ac.jp/index.html https://www.doshisha.ac.jp/en/
Факультет глобальных и региональных культурных исследований	グローバル地域文化学部	Faculty of Global and Regional Studies	https://gr.doshisha.ac.jp/ https://gr.doshisha.ac.jp/en/index.html

Университет префектуры Ниигата	新潟県立大学	University of Niigata Prefecture	https://www.unii.ac.jp/ https://www.unii.ac.jp/e/
Факультет международных региональных исследований	国際地域学科	Faculty of International Studies and Regional Development	https://www.unii.ac.jp/faculties-departments/faculty-international/ https://www.unii.ac.jp/e/faculty/international.html

Реализуются три программы: международных отношений, кросс-культурных исследований, языков и культур (русский, китайский, корейский)

Университет Риккё	立教大学	Rikkyo University	https://www.rikkyo.ac.jp/ http://english.rikkyo.ac.jp/
--------------------------	------	-------------------	--

Университет предлагает обучение по направлениям в сферах региональных культурных исследований и региональной урбанистики

Университет София	上智大学	Sophia University	https://www.sophia.ac.jp/ https://www.sophia.ac.jp/eng/index.html
Программа аспирантуры по региональным исследованиям	地域研究専攻	Sophia's Graduate Program in Area Studies (SGPAS)	https://dept.sophia.ac.jp/g/gs/areastudies/ https://dept.sophia.ac.jp/g/gs/areastudies/en/faculty.html

Открыта при Отделе аспирантуры в сфере глобальных исследований, включает следующие направления: восточноазиатские, азиатские, среднеазиатские, европейские и латиноамериканские исследования

Университет Судзука	鈴鹿大学	Suzuka University	https://www.suzuka.ac.jp https://www.suzuka.ac.jp/english/
Факультет международных региональных исследований, отдел аспирантуры в сфере международных региональных исследований	国際地域学部・ 国際地域学科	---	https://www.suzuka.ac.jp/academics/international_region/

Университет Тайсё	大正大学	Taisho University	https://www.tais.ac.jp/
Департамент региональной активизации	地域創生学部	Regional Creation Department	https://www.tais.ac.jp/faculty/department/regional_creation/

Университет Тоё	東洋大学	Toyo University	https://www.toyo.ac.jp/ja-JP/ https://www.toyo.ac.jp/en/
Факультет международных исследований	国際学部	Faculty of Global and Regional Studies	https://www.toyo.ac.jp/ja-JP/academics/faculty/grs/ https://www.toyo.ac.jp/en/academics/faculty/grs/

Включает три департамента: глобальных инновационных, международных региональных и общих региональных исследований			
Университет Тоттори	鳥取大学	Tottori University	https://www.tottori-u.ac.jp/ https://www.tottori-u.ac.jp/English
Факультет региональных наук	地域学部	Faculty of Regional Sciences	http://www.rs.tottori-u.ac.jp/index.html http://www.rs.tottori-u.ac.jp/english/
Включает три специальности: формирование регионов, образовательный процесс и развитие человеческих ресурсов, глобальные и региональные культуры			
Университет Тохоку	東北大学	Tohoku university	https://www.tohoku.ac.jp/japanese/ https://www.tohoku.ac.jp/en/
Отдел аспирантуры в сфере международных культурных исследований	大学院国際文化研究科	Graduate School of International Cultural Studies (GSICS)	http://www.intcul.tohoku.ac.jp/ http://www.intcul.tohoku.ac.jp/english/
На отделении региональных исследований функционируют департаменты европейских и азиатско-африканских культурных исследований, глобальных японских исследований, международной политики и экономики, международной политики в области экологии и ресурсов, мультикультурализма, теоретической и прикладной лингвистики			
Факультет филологии и аспирантуры в сфере филологии	大学院文学研究科・文学部	Graduate School/Faculty of Arts and Letters (GSAL)	https://www.sal.tohoku.ac.jp/ https://www.sal.tohoku.ac.jp/en/
В структуре факультета департаменты японских исследований, глобальных гуманитарных наук, интегрированных наук о человеке			
Университет Фукуи	福井大学	Fukui University	https://www.u-fukui.ac.jp/ https://www.u-fukui.ac.jp/eng
Школа международных региональных исследований	国際地域学部	School of Global and Community Studies	http://www.gcs.u-fukui.ac.jp http://www.gcs.u-fukui.ac.jp/eng/
Университет Хоккайдо	北海道大学	Hokkaido University	https://www.hokudai.ac.jp/ https://www.global.hokudai.ac.jp/
Лаборатория региональной науки	地域科学研究室	Laboratory of Regional Science	https://www.let.hokudai.ac.jp/general/department-regional-science

Создана при департаменте гуманитарных наук факультета филологии и аспирантуры в сфере филологии

Университет Цукуба	筑波大学	Tsukuba University	http://www.tsukuba.ac.jp/ http://www.tsukuba.ac.jp/en/
Магистерская программа «Международные региональные исследования»	国際地域研究専攻	Master's Program in International Area Studies	http://www.chiiki.tsukuba.ac.jp/ http://www.chiiki.tsukuba.ac.jp/en/en_index

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ЯПОНСКИЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ

Список краеведческих журналов Японии, разбитый по регионам:
<http://www.iwata-shoin.co.jp/local/index.html>.

База данных работ по славянским региональным исследованиям в Японии: https://dbr.nii.ac.jp/infolib/meta_pub/G0000049SLAV

Список баз данных, пополняемый Киотским университетом:
<http://www.cias.kyoto-u.ac.jp/database/>

Подборка материалов Библиотеки Парламента Японии по истории регионов: https://rnavi.ndl.go.jp/research_guide/entry/post-314.php

Подборка материалов Библиотеки Парламента Японии по региональным исследованиям и краеведению Японии:
<https://rnavi.ndl.go.jp/humanities/entry/post-8.php>

Научное издание

Кремнёв Евгений Владимирович

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯПОНИИ

ISBN 978-5-9624-1892-6

Редактор *Н. А. Михайлова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2020. Поз. 125
Подписано в печать 22.12.2020. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 8,1. Усл. печ. л. 11,4. Тираж 100 экз. Заказ 141

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124